

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2003

ISSN 0131-2812

Китай и глобализация.
Международная научная
конференция в ИДВ

●
Новый шаг на пути реформ в КНР

●
Эволюция внешней политики
Китая в период реформ

●
Корейско-российские отношения
в XXI веке: вызовы и шансы

●
Энциклопедия духовной культуры
Китая

2003

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2003

Ноябрь - Декабрь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

М.Титаренко. Китай и глобализация. Вступительное слово при открытии XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" 6

ПОЛИТИКА

В.Портяков. Новый шаг на пути реформ.....12
В.Михеев. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений 16
Е.Сафронова. Глобализации и взгляд на нее из КНР и развивающихся стран 31
Чжан Байцзя (КНР). Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002 гг.).....40
П.Каменнов. КНР: проблемы обороны.....52
Хон Ван Сук (РК). Поиск новых возможностей в корейско-российских взаимоотношениях в XXI веке: вызовы и шансы.....67

ЭКОНОМИКА

И.Шевель. Реформа банковской системы в Китае 75

Д.Шурхуу (МНР). Глобализация и монголо-китайские торгово-экономические отношения.....	82
Л.Боки. Китай принимает вызов мирового рынка.....	89
М.Потапов. О теоретических аспектах современного азиатского новоиндустриализма.....	93

ОБЩЕСТВО

О.Почагина. Китайская молодежь: отношение к семье и браку.....	109

ИСТОРИЯ

Д.Володин. Роль Кореи в политике США (1945-1953гг.).....	125
Е.Катасонова. Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект (окончание).....	134

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

М.Титаренко. Духовная культура Китая и симфония культур.....	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.Почагина. XIV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".....	155
С.Торопцев. Литературное творчество Ван Мэна. Международная научная конференция в Циндао.....	162

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Г.Куликова. 45-летний юбилей Общества российско-китайской дружбы Хабаровского края.....	167

РЕЦЕНЗИИ

Т.Полоскова, Д.Цветков. Кубышина Г.А. Переход к рынку (опыт России и стран Азии).....	170
А.Желоховцев. Серия литературы русских эмигрантов в Китае.....	172

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Басманову Михаилу Ивановичу — 85 лет.....	176
Льву Петровичу Делюсину — 80 лет.....	178
70-летие Алексея Николаевича Желоховцева.....	182

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2003 г.....	183

Главный редактор *А.М. Григорьев*

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

М.Титаренко. Китай и глобализация.

Во вступительном слове на состоявшейся 23 сентября 2003 г. в Москве церемонии открытия XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы" по теме "Китай: шансы и вызовы глобализации" академик РАН, директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко отметил, что в КНР вдумчиво и комплексно подходят к проблеме глобализации. Благодаря устойчивому развитию народного хозяйства и внешнеэкономических связей Китай эффективно адаптируется к процессу глобализации, стремясь воспользоваться возможностями интеграции в мировую экономику с целью использования международного рынка для своих товаров, освоения передовых технологий и современных экономических методов управления. При этом Китай намерен в рамках мирового капиталистического рынка создать материк социалистической рыночной экономики, причем не путем нещадной эксплуатации мировой периферии, как это практикуется странами "золотого миллиарда", а на основе соразвития всех государств.

Что касается взаимодействия культур в процессах глобализации, автор особо подчеркивает, что КНР отвергает сплошную вестернизацию, американизацию культур с делением на высшую и низшую, неизбежность "столкновения цивилизаций" и настаивает на возможности и необходимости взаимодействия и взаимообогащения культур.

В.Портяков. Новый шаг на пути реформ

В статье вкратце проанализированы наиболее важные положения Решения ЦК КПК "О некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики", принятого 3-м Пленумом ЦК КПК XVI-го созыва (11-14 октября 2003 г.)

В.Михеев. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений

В статье выявлены основные новые положения во внешней политике КНР после XVI съезда КПК и проведен анализ того, как это может повлиять на российско-китайские отношения.

Е.Сафронова. Глобализация и взгляд на нее из КНР и развивающихся стран

Автор высказывает свое понимание особенностей современного этапа глобализации и анализирует в сравнительном ключе взгляды КНР и других развивающихся стран на содержание текущих глобализационных процессов. Рассматривая концептуальные истоки позиций КНР и других развивающихся государств по проблемам глобализации, автор делает акцент на характеристике "средств реагирования" названных государств на ее вызовы.

Чжан Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002 гг.)

Китайский ученый делает в своей статье экскурс в историю внешней политики КНР 1992-2002 гг. на фоне развития международной ситуации. Прослеживается процесс формирования отношений Китая с крупнейшими странами мира в результате постепенного отказа от "революционной" политики Мао Цзэдуна и принятия прагматичного курса внешнеполитической открытости, выработанного Дэн Сяопином.

Автор анализирует позитивные результаты этой политики и прогнозирует сохранение ее преемственности в будущем.

П.Каменнов. КНР: проблемы обороны

В статье исследуются основные тенденции и проблемы оборонного строительства КНР на рубеже XX — XXI столетий. В качестве преобладающей тенденции автор отмечает совершенствование качественных параметров оборонного потенциала, поддержание военных расходов на относительно невысоком уровне, сохранение принципа оборонной достаточности.

Хон Ван Сук (РК). Поиск новых возможностей в корейско-российских взаимоотношениях в XXI веке: вызовы и шансы

Автор рассматривает итоги развития двусторонних связей за десять с лишним лет после установления дипломатических отношений между Сеулом и Москвой, подробно говорит о факторах торможения в развитии корейско-российских отношений и обнадеживающих симптомах, которые позволяют преодолеть их и укрепить сотрудничество в будущем. По его мнению, отношения Республики Корея и России вступают в более зрелую фазу после временного периода стагнации, когда обе стороны, исходя из геополитической реальности на Корейском полуострове, должны подходить ко всем проблемам с прагматической точки зрения.

И.Шевель. Реформа банковской системы в Китае

В материале анализируются последние шаги руководства КНР по реформированию банковской системы, в частности в отношении "неработающих кредитов "большой четверки" госбанков; обращается внимание на создание специального органа — Комитета по контролю и регулированию банковской деятельности, раскрываются его функции, требования, предъявляемые к банкам в новых условиях, связанных с членством Китая в ВТО. Определенное внимание уделено также переоценке значения потребительского кредита для экономического развития страны. Отмечается необходимость создания системы небольших коммерческих и частных банков для содействия мелкому и среднему бизнесу.

Д.Шурхуу (МНР). Глобализация и монголо-китайские торгово-экономические отношения

Автор показывает, что Монголия располагает многими сравнительными преимуществами (политическая стабильность и открытая экономика, соседство с рынками России и Китая, богатые природные ресурсы, преобладание грамотного молодого населения, нетронутая природа) для интеграции в мировые экономические связи. В статье также дается анализ монголо-китайских торгово-экономических отношений.

Л.Бони. Китай принимает вызов мирового рынка

Повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и обеспечение защиты китайского производителя от дешевого импорта (цены внутреннего рынка на основные виды сельхозпродукции выше мировых) в связи со вступлением Китая в ВТО — главная стратегическая задача, поставленная руководством страны в “Программе создания зон продукции сельского хозяйства, обладающих сравнительными преимуществами. 2003-2007 гг.”. С 2003 г., согласно Программе, уже выделено два специализированных отраслевых пояса по производству отдельных видов товарной продукции, обладающих конкурентными преимуществами. В ближайшие пять лет ставится задача за счет этих поясов полностью удовлетворить и оживить внутренний спрос и поднять конкурентоспособность продукции.

М.Потапов. О теоретических аспектах современного азиатского неоиндустриализма

Автор анализирует восточноазиатскую модель догоняющего развития 50-90-х годов в ее импортозамещающей и экспортно-ориентированной формах. Рассматривается соотношение между либерализмом и протекционизмом. Подчеркивается особая важность переоценки сложившейся модели развития с акцентом на интенсивные факторы роста.

О.Почагина. Китайская молодежь: отношение к семье и браку

В статье анализируются основные тенденции изменений в представлениях городской молодежи о браке и семье (мотивация создания семьи, критерии выбора брачного партнера, добрачные сексуальные отношения и безбрачие, бездетность и принятие решения о рождении ребенка, расторжение брака, внутрисемейные отношения), что чрезвычайно важно для понимания особенностей социализации будущих поколений и развития и функционирования института семьи в КНР в XXI веке.

Д.Володин. Роль Кореи в политике США (1945-53 гг.)

Тема Корейской войны 1950-53 гг. достаточно широко освещена в российском корееведении, однако в большинстве работ рассматривается под “российским” или “корейским” углами зрения. Предвоенные планы США и роль Кореи в политике Вашингтона в 1945-1953 гг. менее известны. На основе углубленного анализа американских источников автор пытается выяснить, чем было обусловлено вступление США в эту войну и какие точки зрения по этой проблеме существовали в американском руководстве.

М.Титаренко. Духовная культура Китая и симфония культур

В статье рассказывается о содержании и особенностях уникального издания — энциклопедии “Духовная культура Китая”, работа над которой ведется в Институте Дальнего Востока РАН, целях и задачах, которые поставили перед собой редколлегия и коллектив авторов энциклопедии. В книге будут освещены важнейшие аспекты китайской древней, средневековой и современной духовной культуры — от философии и традиционной науки до политико-правовой культуры. Ее создатели предприняли попытку совместить формат специализированной энциклопедии и энциклопедического словаря.

От редакции. 23-25 сентября 2003 года в Институте Дальнего Востока РАН состоялась очередная (XIV) Международная научная конференция, проходящая традиционно под названием, ставшим известным и привычным отечественным и зарубежным китаеведам: "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". В этом году главной темой, вокруг которой концентрировались дискуссии на пленарных и секционных заседаниях конференции, была тема: "Китай: шансы и вызовы глобализации". Ей же было посвящено и проведенное в рамках конференции заседание "круглого стола" участников.

В настоящем номере ПДВ публикуется развернутая информация о работе конференции. Кроме того, по предложению председателя и организационного комитета конференции, поддержанном ее участниками, редакцией и редколлегией ПДВ, в этом номере публикуются полные тексты ряда выступлений и докладов, либо статьи, подготовленные на их основе. Публикация материалов конференции будет продолжена в последующих номерах журнала.

Китай и глобализация*

© 2003

М. Титаренко

Обсуждение поставленной на конференции проблемы чрезвычайно актуально как с теоретической, так и с практической точек зрения. В ходе научной дискуссии можно будет выявить глубинные тенденции развития Китая в XXI веке. В практическом плане это даст материал для прогнозирования развития тенденций во внутренней и внешней политике нашего великого соседа — КНР. А это, в свою очередь, позволит нам определить подходы КНР к российско-китайским отношениям и международной политике Китая в целом, а следовательно, и к мировой ситуации.

На мой взгляд, в Китае и теоретики, и политики весьма вдумчиво и комплексно подходят к проблеме глобализации. Это проявляется как в стратегии осуществлении реформ и политики открытости, так и в решениях китайского руководства о вступлении в международную систему экономических отношений, в их организационные институты, прежде всего в ВТО.

Китай достаточно эффективно и комплексно адаптируется к процессу глобализации, более того, стремится влиять на этот процесс, на его содержание и формы, пытается воспользоваться глобализацией как шансом для интеграции в мировую экономику, завоевания емких рынков для китайских това-

---

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, директор ИДВ РАН

* Вступительное слово при открытии международной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" по теме "Китай: шансы и вызовы глобализации" 23 сентября 2003 г.

ров, освоения передовых методов управления современной экономикой и приобщения к передовым технологиям.

Некоторые сверхоптимистические аналитики на основании этого даже полагают, что Китай якобы вынашивает планы и имеет реальные шансы влиться в “золотой миллиард”, расширив “золотой миллиард” до “трех миллиардов”.

Новаторский подход и сверхзадачи, которые ставит перед собой руководство Китая, как мне представляется, грандиозны не только по масштабам, но и по целям. Последние состоят в том, чтобы, включившись в процесс глобализации постиндустриальной капиталистической рыночной экономики, создать в рамках этой системы материк социалистической рыночной экономики — социализма с китайской спецификой.

Принципиальное отличие этих целей от целей “золотого миллиарда”, обогащающегося за счет нещадной эксплуатации стран мировой периферии, состоит прежде всего в том, что Китай стремится достигнуть своих целей, как указывалось на XVI съезде КПК, на основе политики реформ, открытости и — особо выделим — *соразвития*.

Настойчивые усилия китайского руководства по реализации задач национального возрождения, подъема экономики и культуры на основе принципов конвергенции — сплава социалистических идеалов и эффективной рыночной экономики — внушает надежду на успех этого великого эксперимента. Традиционная китайская мысль дает теоретико-методологическую основу для такого сочетания. Этой философией является китайская диалектика “инь-ян”, “соединение двух противоположностей в одно” (“хэ эр эр и”).

Глобализация придает общепланетарный размах не только торгово-экономическим, но и политическим, финансовым, культурным связям и обменам, одновременно взрывает национальные государственные границы, требует новой интерпретации понятий “государственный суверенитет”, “независимость”, “права человека”, “гражданское общество” и т.д. Она взламывает прежние традиции и нормы международного права и статус многих международных организаций, включая даже ООН.

На мой взгляд, нельзя не сказать и о том, что распад Советского Союза, который произошел под тяжестью нерешенных внутренних проблем и огромной международной сверхвовлеченности в конфликтные ситуации, гонку вооружений и “гиперинтернационализм”, позволил развитым странам Запада, прежде всего Соединенным Штатам Америки, европейским странам, входящим в ЕЭС, и Японии, оседлать процесс глобализации, сделать его орудием утверждения своего доминирования в мире и источником сверхобогащения за счет неэквивалентного обмена между развитыми и развивающимися экономиками. Абсолютно ведущую роль в этом стала занимать единственная сверхдержава, оставшаяся на планете, — Соединенные Штаты Америки, военно-экономическое могущество которой во много раз превышает потенциал каждой отдельной страны и совокупный потенциал партнеров США на международной арене.

Развитые страны современной Европы потратили более 200 лет на то, чтобы достигнуть нынешнего высокого уровня развития. Китай ставит перед собой задачу в течение нескольких десятилетий догнать и сравняться с ними по уровню экономического и научно-технического развития и превзойти их в социально-политическом плане. Такова сверхзадача, поставленная Китаем. Она была вновь озвучена на недавнем XVI съезде КПК, как задача “великого возрождения китайской нации”. Ради решения этой задачи китайское руководство ставит своей целью превратить Китай в течение XXI века во всемирную “фабрику товаров”, стать великой процветающей могучей современной державой.

Перед Россией также стоит проблема адаптации к процессам глобализации и интеграции в мировую экономику. Сложность решения этой грандиоз-

ной задачи для РФ состоит в том, что Россия, будучи огромной евразийской державой, не может применить единую стратегию и тактику интеграции в мировую экономику, поскольку экономическая ситуация и процесс ее интеграции с Европейским экономическим сообществом и с экономическим пространством Азиатско-Тихоокеанского региона принципиально различаются. И это различие касается как разных уровней развития европейской, сибирской и дальневосточных частей России, так и глубины интеграционных процессов, которые проходят в европейской части с участием Америки, и в азиатской части также при доминировании США.

Одним из важных шагов на пути включения в процесс глобализации и интеграции является вступление России в ВТО. Для этого требуется провести очень сложную долговременную многослойную подготовительную работу, как это было сделано Китаем. КНР в течение 15 лет терпеливо вела сложные переговоры с членами ВТО и обеспечила "мягкую посадку" для своей экономики, гарантии выживания и развития национальной экономики и способы защиты национального бизнеса. С этой точки зрения всестороннее изучение подходов Китая к процессам глобализации имеет для России неопределимое значение и в теоретическом, и в практическом планах. Если эти обстоятельства не будут учтены, России уготована участь сырьевого придатка и рынка сбыта готовой продукции как для западных стран, так и для ее дальневосточных соседей.

О размахе исследований различных аспектов глобализации Китая свидетельствует тот факт, что только институтами Академии общественных наук Китая и региональными академиями общественных наук за последние годы подготовлены десятки монографических исследований, проведены многочисленные международные и внутрикитайские научные конференции по этой проблематике. Во время своей недавней поездки в Китай в сентябре 2003 г., заглянув в книжный магазин АОН Китая, я насчитал свыше 20 книг, посвященных этой проблеме.

Знакомство с этими трудами позволяет утверждать, что многие китайские коллеги не сводят глобализацию лишь к проблемам экономики, а считают, что она затрагивает и другие аспекты жизни гражданского общества, включая политику, мораль, образование, экологию, право, вопросы обороны и безопасности и т.д. В их трудах рефреном звучат три тезиса.

1. Человечество вступило в эпоху глобализации.

2. Глобализация — это объективный процесс, которому никто не в состоянии помешать и к которому все должны адаптироваться, если не хотят оказаться отброшенными на обочину истории.

3. Глобализация — сложный, противоречивый процесс, открывающий перед каждой страной как новые шансы развития и прогресса, так и бросающий им многочисленные вызовы.

Среди китайских ученых существует большой разброс мнений в оценке процессов глобализации. Ряд ученых полагает, что глобализация на самом деле означает американизацию мира. Разновидностью такого подхода является оценка глобализации как "установления господства и контроля капиталистической экономической системы во всем мире".

Однако немало китайских исследователей, которые не разделяют вышеуказанные взгляды, полагая, что сведение глобализации к дальнейшему расширению капитализма в мире, к вестернизации или американизации является определенным упрощением проблемы.

Одни из них считают, что объединение и унификация законов и принципов ведения мирового хозяйства предполагает постепенное углубление общности интересов между различными странами, и отнюдь не сводится к вопросу ассимиляции кого-то по модели другого, а скорее означает "ассимиляцию всех"

по "общей модели". Правда, непонятно при этом, что же представляет собой эта "общая модель".

Более взвешенную, на наш взгляд, точку зрения высказывает известный китайский экономист Ма Хун. Он полагает, что понятия "глобализация" и "унификация" (итихуа) отнюдь не синонимы. Одновременно с развитием экономической глобализации идет процесс становления многополярности мира. Выход Китая в мир в значительной мере касается прежде всего включения его в поток экономической глобализации.

Некоторые китайские ученые анализируют только условия экономической глобализации и видят в ней "второй двигатель китайских реформ", "самый благоприятный шанс для Китая в XXI веке".

Как видим, многие из китайских авторов делают акцент прежде всего на тех благоприятных шансах, которые открываются для Китая в плане модернизации и превращения его в высокоразвитое процветающее государство. Более того, в ряде трудов прямо подчеркивается, что наибольшую выгоду от ускорения глобализации, начавшейся после распада Советского Союза и мировой социалистической системы, получил именно Китай.

По мнению китайских исследователей, выгоды от глобализации сводятся к следующему.

1. Политика вовлечения Китая в процесс глобализации в ходе реформ и открытости позволяет Китаю развивать экономику высокими темпами — от 8 до 9 с лишним процентов роста ВВП ежегодно и приводит к огромному увеличению объемов внешней торговли Китая. Если в 1978 г. объем внешней торговли составлял 7,8% ВВП, в 1996 г. он достиг 45%. В 2002 г. объем внешней торговли Китая превысил 612 млрд. долл., и Китай ныне разделяет 5-6 места в мире по объему внешней торговли.

2. Вовлеченность в глобализацию позволила Китаю привлечь внешние инвестиции в невиданных масштабах. Их объем превысил 500 млрд. долл. Из них прямые, уже использованные, инвестиции составили к 1998 г. 261 млрд. долл. В 2002 г. прямые инвестиции в экономику Китая составили 52,7 млрд. долл. США, и Китай вышел на первое место в мире по количеству получаемых инвестиций не только среди развивающихся стран, но и среди развитых стран, превзойдя по этому показателю даже США.

3. В настоящее время в Китае действует свыше 3 млн. совместных или иностранных предприятий, что позволяет широко использовать передовые технологии и передовой опыт управления.

4. Благодаря привлечению иностранного опыта произошли коренные структурные изменения в китайской экономике и в характере распределения и концентрации доходов. Если раньше доходы в основном концентрировались и распределялись правительством, то сейчас они концентрируются и распределяются в большинстве случаев самими гражданами. Если в начале реформ в 1978 г. сбережения населения составляли 1% ВВП, то в настоящее время они превышают 21%.

5. Происходит изменение структуры экономики страны. Китай из аграрной превратился в индустриальную страну, происходит индустриализация аграрного сектора. Доля сельской рабочей силы с 80% снизилась до 50%. Произошли серьезные изменения в характере отношений собственности. К сожалению, некоторые китайские ученые, делающие акцент на позитивных сторонах глобализации, обходят вниманием тот факт, что из 712 млн. человек трудоспособного населения более 10% являются безработными. Кроме того, в число безработных не включаются более 150 млн. (по другим источникам — 200 млн.) человек сельской рабочей силы, не имеющих постоянной работы в деревне, и вынужденных кочевать по стране в поисках работы и источников

существования для себя и своих близких. Доля кооперативной и частной форм собственности, собственности местных правительств значительно возросла.

Китайские коллеги часто и с большим удовольствием цитируют оценку, данную в одном из своих докладов Всемирным банком, согласно которой Китай переживает период грандиозных преобразований, что с точки зрения темпов и размаха этих преобразований Китай на пороге нового экономического подъема и что это явится "самым великим достижением современной эпохи".

6. Одним из свидетельств распространения глобализации на политическую, правовую и культурную сферы является тот факт, что в течение 18 лет реформ, с 1980 по 1998 гг., Китай ратифицировал 177 международных соглашений об экономическом, политическом и культурном сотрудничестве, и является участником всех соответствующих международных организаций, в то время как за период с 1949 г. по 1979 г. таких соглашений было ратифицировано только 48.

Разумеется, китайские авторы упоминают и о тех вызовах, которые бросает глобализация и то давление, которое оказывается на внутреннюю жизнь страны. Они признают, что либерализация правил торговли, движения капитала и рабочей силы требует коренного изменения внутренних правил и законов страны, и эту работу Китай проводит. Они признают также, что глобализация является фактором серьезного политического давления и требует изменения политической структуры власти Китая. Это прежде всего выражается в "требованиях" западных партнеров заменить руководящую роль КПК многопартийной системой, которая, по их мнению, единственно соответствует нынешним стандартам демократии. Разумеется, китайские ученые видят, что сферами политико-идеологического давления извне являются также такие проблемы, как права человека, роль армии, сепаратизм в Тибете, СУАР и т.д. Признается также, что глобализация создает серьезные вызовы и в области культуры, подрывая национальную идентичность и основы китайской системы ценностей, толкая китайское общество в объятия западной массовой культуры и общества потребления, навязывает общество, где процветают наркомания, распространены СПИД и другие социальные болезни, которые в прошлом были неизвестны в КНР.

Тем не менее китайские исследователи в большинстве своем считают, что продолжение политики реформ, модернизация экономики и совершенствование политической культуры, дальнейшее расширение системы народного представительства позволят нейтрализовать негативные аспекты глобализации. Главное, по их мнению, — открываются шансы повысить конкурентоспособность китайских товаров, совершенствовать систему управления, повысить роль Китая в мире. Китайские исследователи исходят из того, что глобализация — обоюдоострое оружие, и вопрос в том, как его правильно использовать. По мнению большинства исследователей у Китая нет другого выбора, как без всяких колебаний адаптироваться и включиться в процесс глобализации.

Китайские ученые считают, что перед Китаем стоит задача достижения к концу XXI века достойного положения, равноправия и справедливости в этом мире. Некоторые ученые даже видят в достижении этих целей "историческое призвание и миссию Китая".

В области раскрытия перспектив сотрудничества китайских и российских ученых и деятелей культуры вызывает особый интерес трактовка вопроса о вызовах глобализации в сфере культуры. Показательно, что китайские ученые, изучающие проблемы сохранения многообразия культур и национальных ценностей, перед лицом лавинообразного наступления вестернизации и американизации в качестве альтернативы выдвигают систему взглядов и мер, во многом совпадающих с идеями нового евразийства.

Китайские коллеги, как и российские сторонники нового евразийства полагают, что в глобальном сознании необходимо преодолеть идеи столкновения несходных цивилизаций, стремиться заимствовать лучшие элементы мировой культуры и, пройдя этап отбора, содействовать слиянию всего самого значительного в мире в некое единое целое — современную мировую культуру.

Известно, что с точки зрения нового евразийства надо стремиться в национальной специфике находить всемирную общность и одновременно сохранять свою идентичность, своеобразие каждой цивилизации и, обретя мировую общность, привнести ее в каждую национальную самобытную культуру. Только таким образом можно обеспечить здоровое развитие экономической глобализации и мировой цивилизации.

Внешне эта формула выглядит как эклектическая: “с одной стороны, с другой стороны”. Однако по сути это не так. Главное заключается в том, что такой подход отрицает навязываемый сторонниками сплошной вестернизации и американизации культур иерархический принцип деления цивилизаций на высшие и низшие, он ближе к принципам симфонизма и соборности, взаимообогащения и диалога культур, отстаиваемых сторонниками евразийства. Это и есть альтернатива сплошной вестернизации культур, это и есть альтернатива теории “столкновения цивилизаций”, культурологическому обоснованию установления гегемонии развитых западных стран, прежде всего США.

Утверждение новых межцивилизационных отношений не только создаст основу для взаимообогащающего конструктивного диалога цивилизаций и их сосуществования и соразвития в XXI веке, но и цивилизационные предпосылки строительства мира, безопасности и нового мирового порядка на основе сотрудничества и соразвития. Опыт вхождения Китая в глобализацию, его умение воспользоваться благоприятными шансами для стимулирования процесса модернизации и реформ, его стойкость и стратегия поиска ответов на вызовы времени, вызовы глобализации весьма поучительны для России и не только для России.

Вот почему мы избрали объявленную тему: “Китай: шансы и вызовы глобализации” как стержень для дискуссии на нынешней международной конференции “Китай, китайская цивилизация и мир”.

Политика

Новый шаг на пути реформ

© 2003

В. Портяков

3-й Пленум ЦК КПК 16-го созыва (11-14 октября 2003 г.) стал по сути дела первым крупным политическим мероприятием нового китайского руководства во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Дополнительную политическую нагрузку пленуму придавало его проведение в сроки, близкие к памятным юбилейным вехам на пути реформ: 25 лет назад в декабре 1978 г. 3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва дал старт политике экономических реформ и открытости, а 10 лет назад в октябре 1993 г. 3-й Пленум ЦК КПК 14-го созыва объявил об окончательном переходе реформ в КНР на рыночные рельсы и наметил программу создания в стране основ социалистической рыночной экономики. Своеобразной аранжировкой нынешнего пленума стал полет первого китайского космонавта. Хотя полет вряд ли был приурочен именно к окончанию пленума (день 16 октября, когда полет завершился, памятен китайцам другим знаковым событием — испытанием в 1964 г. первой отечественной атомной бомбы) и даже на какое-то время заслонил его, все же на длительный временной дистанции 3-й Пленум ЦК КПК 16-го созыва в массовом сознании китайцев будет слит воедино с прорывом страны в космос.

Повестка дня пленума, объявленная заранее, включала три вопроса: доклад Политбюро ЦК КПК Центральному комитету партии, обсуждение и изучение проблем совершенствования системы социалистической рыночной экономики и предложений по частичному пересмотру Конституции. В преддверии пленума китайская печать наиболее оживленно комментировала первый пункт повестки дня, оценивая сам факт предстоящего доклада Политбюро Центральному комитету как дальнейшее развитие внутривнутрипартийной демократии и как еще один шаг на пути институционального обновления КПК, явно ускорившегося с приходом Ху Цзиньтао на пост генсека.¹

И все же главным итогом пленума стало Решение ЦК КПК "О некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики"², которое можно рассматривать как программу углубления рыночных реформ в КНР на среднесрочную перспективу.

На наш взгляд, наиболее важные особенности документа состоят в следующем.

Во-первых, совершенствование рыночных институтов в Китае отныне не рассматривается как чисто экономическая задача, а ставится в более широ-

кий политический и общекультурный контекст. В заключительном пункте Решения подчеркнута, что "социализм с китайской спецификой есть великое дело скоординированного развития социалистической рыночной экономики, социалистической демократической политики и передовой социалистической культуры". В документе подчеркнута необходимость "активно и стабильно проводить реформу политической системы", координировать преобразования в экономической и политической системах. Разумеется, слово — это еще не дело, но, как минимум, декларация о намерениях. И дело тут не только в мировоззрении и особенностях политического стиля тех или иных руководителей страны (хотя они, безусловно, чрезвычайно важны), но и в том, что экономическая реформа в Китае начинает все заметнее вторгаться в такие чувствительные — с точки зрения общественных настроений — сферы, где продвижение вперед и закрепление на новых рубежах требует недвусмысленной юридической и политической поддержки властей.

Во-вторых, уточнены приоритетные направления экономической реформы на современном этапе. Их в общей сложности семь: преобразования в сфере собственности; реформы в деревне; обеспечение более скоординированного регионального развития; создание единого конкурентного рынка; совершенствование макроэкономического регулирования и административного управления; оздоровление ситуации в сфере занятости, распределения доходов и социального обеспечения; создание механизма обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Рассмотрим некоторые из этих задач более подробно. С реформой отношений собственности связаны основные теоретические новации документа. Провозглашен курс на развитие смешанных форм собственности (с одновременным участием государственного, коллективного и неособществленного капитала).

Диверсификация круга инвесторов будет способствовать, как декларирует Решение, превращению паевой системы в основную форму реализации общественной собственности. Одновременно подчеркнута необходимость всемерного развития экономики неособществленных форм собственности. Объявлено о придании частным и индивидуальным предприятиям равного с другими статуса в налогообложении, землепользовании, внешнеторговой деятельности, о разрешении частному капиталу работать в сфере развития инфраструктуры и общественных услуг (ранее он туда не допускался).

Наконец, взят ориентир на создание современной системы имущественных прав. При этом имущественное право, охватывающее целый ряд конкретных прав (материальное, интеллектуальной собственности, долговое и т.д.) объявлено "ядром и главным содержанием" собственности как таковой. Заметим, что категория имущественного права активно обсуждалась китайской экономической наукой в первой половине 90-х годов, и вот теперь, десятилетие спустя, плоды теоретических дискуссий оказались востребованы практикой реформ.

Несомненно, решения пленума по проблемам реформы отношений собственности будут сопровождаться многочисленными комментариями. Ограничимся здесь лишь несколькими замечаниями.

- Похоже, что отныне именно реформа отношений собственности выдвигается в центр всей экономической реформы в Китае. Неизбежность такого шага ранее не раз предрекалась учеными-экономистами, в том числе и российскими китаеведами.³

- Более четкий и, прямо скажем, либеральный подход к проблемам отношений собственности может способствовать реальному ускорению реформы государственных предприятий, включая реформу государственных банков.

- Реализация на практике директив Решения в части отношений собственности — дело непростое. Помимо вероятного противодействия новой поли-

тике в сфере собственности с идеологических позиций существуют и значительные технические трудности. Как известно, попытка правительства Чжу Жунцзи снизить долю государственного пая в акционерных компаниях путем его частичной продажи через биржи ценных бумаг крайне негативно повлияла на общую курсовую стоимость акций и была, в конечном счете, отменена. Кроме того, конкретный механизм массового формирования компаний со смешанным составом собственников еще только предстоит отработать. Так что, скорее всего, процесс радикального “разгосударствления” китайской экономики окажется достаточно длительным по времени.

Положения Решения, касающиеся углубления реформ в деревне, носят вполне конкретный характер. Судя по всему, здесь чувствуется “рука” премьера Вэнь Цзябао, который в предыдущем составе правительства курировал сельское хозяйство и хорошо знает реальную ситуацию в деревне. Будет продолжена реформа системы закупок зерна, предполагающая переход от прежнего косвенного — через государственные закупочные предприятия — к прямому дотированию крестьян — производителей зернопродукции. В рамках обязательств по снижению финансового бремени крестьян обещана отмена специального сельхозналога (им облагаются некоторые виды сельхозпродукции) и постепенное снижение ставок основного сельхозналога — правда, только по завершении широкомасштабного эксперимента по замене многочисленных неналоговых сборов с крестьян единым сельхозналогом с несколько повышенной ставкой. Обещано и ускорение реформы административных структур волостного и уездного звена. Именно эти структуры являются сегодня главными обидчиками крестьян в Китае, облагая их различными полузаконными сборами и вовсе незаконными поборами.

Более четко, чем ранее, крестьянам разрешено передавать другим лицам — “в соответствии с законом, добровольно и на возмездной основе” — право хозяйствования на подрядных участках земли. В связи с этим не исключено определенное увеличение масштабов торговли правом пользования землями сельхозназначения или, по меньшей мере, выведения из “тени” какой-то части сделок в этой области.

Подтверждена решимость продолжить реформу системы прописки и улучшить положение сельских мигрантов в городах. На наш взгляд, практические шаги именно в данной области могут сыграть решающую роль в преодолении в конечном счете “дуалистической структуры” современного китайского общества, для которого характерен огромный имущественный и статусный разрыв между городом и деревней. Кстати говоря, вопрос о придании де-факто равного статуса горожанам и селянам в 2003 г. впервые начал открыто ставиться на страницах китайской печати, что симптоматично уже само по себе.

Разумеется, удовлетворительное решение проблем деревни представляет собой самую тяжелую задачу из всех тех, что стоят перед руководством страны. В текущем году дополнительные сложности здесь создала эпидемия атипичной пневмонии. Однако есть и проблеск надежды: в Китае впервые с 1995 г. намечился рост рыночных цен на зерно.

Корректировка стратегии регионального развития Китая становится все более и более настоятельной. Она диктуется не только необходимостью некоторого сглаживания различий в уровне доходов жителей различных территорий, но и интересами сохранения социально-политической стабильности. Все более дает о себе знать и чисто экономический фактор, а именно: узость внутреннего спроса на значительной части территорий страны затрудняет полное выявление и использование потенциала внутреннего рынка Китая в целом и ставит его экономический рост в чрезмерную зависимость от мировой конъюнктуры. Если хотите, сегодня Китаю для обеспечения устойчивых высоких тем-

пов экономического роста необходимо, как ни парадоксально это звучит, несколько повысить степень “опоры на собственные силы”, то есть увеличить долю внутренних инвестиций и внутреннего рынка в показателях совокупных капитальных вложений и реализации товаров.

В Решении поставлена задача более скоординированного развития регионов. Наряду с продолжением политики активного подъема западных территорий сформулирована и новая цель: возродить старую промышленную базу в Северо-Восточном Китае. Есть, однако, опасения, что одновременное поощрение в документе “опережающей” модернизации части территорий Восточного Китая будет и впредь подпитывать фактический инвестиционно-ресурсный крен в пользу наиболее развитых приморских районов страны. Во всяком случае, в ведущем общественно-политическом еженедельнике КНР — журнале “Ляован” — уже появились открытые сетования относительно того, что объявленные правительством стимулы и льготы для развития западных территорий не обеспечивают сокращения их отставания от восточных провинций — разрыв здесь продолжает расти.⁴

Детальных комментариев заслуживают и все другие направления преобразований, сформулированные в решении ЦК КПК “О некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики”. Будем надеяться, что соответствующая работа российских китаеведов не заставит себя ждать.

Затронем в заключение лишь один вопрос. Документ завершается призывом к укреплению и улучшению партийного руководства делом совершенствования системы социалистической рыночной экономики. Легко предположить, что данное положение способно породить самые разные интерпретации. Полагаю, однако, что речь идет не о некоем формальном соблюдении сложившихся правил игры, а об общем направлении общественного развития Китая. Вопреки расхожему мнению, в Китае отнюдь не собираются не сегодня-завтра официально отказаться от социализма (это ничего не дало бы ни руководству, ни народу, ни стране в целом). И, напротив, собираются, как заявлено в Решении, продолжать и впредь “овладевать новыми знаниями, изучать новую обстановку, решать новые проблемы, продолжать искать пути и методы органического соединения социалистического строя с рыночной экономикой”.

---

1. <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1026/2093667.html>.

2. <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2145119.html>.

3. Например, несколько лет назад автор данного материала писал: “Сложность, глубина, масштабность преобразований в сфере собственности в Китае в обозримой перспективе имеют все шансы намного превзойти достигнутое здесь в первое двадцатилетие реформ”. — См.: В.Я. Портяков. Экономическая реформа в Китае (1979-1999 гг.). Москва. ИДВ РАН. 2002. С.67.

4. Ляован. 2003. № 35. С.27-28.

Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений

© 2003

В. Михеев

Внешнеполитическая доктрина нового китайского руководства

Внешнеполитическая доктрина КНР находится сегодня в стадии постепенного обновления. В ней сочетается старое и новое видение китайским руководством мира и места Китая в мире.

Согласно старым представлениям, мир воспринимается китайскими лидерами как потенциально враждебный, хотя — в отличие от маоистского периода — и не несущей непосредственной военной угрозы безопасности Китая. Воспринимается через призму борьбы против сил гегемонизма, и, прежде всего, против американского стремления к глобальному доминированию, а также, хотя и в меньшей степени, против стремления к локальному доминированию "больших стран" — России, Японии, Индии.

Отсюда — и внешнеполитические приоритеты: во-первых, обеспечение благоприятных международных условий для проведения китайских реформ и политики открытости. Имеются в виду поддержание мирных отношений с глобальными лидерами и нормализация отношений с ближайшими соседями Китая. Во-вторых, это задача "затаиться на время", действовать на основе компромисса, говоря словами Цзян Цзэминя на совещании в ЦК КПК в январе 2002 г., "спрятать меч в ножны и воспитывать в себе униженность" — чтобы выиграть время, накопить "комплексную государственную мощь" и уже затем претендовать на роль мирового лидера.

Новые представления китайского руководства о мире стали активно формироваться в последние 3-4 года после того, как в 1999 г. КПК приступила к разработке концепции участия Китая в экономической и политической глобализации.

Новой экономической стратегией Китая, направленной на превращение Китая в глобальную экономику, соответствует новый внешнеполитический курс. Его суть состоит в выстраивании партнерских стратегических отношений с США, как единственной сверхдержавой, и в повышении глобальной и региональной роли Китая при помощи механизмов многосторонней дипломатии. Этому соответствует и данное КПК китайским дипломатам указание "быть как все", т.е. вести себя также раскованно, свободно, как дипломаты западных стран.

Соотношение старого и нового в формировании внешнеполитической доктрины Китая нашло отражение в решениях XVI съезда КПК. Пекин, с одной стороны, подтвердил готовность по-новому подходить к международным отношениям и строить их на основе партнерства с мировыми центрами силы, а

не в противодействие им. Объявил мир и развитие "лейтмотивом современной эпохи", охарактеризовав внешнюю обстановку как благоприятную для развития китайских реформ. А с другой стороны — изложил тезисы, уходящие корнями в недавнее прошлое, когда Китай стремился взять на себя роль лидера развивающихся стран в борьбе с международным гегемонизмом. Съезд охарактеризовал современный международный политический и экономический порядок как "несправедливый" и "не изменившийся в корне". В этом контексте он дал вторую, в каком-то смысле противоречащую только что приведенной, характеристику современного мира как "очень беспокойного", создающего человечеству "многообразные суровые вызовы". К последним, наряду с терроризмом, отнесены появление "новых форм гегемонизма в политике", с намеком на США, а также — "локальные конфликты на основе национально-религиозных противоречий", приграничные и территориальные споры, разница в уровнях развития Севера и Юга.

Ратуя за демократизацию международных отношений, съезд, вместе с тем, не предложил какой-либо новой модели мироустройства. На съезде были повторены известные китайские тезисы о том, что под "демократизацией и справедливостью" в международных отношениях понимается, во-первых, сохранение многообразия мира и множественности моделей развития стран. Во-вторых, решение политических проблем и проблем безопасности через консультации, без применения оружия и угроз его применения. В-третьих, экономическое сотрудничество, совместное развитие и взаимное цивилизационное и культурное обогащение. В-четвертых, принцип, согласно которому "дела каждой страны решаются ее собственным народом", а "дела планеты — на основе равноправных консультаций всех стран".

В усилении роли новых подходов к внешней политике Китая большую роль сыграли события 11 сентября. Первая китайская реакция на теракт против США была выжидательной: Китай будет бороться с мировым терроризмом на своей территории. Однако впоследствии в Китае поняли, что можно многое выиграть, поддержав США. Впоследствии Китай "обменял" политическую поддержку военной акции США в Афганистане и обмен разведывательной информацией о террористах на общее более благосклонное отношение США к Китаю и на конкретное, исключительно важное для Пекина, решение Вашингтона о включении в список террористических организаций Фронта освобождения Восточного Туркестана, угрожающего стабильности северо-западных районов Китая.

Как отражение китайской позиции по терроризму, созвучной сегодня с позицией большинства стран мира, на XVI съезде КПК прозвучал тезис о готовности Китая вместе с другими странами вести борьбу против терроризма "во всех его формах" "радикальными мерами" по "предотвращению и подавлению террористических акций" и "всемерному устранению истоков терроризма".

Новые и старые подходы китайского руководства к внешней политике проявляются в отношениях Пекина с США, основой которых по-прежнему является симбиоз взаимных опасений и взаимной выгоды.

Китай усматривает угрозу своим интересам в американском военном присутствии в АТР, осуществляемом согласно представлению Вашингтона о Китае как о главном американском противнике в регионе. США видят в Китае своего нового в скором будущем глобального конкурента, не оставившего пока идеи коммунистической ортодоксии и нарастающего собственную военную и экономическую мощь в интересах, как считает ряд американских аналитиков

и политиков, ослабления мировых позиций США. Вместе с тем, ни Китай, ни США не рассматривают друг друга в качестве прямой военной угрозы.

С другой стороны, США, на которые приходится около четверти китайской торговли и трети иностранных инвестиций в Китай, играют решающую роль в осуществлении китайской модернизации. Пекин прекрасно понимает, что без нормальных отношений с Вашингтоном поддерживать высокие темпы экономического роста невозможно. США, в свою очередь, имеют глубокие "бизнес-интересы" в Китае, основанные на крупных инвестиционных вливаниях, осуществляемых ведущими американскими ТНК. В стратегическом плане Вашингтон рассчитывает на постепенную трансформацию китайской политической системы в демократическом направлении на основе маркетизации и глобализации китайской экономики и вовлечения Китая в мировое рыночное и информационное пространство.

Постоянно углубляющиеся экономические взаимозавязки Китая и США устанавливают пределы ухудшения китайско-американских отношений в моменты кризисов.

Главной проблемой постепенно выстраивающегося китайско-американского партнерства является отсутствие и у Китая, и у США конкретных идей относительно того, как адаптировать двусторонние отношения к задачам создания новой системы международной безопасности, в которой учитывалось бы и мнение Китая. Высокопоставленные американские военные высказываются в пользу налаживания тесного военного сотрудничества с Китаем, вплоть до совместных учений и действий, направленных на предотвращение реальных, а не времен "холодной войны" угроз, коими являются терроризм, пиратство, транспортировка наркотиков, гуманитарные последствия стихийных бедствий и т.п. Стороны начинают осторожно зондировать ситуацию на предмет поставок американских вооружений в Китай.

Вместе с тем, китайско-американские отношения остаются обремененными старыми проблемами.

Наиболее острая из них — проблема Тайваня. Пекин рассматривает именно тайваньскую проблему как главное препятствие развитию стратегических отношений с США. США, признавая наличие "одного Китая", тем не менее, по мнению Пекина, осуществляют "неприемлемое для Китая" военное сотрудничество и высокого уровня политические контакты с островом.

Вторая проблема — Фалуньгун, в котором Пекин видит угрозу политической стабильности страны. Китайское руководство всерьез опасается, что Фалуньгун, опирающийся, по информации китайцев, на поддержку ЦРУ США, способен сыграть такую же дестабилизирующую роль во внутривнутриполитической жизни Китая, какую в свое время сыграла "Солидарность" в Польше.

Третья проблема — нарастающие после событий 11 сентября дискуссии внутри китайского общества между "либералами" — сторонниками глобализации китайской экономики и китайского общества — и "новыми левыми". "Либералы" считают дальнейшее улучшение китайско-американских отношений главным условием адаптации Китая к требованиям глобализирующегося мира. "Новые левые" видят в глобализации уловку США по усилению своего влияния в мире и в Китае.

Новое поколение китайских лидеров вынуждено будет считаться с обоими этими подходами. При этом любое обострение китайско-американских отношений из-за Тайваня, проблемы Фалуньгун, прав человека или Тибета, бу-

дет использоваться “новыми левыми” для ужесточения подхода к китайско-американским отношениям.

Права человека и проблема независимости Тибета также остаются раздражителями в отношениях Пекина и Вашингтона, хотя их воздействие на двусторонние связи не столь критическое по сравнению с только что перечисленными факторами.

Вместе с тем, в Китае усилились голоса тех консервативных сил, которые в будущем видят Китай в качестве новой “сверхдержавы”, призванной заменить бывший СССР в глобальном противостоянии с США.

Подобному подходу противодействует линия прагматического крыла китайского руководства, которое понимает, что неучастие Китая в глобальных и региональных интеграционных процессах и ставка на конфронтацию с лидерами мировой рыночной экономики нанесет непоправимый вред китайским реформам и политике модернизации.

Война в Ираке и ядерный кризис в Северной Корее показали новое направление развития китайско-американских отношений. Пекин не поддержал силовую акцию в Ираке, но и не выступал против нее с тем “энтузиазмом”, который был характерен для подхода Парижа, Бонна и Москвы. В результате в известной формуле К. Райз “Наказать Францию, забыть Германию, простить Россию” Китай даже не был упомянут. Отчасти это стало результатом договоренности между Пекином и Вашингтоном о том, что Китай воздерживается в случае голосования по Ираку в СБ ООН, а Вашингтон отказывается от силовой акции против Северной Кореи.

После окончания войны в Ираке именно Северная Корея стала той геополитической точкой, где Китай и США начали выстраивать линию на взаимодействие в решении региональных проблем. Состоявшиеся в Пекине в конце апреля 2003 г. трехсторонние переговоры КНР — КНДР — США, а затем и августовская шестисторонняя встреча по Северной Корее показали готовность Пекина уже не выступать в защиту “северокорейского социализма”, а сотрудничать с США по такой острой проблеме как ядерное нераспространение.

В этой связи нельзя не обратить внимание на любопытный факт. В начале пекинских трехсторонних переговоров, в ответ на намек Пхеньяна на возможность ядерного испытания, Вашингтон вбросил в американские СМИ “не подтвержденную информацию” о намерении шефа Пентагона предложить Китаю вместе с США свергнуть северокорейский режим. “Утка” есть “утка”, однако знаменательно то, что Вашингтон уже готов видеть в Пекине партнера и по таким “специфическим” операциям.

В отношениях с Россией Китай решил практически все главные спорные проблемы подписанием в 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договор урегулировал в основном пограничное размежевание, заложил основы для долгосрочного политического и экономического сотрудничества, названного стратегическим партнерством.

Вместе с тем, в двусторонних отношениях сохраняются проблемы.

Россия и Китай еще не свободны от попыток извлечь выгоду из противоречий, которые другая сторона имеет с США. В 90-е годы Москва активно пыталась втянуть Пекин в политику противодействия планам Вашингтона по расширению НАТО и созданию национальной ПРО. А Пекин, в свою очередь, играл на российско-американских противоречиях по НАТО и НПРО для извлечения собственных выгод военно-технического характера от России и экономического — от США.

У нас пока не получается выстроить новые российско-китайские отношения в контексте улучшения отношений и России, и Китая с США. Более того, сближение России и США создало трения в отношениях России с Китаем по целому ряду вопросов.

Во-первых, — это проблема НПРО. Китай в свое время активно поддерживал Россию по НПРО, в известной мере сузив себе поле для маневра в разговоре с США по вопросам региональной безопасности в СВА и ЮВА. Российско-американские договоренности по вопросам стратегической стабильности, а также предложения Москвы НАТО по созданию совместной ПРО ТВД в Европе и других регионах (пусть СВА и не упоминалась непосредственно) не могли не вызвать настороженности в Пекине. Настороженности, усиленной и своего рода "обидой" на то, что Москва вовремя не известила Пекин об изменении своего подхода к проблеме НПРО.

Во-вторых, — это расширение НАТО и новый формат сотрудничества Россия — НАТО. В Китае не сразу поняли и приняли новую российскую политику по отношению к Западу. Российская дипломатия вновь "забыла" разъяснить Пекину изменения в стратегических приоритетах Москвы, продолжая официально настаивать на их "неизменности". Пекин же воспринял прозападный акцент в политике Москвы как угрозу стратегическому характеру российско-китайских отношений. Не разъясненные Пекину шаги Москвы в прозападном направлении были восприняты китайским руководством как отход от духа только что подписанного Договора.

В не меньшей степени Пекин озаботился и судьбой стратегического партнерства с Москвой. Смещение фокуса российской политики на США и стремление России играть равную (или почти равную) США роль в создании нового миропорядка автоматически отодвигает российско-китайские отношения на региональный уровень. В своем выступлении перед руководством российского МИД в июле 2002 г. В. Путин, говоря о приоритетах российской дипломатии и назвав США, Евросоюз (ЕС) и СНГ, даже не упомянул Китай. И хотя Россия готова наращивать поставки вооружений в Китай и активно сотрудничать с ним в борьбе с терроризмом в Центральной Азии, вряд ли место "регионального партнера" будет приемлемо для Китая — особенно в контексте его усиливающегося стремления играть более заметную роль в мировых делах.

В-третьих, — это судьба "треугольника" Россия-Индия-Китай, замысливавшегося с явным антиамериканским подтекстом. Китай еще задолго до 11 сентября заявил о своем весьма осторожном отношении к идее трехстороннего сотрудничества с Россией и Индией и о нежелании быть втянутым в игру против США в таком формате. На фоне российско-американского и китайско-американского сближения эта идея, скорее всего, совсем угаснет.

В-четвертых, — это экономические проблемы. В случае благоприятного развития российско-американских стратегических отношений Россия может стать крупным конкурентом Китаю на мировых рынках кредитных заимствований. Пока у России были маленькие объемы заимствований, она не беспокоила Китай как конкурент. Угроза переориентации мировых финансовых потоков из Китая на Россию теоретически может привести к трениям в российско-китайских экономических отношениях и ответным ходам Китая. Например, в вопросе о вступлении России в ВТО.

К другим двусторонним проблемам относятся еще не до конца урегулированная граница в районе Хабаровска, проблема китайских нелегальных иммигрантов, число которых оценивается в 30-50 тыс. человек ежегодно, недо-

вольство российских военных соглашениями по поводу отвода войск от границы, по их мнению, нарушающее военные интересы России, и ряд других. Однако решение этих проблем связано больше с рутинной бюрократической межведомственной работой по налаживанию практических механизмов российско-китайского сотрудничества.

Перспективы же стратегического партнерства во многом зависят от того, как будут формироваться новые отношения в условном "треугольнике" Россия-Китай-США. Отношения — основанные уже не на игре противоречий, а на сотрудничестве в борьбе с терроризмом и в интересах создания новой системы глобальной и региональной безопасности.

Пока же в Пекине взяли новый курс на развитие отношений параллельно и с Россией, и с США, наблюдая, в каком направлении все же будет развиваться российско-американское сотрудничество.

Оборонная политика

В области оборонной политики XVI съезд КПК не дал ничего принципиально нового, подтвердив по умолчанию основное содержание военной стратегии Китая, сформировавшейся в предыдущие годы.

Китайское руководство в обеспечении национальной безопасности делает акцент на экономическое развитие и социальную стабильность, а не на наращивание вооруженных сил. Финансирование оборонного строительства имеет подчиненный экономическим реформам характер и определяется в зависимости от успехов китайской экономики.

Главным направлением военной политики является совершенствование качественных параметров оборонного потенциала при сохранении численности вооруженных сил (2,5 млн. чел.). Акцент делается на освоение производства высокотехнологичных вооружений на основе главным образом закупки зарубежных военных технологий, в чем Китай делает пока еще только первые шаги. При этом освоение современных образцов военной техники идет не гладко, что побуждает Китай на рубеже веков переходить к закупке партий вооружений для переоснащения ВМФ и ВВС страны.

Производство обычных вооружений морально устаревших образцов существенно сокращается.

У Китая не обнаруживается намерений перегруппировки общенациональных экономических ресурсов для осуществления рывка в области ракетно-ядерных технологий в ответ на создание американцами НПРО и ПРО ТВД. В сфере развития стратегических ядерных сил Китай делает упор, во-первых, на максимально полное использование существующего, пусть и устаревшего потенциала и, во-вторых, на постепенное его переоснащение твердотопливными ракетами. По количеству пусковых установок и радиусу действия ракет возможности СЯС Китая ограничены пределами АТР за исключением двух десятков пусковых установок МБР.

Китай завершил реструктуризацию ВПК и его перевод на структуру военно-промышленных корпораций, выпускающих как военную, так и гражданскую продукцию, включая экологическое оборудование. Перед ВПК поставлена задача достижения мировых стандартов качества выпускаемой военной и гражданской продукции к 2010 г., что, однако, представляется весьма проблематичным.

С 2002 г. перед НОАК стала ставится задача использования вооруженных сил для борьбы с терроризмом, хотя до сих пор, и съезд не изменил такого порядка вещей, она не стоит в числе приоритетных. Вместе с тем, после

съезда в НОАК произошла некоторая перегруппировка высшего командного состава: командующие двух южных округов были включены в состав военного совета ЦК КПК, что можно рассматривать как усиление ориентации военной стратегии Китая в Юго-восточном направлении (Тайвань, страны АСЕАН). При этом представительство военных в высших партийных органах осталось на прежнем относительно низком уровне (около 10% состава ЦК).

Вывод для российско-китайских отношений

Оценивая в целом внешнеполитические новаторства Пекина после XVI съезда КПК, важно подчеркнуть главное: первые послесъездовские шаги КНР не создали реальных военно-политических угроз международной безопасности и безопасности России.

Более того, фактом мирной и спокойной смены власти, продолжением либерализации и глобализации экономики, началом, пусть медленных, но все же политических реформ съезд вызвал новые позитивные ожидания у рыночных демократий.

Наконец, съезд представил мировому сообществу весомые основания прогнозировать внутривнутриполитическую стабильность и экономический рост Китая в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также рассчитывать на Китай как на партнера по международной антитеррористической борьбе.

С другой стороны, итоги работы съезда позволяют ожидать усиления международной экономической и политической конкурентоспособности Китая и повышения его активности в глобальных и региональных делах. Это представляет серьезный вызов и России, и другим странам — мировым и региональным лидерам. Нам предстоит искать и конструировать новые механизмы взаимодействия с *“выходящим за пределы своих границ”* Китаем.

Сразу после съезда Китай, подтвердив приверженность своей прежней внешнеполитической линии, в том числе, на сотрудничество с Россией, обозначил и то, что он намерен делать в отношении других глобальных игроков. Были возобновлены военные контакты с США, с перспективой, в числе прочего, и расширения военно-технического сотрудничества, подчеркнута особая значимость сотрудничества с США в борьбе с терроризмом. Со страниц *“Жэньминь жибао”* в годовщину Нанкинской трагедии был повторен призыв положить конец прошлому в отношениях с Японией. Наконец, Китай инициировал диалог с НАТО по вопросам глобальной безопасности и стратегической стабильности, новым угрозам и ситуации в Средней Азии.

Для России здесь встает насущная проблема реструктуризации российско-китайских отношений *“стратегического партнерства”*, сложившихся на явно или неявно обозначавшейся логике *“сдерживания США”*, и одновременно задача выстраивания новых механизмов стратегического взаимодействия в условном *“треугольнике”* Россия — США — Китай на основе совместной борьбы с терроризмом и ответственности за глобальную и региональную безопасность и соразвитие.

Общим выводом-рекомендацией может стать тезис о том, что у России, как и у мирового сообщества, после XVI съезда КПК, стало больше оснований для сотрудничества с Китаем на прагматической основе и вовлечения Китая в строительство новой мировой архитектуры на базе стратегической заинтересованности Пекина в сохранении как внутривнутриполитической, так и международной стабильности.

Рекомендации для России

Интересам России отвечало бы наполнение новым содержанием отношений "стратегического партнерства" между Россией и Китаем на основе уже достигнутых успехов в двусторонних отношениях и с учетом последних тенденций развития Китая и его международного поведения, которые, как представляется, будут определять стратегию нового китайского руководства.

Суть новизны мировосприятия четвертого поколения китайских лидеров состоит в толковании глобализации как объективной мировой тенденции и признании необходимости адаптации к ней национальной стратегии развития. Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. показал китайскому руководству, что, независимо от правильности и эффективности принимаемых решений, в условиях глобализации внешние факторы способны подорвать экономическое развитие, социальную стабильность и создать угрозу монополии КПК на политическую власть. При этом китайское руководство видит в глобализации как дополнительные возможности и шансы, которые важно использовать в национальных интересах, так и вызовы и угрозы, на которые необходимо адекватно реагировать.

Ключевыми компонентами стратегии Китая в условиях глобализации становятся: в экономике — переход от политики "открытости" и *взаимодействия* с мировой экономикой к *интеграции* в мировые рынки; во внешней политике — переход от задач "обеспечения международных условий развития реформ" к активному участию в создании новой архитектуры международной безопасности. Во внутренней политике новое руководство КНР сохранит приоритет задач поддержания социально-политической стабильности перед задачами демократизации. Политические реформы будут проходить осторожно и медленно: начиная с внедрения демократических механизмов волеизъявления на низовых уровнях управления, расширения политической базы КПК за счет частных предпринимателей и молодых интеллектуалов и постепенного снятия все еще сохраняющихся цензурных ограничений на информацию.

Выстраивая политику по отношению к Китаю, России, как и другим членам мирового сообщества, важно учитывать следующие узловые компоненты китайской стратегии в условиях глобализации.

Первое — это стремление Китая, наравне с традиционными мировыми лидерами, играть определяющую роль в вопросах глобальной стабильности и выработке "правил игры" на мировых рынках. В последние месяцы Китай обнаружил интерес к налаживанию диалога с НАТО по вопросам глобальной и региональной безопасности и борьбы с терроризмом. К трехстороннему — Россия—США—Китай диалогу по проблемам стратегической стабильности, региональной безопасности и антитеррористической тематике. К активному участию в ВТО и отстаиванию своих экономических интересов в рамках нового раунда переговоров по либерализации мировой торговли. К работе "Большой восьмерки": Китай пока не готов к заявке на присоединение к G-8, однако начинает обдумывать этот вариант на случай кризиса ООН, ослабления роли СБ ООН и возрастания реальной власти "восьмерки". Среди китайских теоретиков-международников становится модным геополитическое моделирование — в виде построения различных "треугольников" взаимодействия: Китай—США—Япония, Китай—Россия—Япония, Китай—Россия—Индия и т.д., хотя конкретное содержание подобного взаимодействия остается пока не ясным.

Второе. Китай последовательно укрепляет свои позиции в Азии, претендуя на роль регионального лидера. Решив в основном проблемы погранич-

ного размежевания с бывшими советскими республиками, Пекин в последнее время упрочил отношения с Южной Кореей, став в 2002 г. главным потребителем ее экспортной продукции. Со странами АСЕАН, — законсервировав ситуацию вокруг спорных островов Южно-Китайского моря и наметив планы создания зоны свободной торговли (ЗСТ) в формате АСЕАН—Китай. Смягчил отношения с Индией. В развиваемой на этой основе инициативной азиатской стратегии Китай делает ставку на экономические факторы. Пекин проявляет интерес к японо-южнокорейским переговорам по созданию зоны свободной торговли и готов стать участником трехсторонней ЗСТ в СВА. Близкие к новому руководству страны китайские аналитики разрабатывают концепции единого экономического пространства в СВА, валютного союза в Восточной Азии с участием Китая, Японии, Южной Кореи и стран АСЕАН, формирования в перспективе некоего регионального объединения наподобие Евросоюза. Китай активно работает на региональных форумах АТЭС, АСЕМ, в форматах АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея), АСЕАН плюс Китай. Проникновение к среднеазиатским ресурсам энергоносителей Китай рассматривает в контексте своего участия в ШОС. Вместе с тем, Китай пока не обладает достаточными ресурсами для реального доминирования в региональных структурах. Сегодня его цели состоят в обозначении общего интереса к многостороннему взаимодействию с соседями по Азии в рамках концепции безопасности через сотрудничество и совместное развитие. В усилении позиций на азиатских рынках. И в создании нового имиджа Китая как страны, которая не только не несет “коммунистической угрозы”, но, напротив, способна сыграть роль стабилизатора региональной экономики в условиях глобальной стагнации или повторения азиатского кризиса.

Третье. В стратегии адаптации к глобализации Китай исходит из необходимости поддержания партнерских отношений с США. Пекин рассматривает американскую экономику в качестве одного из важнейших факторов (инвестиции, рынок сбыта китайской продукции, благосклонное отношение международных организаций и инвесторов) поддержания высоких темпов роста экономики Китая. В вопросе китайско-американского соперничества в борьбе за азиатские рынки и политическое влияние в Азии новое китайское руководство исходит из того, что не конфронтация, а, напротив, хорошие отношения с США помогут Китаю упрочить свои позиции и в глобальном контексте и в отношениях с азиатскими странами. Однако, несмотря на дальнейшее развитие политического и антитеррористического сотрудничества с США в Азии, Китай все же не будет готов выйти на тот уровень взаимодействия, который имеют с США Япония и Южная Корея. В практической дипломатии Пекин будет всячески избегать втягивания в такие международные решения (в том числе в рамках ООН) и ситуации, которые могли бы создать дополнительные осложнения в китайско-американских отношениях, если только это не затрагивает непосредственно интересы безопасности самого Китая. Тайваньская проблема остается главной угрозой китайско-американскому сотрудничеству. Новое руководство КНР не будет инициативно обострять ее, однако и не выйдет за рамки традиционной формулы ее решения: “одно государство — две системы”.

Четвертое. Несмотря на большие экономические успехи и превращение Китая с его 8-процентным приростом ВВП в один из главных факторов роста мировой экономики в условиях глобального спада, китайская экономика остается крайне уязвимой. Три четверти населения страны (ее крестьянство) живет меньше, чем на 1 доллар в день. Зависимость Китая от стабильности им-

порта энергоносителей с мировых рынков будет возрастать. Точками стратегической уязвимости Китая остаются демографические и экологические проблемы. На фоне членства в ВТО к ним добавляются проблемы приватизации в финансовой сфере и государственном промышленном секторе, растущей безработицы, формирования полноценных фондовых и валютных рынков, развития общенациональной, соответствующей современным стандартам, системы социального страхования. От решения этих проблем зависит социальная и политическая стабильность общества. И именно их острота обуславливает структуру приоритетов китайской концепции национальной безопасности, в которой на первое место выдвинулись задачи обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития. Исходя из такого подхода, Китай вряд ли станет отвечать на новые угрозы, связанные с развертыванием США систем НПРО и ПРО ТВД в Восточной Азии, перегруппировкой экономических ресурсов в целях обеспечения рывка в области ракетных и ядерных технологий. Акцент будет сделан на максимально полное использование уже существующего потенциала и его постепенную модернизацию в соответствии с экономическими возможностями.

Пятое. Новое китайское руководство уже не имеет той личной привязанности к России, которая была у поколения Цзян Цзэминя, но еще не представляет и то поколение китайцев, которое получает образование в США и Европе. Политику Ху Цзиньтао и его сторонников будет отличать прагматизм, национализм, — однако не в смысле закрытости от внешнего мира, а в смысле стремления играть свою роль и иметь свое слово в формировании новой мировой системы безопасности и сотрудничества. А также желание, в личном плане, быть “как все”, т.е. быть похожими на современных мировых лидеров в общении с руководителями других стран и при дебатах на мировых форумах.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным предложить, в дополнение к уже существующим механизмам российско-китайского стратегического партнерства, следующие направления его углубления.

1. Содействие, учитывая возрастающую глобальную стратегическую и экономическую роль Китая, вовлечению КНР в российско-американский диалог по вопросам стратегической стабильности и налаживанию, в рамках российских возможностей, диалога НАТО — Китай и “Большая восьмерка” — Китай. Представляется перспективным создание формата трехстороннего сотрудничества (обмен информацией, согласование подходов, совместные операции) России, Китая и США в решении региональных конфликтов (для начала в Центральной Азии и на Корейском полуострове) и проблемы антитеррористической деятельности.

2. “В обмен” Китай мог бы содействовать сотрудничеству России с глобальными (ВТО), региональными (АСЕАН плюс три) форумами и вступлению России в межрегиональные (АСЕМ) и региональные (формирующееся единое экономическое пространство в СВА) структуры. При этом сотрудничество с СВА и присоединение России к формирующейся здесь ЗСТ, многосторонним финансовым инициативам (соглашения о валютных сделках между центробанками и взаимной котировке акций деноминированных в национальной валюте) и к будущим более глубоким интеграционным начинаниям имело бы ключевое значение для развития Восточной Сибири и Дальнего Востока России — региона богатого ресурсами, но бедного в смысле потребительского спроса, накоплен и инвестиций. Такой подход к месту России в СВА, в принципе, требует корректировки экономической стратегии России и проведения двухвекторной стратегии на интеграцию и в ЕС, и в СВА. Однако и при нынешней экономиче-

ской политике Россия могла бы составить своими ресурсами энергетическую основу экономики СВА. Энергетический саммит СВА с участием России, Китая, Японии и Южной Кореи, при согласовании этой идеи с Китаем и при поддержке Китая, мог бы стать первым шагом к реализации идеи включения России в процессы экономической интеграции в СВА.

Интеграционный подход (а не игра в духе "холодной войны" на противоречиях Китая и Японии) к проблеме освоения энергетических ресурсов России и их доставки на рынок СВА мог бы снять напряженность, возникшую в российско-китайских отношениях по поводу варианта строительства нефтепровода из России в Японию или Китай.

3. Российско-китайское сотрудничество по корейской проблеме важно направить на координацию наших двусторонних усилий с усилиями США, Японии и Южной Кореи, имея в виду принуждение Северной Кореи к сохранению безъядерного статуса и соблюдению обязательств по нераспространению ядерного оружия, а также к проведению рыночных реформ и открытости. Такое взаимодействие потребует от России изменить подход к корейскому кризису с пассивного, отдающего судьбу вопроса в ведение участников прямого диалога КНДР и США, на более инициативный. Россия, как и Китай, уже начавший поиск новых подходов к КНДР, объективно заинтересована в том, чтобы превратить региональные конфликты, в том числе корейский, из фактора, разделяющего Россию, Китай и США, в фактор, подталкивающий к трехстороннему сотрудничеству по региональной проблематике.

4. В российско-китайском сотрудничестве в рамках ШОС главная проблема состоит в асимметрии этой организации, которая по существу объединяет Китай и страны, входящие в разные постсоветские образования на пространстве СНГ (СНГ, ЕвразЭС, ОРИ, ДКБ). Эта асимметрия объективно затрудняет полноценное участие Китая в принятии решений и, как следствие, снижает эффективность работы организации в целом. Выход возможен через расширение состава ШОС, при согласии Китая, за счет Индии, Пакистана, возможно, Ирана, и концентрации работы ШОС на проблемах безопасности в Средней и Южной Азии.

5. В области двусторонних отношений, развивая то, что уже создано и работает (координация внешней политики, в том числе в рамках ООН, военнотехническое и экономическое сотрудничество, культурные связи, приграничное сотрудничество и т.д.), важно, с одной стороны, ускорить — на основе компромисса и взаимной выгоды — решение пока не до конца решенных проблем: пограничное размежевание, формирование современной банковской инфраструктуры торгового сотрудничества, совершенствование механизмов контроля над миграционными потоками, обеспечение свободного допуска капиталов на национальные рынки и т.п. А с другой — сконцентрировать усилия на формировании широкой общественной или "народной основы" двусторонних связей. Имеется в виду расширение контактов между людьми, неправительственными организациями, учеными, создание в России и Китае фондов, способствующих изучению друг друга и лучшему пониманию друг друга. Большое значение имеет облегчение визового режима, по крайней мере, для тем или иным способом организованных представителей бизнеса, науки, студентов и школьников.

6. В плане общения российского и китайского руководителей на личном уровне важно восстановить атмосферу взаимного доверия. В последние годы, несмотря на официальные благоприятные для России заверения в дружбе китайских лидеров, доверие Пекина к Москве было ослаблено. На этом активно

играют те силы в Китае, которые выступают против сближения с Россией, постоянно будируют вопросы о территориальных претензиях Китая к России и об “ущемлении” прав китайцев на российской территории. Доверие Пекина к Москве было ослаблено несвоевременным, по мнению китайцев, информированием их об изменении позиции России в отношении Запада и США в целом, и в отношении таких конкретных проблем, как Договор по ПРО и американские планы создания НПРО, расширение НАТО, размещение войск США и Средней Азии. А в последнее время и “непонятной”, в восприятии китайцев, позицией Москвы по участию китайского бизнеса в приватизации компании “Славнефть” и строительству нефтепровода из Ангарска в Дацин.

О последствиях отказа России от строительства нефтепровода “Ангарск — Дацин” в Китай

Китайское руководство исходит из того, что Россия дала обещание о строительстве нефтепровода в Китай и рассматривает отказ России от этого проекта как нарушение обязательств. Китай уже инвестировал финансовые средства в разработку проекта и будет добиваться их компенсации, в том или ином варианте, в случае отказа России от строительства нефтепровода. При этом китайское руководство считает неправильным затягивание Россией принятия окончательного (положительного либо отрицательного) решения по проекту нефтепровода, полагая, что даже в случае отрицательного решения Китай должен знать об этом как можно раньше — с тем, чтобы переориентировать ресурсы на расширение мощностей порта Далянь для импорта нефти с мировых рынков.

Китайское руководство воспримет отказ от строительства нефтепровода как незаслуженную “политическую обиду” в ответственный для Китая момент (1) прихода к власти нового руководства, ставящего перед собой — несмотря на сопротивление консервативного крыла Компартии Китая — амбициозные задачи глобализации китайской экономики и проведения политических реформ, и (2) преодоления сложной ситуации, вызванной эпидемией атипичной пневмонии.

В этих условиях отказ России от строительства нефтепровода в Китай может иметь для нас негативные политические и экономические последствия, которые потребуют от России принятия “компенсирующих” и на данный момент пока не ясных решений с тем, чтобы избежать обострений по всему комплексу российско-китайских отношений.

При этом надо учитывать, что китайское руководство склонно рассматривать отказ России от проекта сооружения нефтепровода в контексте других событий последних лет, когда Москва, по мнению Пекина, “кинула” китайских партнеров, поставив под сомнение саму идею российско-китайского стратегического партнерства. Имеются в виду российско-американские разногласия по вопросам расширения НАТО и планам развертывания США национальной ПРО и ПРО ТВД. Москва, как считает Пекин, не проинформировала своевременно китайскую сторону об изменении своей позиции и перешла от противодействия к сотрудничеству с НАТО и с США по НПРО и ПРО ТВД, тогда как Китай еще какое-то время продолжал поддерживать изначальную позицию России.

В этом контексте отрицательное решение по нефтепроводу усилит подозрения и недоверие китайского руководства к России и к самой идее стратегического взаимодействия с Россией по ключевым вопросам мировой экономики и политики.

Позиция Китая по иракскому кризису и корейской проблеме свидетельствует о стремлении Пекина дистанцироваться в равной мере и от Москвы, и от Вашингтона в решении острых региональных проблем и играть самостоятельную партию, считаясь с российской позицией лишь "во вторую очередь".

Усиление недоверия Китая к России осложнит позиции России в Восточной Азии. Ухудшение общей атмосферы российско-китайских отношений — на фоне развивающихся тенденций экономической интеграции в Восточной Азии с участием Китая, Японии и Южной Кореи и активизирующегося диалога безопасности с участием этих же трех стран плюс США — поставит Россию в крайне невыгодное положение как в плане подключения к восточно-азиатской экономической и финансовой интеграции (что объективно жизненно важно для России, несмотря на то, что российское правительство пока не видит таких перспектив). Так и в плане участия России в создании новой системы безопасности в Восточной Азии. Ослабнет поддержка Китаем идеей участия России в экономических процессах в форматах АТЭС, стран Северо-Восточной Азии (СВА), АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея), АСЕМ.

В формате ШОС можно ожидать усиления "узбекского" вектора китайской политики и акцентирования связей с диалоговыми партнерами ШОС в противовес влиянию тех стран ШОС, которые, во главе с Россией, входят и в ШОС, и в состав стран-членов ОДКБ. Это потребует от России соответствующей корректировки концепции работы ШОС и ее взаимодействия с ОДКБ.

Для сохранения своих позиций в Восточной и Центральной Азии России потребуются разработка и принятие мер "компенсирующего" характера в отношениях как с самим Китаем, так и с США и Японией. Такие меры — при всей, на сегодняшний день, расплывчатости их очертаний — будут, вероятнее всего, строиться на дополнительных уступках со стороны России и могут привести к неоправданному объективными обстоятельствами ослаблению позиций Москвы в диалоге с Вашингтоном и Токио по вопросам глобальной, центрально-азиатской и, в наибольшей степени, восточно-азиатской безопасности.

Принимая во внимание высокие ставки китайского руководства по вопросу нефтепровода, можно ожидать неоправданных потерь для России собственно в двусторонних российско-китайских отношениях. Потерь, идя на которые, Россия должна будет заранее продумать дополнительные "компенсирующие меры", которые потребуются для восстановления наших отношений. Философией таких мер будут, в том или ином варианте, уступки Китаю, поскольку, с точки зрения Пекина, именно Москва будет нести ответственность за ухудшение отношений.

В политическом контексте, во-первых, окажется под прямой угрозой одно из главных достижений российской дипломатии последних четырех лет — нормализация российско-китайских отношений на основе подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договор хотя и подписан на 20 лет, но не навсегда, и, хотя и фиксирует пограничное размежевание, но не всеобъемлюще. Китай может ужесточить позицию по окончательному решению вопроса о границе, что потребует от Москвы новых ответных ходов и новых согласований и с китайской стороной, и с российскими региональными властями, и политическими партиями.

Во-вторых, Россия (а не сам по себе ЮКОС, поскольку транспортировка нефти остается под государственным контролем) упускает возможность приобрести новый рычаг "привязки" Китая к России. В случае гипотетически возможного обострения отношений на российско-китайской границе этот рычаг

дал бы России весомые переговорные преимущества. На сегодняшний день вряд ли можно предложить столь же действенную альтернативу “нефтяному рычагу сдерживания” Китая на Дальнем Востоке.

При этом Китай имеет возможность заменить Россию в качестве источника поставок нефти за счет ее импорта из стран Ближнего Востока, для чего Китай уже разработал программу расширения нефтяных терминалов в порту Далянь, либо за счет освоения китайских нефтяных ресурсов вблизи восточных границ Монголии.

В экономическом плане Китай располагает возможностями для принятия “ответных мер” на “политическую обиду”, в результате чего под угрозой окажутся такие крупные проекты нашего сотрудничества как (1) вторая очередь Тяньваньской АЭС, (2) участие “Газпрома” в строительстве газопровода из западных районов Китая в Шанхай, (3) военно-техническое сотрудничество, учитывая стремление Китая диверсифицировать источники закупки современных вооружений за счет Европы и, в будущем, США, (4) разработка инфраструктурных проектов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с уже осуществляемым или перспективным участием Китая. Китай обладает возможностями ужесточить позицию по вопросу вступления России в ВТО и антидемпинговых процедур в отношении российских экспортеров, прежде всего, продукции черной металлургии.

В идейно-психологическом плане следует ожидать активизации антироссийски настроенных групп в китайском руководстве и обществе, в том числе тех, кто отстаивает идеи территориальных притязаний на российские дальневосточные земли.

Для компенсации потерь в случае срыва нефтяного проекта России уже сейчас следует продумать и принять ряд непростых решений:

— Найти оптимальные и пока не очевидные пути усиления сотрудничества с Японией и с США в СВА с тем, чтобы как-то сбалансировать ослабление региональных позиций России вследствие ухудшения наших отношений с Китаем.

— Создать новые действенные рычаги давления на Китай взамен упущенной возможности получить “нефтяной рычаг” и вероятного ослабления роли “военно-технического” фактора.

— Расширить тематику стратегического диалога с НАТО и США в условиях, когда Китай, следуя логике “политической обиды” на Россию, активизирует диалог и с США, и с НАТО по вопросам стратегической стабильности и региональным конфликтам.

— Найти новые, сравнимые с китайскими, рынки сбыта российской военной техники и оборудования для АЭС взамен утрачиваемого рынка в Китае.

— Скорректировать стратегию диалога с Китаем по вопросам ВТО и антидемпинговым процедурам, учитывая вероятное ужесточение китайских подходов.

— Принять целый комплекс дополнительных мер по предотвращению нелегальной эмиграции из Китая в случае вероятного ослабления активности Китая в вопросах сотрудничества с Россией по борьбе с нелегальной эмиграцией.

Самым же трудным станет разработка мер по восстановлению общей атмосферы наших отношений, сложившейся в последние годы. И это связано не только с “политической обидой” Пекина на Россию, но и с персональными особенностями нового китайского руководства (еще не говорящего по-английски, но уже не говорящего по-русски), действующего в международных делах более прагматично, жестко и агрессивно, чем его предшественники. Длительное же охлаждение отношений с Китаем сужает поле для маневра России в

вопросах глобальной стратегической стабильности и безопасности и требует соответствующих — и опять же, пока не ясно каких именно — “компенсирующих решений” глобально-стратегического характера.

В свете сказанного, представляется более эффективным и полезным для России принять положительное решение по проекту нефтепровода в Дацин, нежели тратить время, усилия и средства на разработку комплекса мер, компенсирующих ухудшение российско-китайских отношений и его негативные для России глобальные и региональные последствия в случае отрицательного решения по нефтепроводу.

В качестве идеи, позволяющей перспективно взглянуть на энергетические взаимоотношения России, Китая и Японии и найти способ нейтрализовать возможную отрицательную реакцию Токио на решение Москвы в пользу строительства нефтепровода в Китай, можно предложить проведение энергетического саммита СВА с участием России, Китая и Японии. Целью саммита стало бы совместное — скоординированное и основанное на рациональном “разделении труда” — сотрудничество этих стран по освоению ресурсов Сибири и Дальнего Востока России. В последующем к работе саммита резонно было бы пригласить Южную Корею, США и другие заинтересованные страны, тем самым постепенно и последовательно создавая реальную основу для экономической интеграции России в Восточную Азию.

Резюмируя можно сказать, что новое китайское руководство попытается, вероятно, более настойчиво добиваться своевременности и искренности в “сверке” политических и экономических часов, даже если это будет сопровождаться нелицеприятными для китайцев, однако, непременно честными и своевременными объяснениями. В интересах России воспользоваться таким желанием нового китайского лидера, будь оно явно или не явно выражено.

В целом у российско-китайского стратегического партнерства при новом китайском руководстве есть возможность не только к дальнейшему развитию, но и к приобретению нового качества, связанного с общими шансами и вызовами, которые открывает России и Китаю глобализация, а также обусловленного стремлением к прагматизму в развитии двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Глобализация и взгляд на нее из КНР и развивающихся стран*

© 2003

Е. Сафронова

К настоящему времени под объективное явление, называемое "глобализация", уже подведена довольно солидная теоретическая основа. Однако, уважая тематику XIV Международной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир", сформулированную как "Китай: шансы и вызовы *глобализации*", и будучи согласной с мнением известного политолога С.Кима о том, что "доминирующая теория глобализации, которая приобрела бы статус парадигмы"¹ все еще не определена, автор считает целесообразным сначала кратко изложить собственное понимание феномена глобализации, что также диктуется интересами общей логики повествования.

Автор согласна с тем мнением, что глобализация мировой экономической жизни — явление далеко не новое. Начало ему было положено еще эпохой Великих географических открытий (ВГО) (середина XVI — середина XVII вв.). Обусловленный ВГО захват обширных колоний обеспечил Европу в XVI — XVIII вв. новыми источниками накопления капитала, что со временем подготовило почву сначала для социальных революций (в Нидерландах — в конце XVI в., в Великобритании — в середине XVII в., во Франции — в конце XVIII в. и т.д.), а затем и для промышленного переворота в ряде стран Старого Света. ВГО и промышленная революция в Европе, в свою очередь, заложили основу для международного разделения труда (МРТ)² сначала на межрегиональном, а затем и на межконтинентальном уровне. МРТ как таковое также представляет собой многозвенное, сложносоставное явление, прошедшее ряд специфических, но взаимообусловленных последовательных фаз. В самом общем виде это — модернизация используемых на межстрановой основе средств и факторов производства, затем — либерализация внешней торговли и иных внешнеэкономических связей, вслед за ними — экономическая интеграция и, наконец, качественно особая ступень — интернационализация производства и капитала. Указанные фазы МРТ, на наш взгляд, и представляют собой "этапы большого пути", называемого в настоящее время экономической глобализацией. Ее же можно назвать новейшей, специфической стадией МРТ.

Первые попытки осмысления истоков *экономической глобализации*, предпринятые пока без введения в политологический оборот названного термина, относятся, по всей видимости, к последней четверти XX века. Эти попытки обуславливались необходимостью концептуального мониторинга и про-

---

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

* Статья подготовлена на основании доклада автора на XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы"

гноза явлений, связанных с противостоянием двух мировых социально-политических систем, а также вытекавшим из него новым витком популярности конвергенционистских теорий и гипотез. На наш взгляд, теории конвергенции в определенной мере можно назвать одним из "источников и составных частей" теории глобализации в том виде, в коем она существует сейчас.

В 90-е годы теория глобализации выдвигается на передний план мировых политологических изысканий, в том числе в КНР и в ряде развивающихся стран, наиболее тесно вовлеченных в орбиту мирового производства и потребления. Этот факт был подготовлен, в частности, следующими обстоятельствами. Как известно, с конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого века Китай активно реализует курс на "открытость внешнему миру" (или "открытую внешнеэкономическую политику"), что побуждает страну привлекать для нужд внутреннего развития зарубежные инвестиции, технологии, управленческий опыт. Развивающиеся страны, с того же времени плотно "встроенные" в экономическую жизнь Запада, например государства Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, вольно или невольно, объективным или же принудительным образом также подпали (и подпадают) под действие законов рыночной экономики, под влияние мировых политико-экономических силовых центров. Чуть позже — в конце 80-х гг. — начался распад социалистического лагеря, в самом начале 90-х гг. этот процесс был довершен, и Россия встала на "путь капиталистического развития". Все эти обстоятельства привели к расширению "ареала обитания" мировой рыночной экономики, дальнейшему распространению ее ценностей и социально-политических ориентиров³, проповедуемых странами — генераторами и носителями рыночного способа хозяйствования. К этому процессу можно относиться по-разному, но на настоящий момент он продолжает оставаться реалией.

Дальнейшее резкое расширение зоны функционирования рыночной экономики, с присущими ей законами и ориентирами, логично побудило мировое сообщество приступить к поискам унифицированного языка международного политико-экономического общения. Представляется, что концепции (а в дальнейшем — теория) глобализации с тех пор и стали играть роль "эсперанто" в современной политологии и даже политико-экономической практике.

Финансовый кризис 1997-1999 гг., оказавшийся особо губительным для многих стран Азии, Африки и Латинской Америки и с особой остротой обнаживший взаимозависимость экономик множества стран мира, драматическую степень влияния хозяйств развитых государств на экономическую жизнь стран менее успешных, также побудил мировую политологию заострить внимание на анализе современных глобализационных процессов.

К тому же в 90-е гг. интерес к глобализации был подстегнут приближением нового века и тысячелетия, а, как известно, смена эпох на интуитивном уровне побуждает исследователей подводить итоги прошедшего и строить прогнозы на перспективу⁴.

Итак, если исходить из того, что глобализация не является абсолютно новым явлением мировой жизни, то возникает логичный вопрос: каковы же отличительные особенности современного этапа названного феномена и процесса?

Думаю, что к особенностям современного этапа глобализации относятся следующие обстоятельства: 1. Беспрецедентная масштабность этого явления. Можно сказать, что глобализация наших дней — это интернационализация, стандартизация, унификация, обобществление мировой (прежде всего, экономической) жизни, происходящая именно в планетарном измерении. (Для сравнения отмечу, что "простая" интернационализация подразумевает интеграцию на региональном и межрегиональном уровнях между группами государств, а не в масштабах всего "глобуса").

2. Возрастающая тенденция к унификации не только культурно-цивилизационной, но и социально-политической жизни стран Земли. Следует подчеркнуть, что именно современный этап глобализации явил миру политическую ипостась последней. Как известно, основными практическими силами — носителями и вдохновителями экономической глобализации являются транснациональные, точнее, международные корпорации и банки (МК и МБ⁵), а также международные экономические организации (МЭО). Они-то и способны придать (и в определенной мере придают) глобализационным процессам управляемый характер. Но “транснациональность” (и/или “многонациональность”) еще не подразумевает беспристрастную объективность “наднациональности”. Не секрет, что современные МК, МБ и МЭО выражают интересы вполне узнаваемых кругов самых экономически сильных и политически влиятельных стран. Таким образом, ограниченное число государств посредством экономических институтов и механизмов получает возможность проводить *политическую* глобализацию, затрагивающую суверенные права менее развитых субъектов международных отношений. И именно на современном этапе глобализации из явления, обусловленного самой логикой развития мировых производительных сил, способна превратиться в процесс, диктуемый субъективной волей определенных могущественных сил. Похоже, эти силы стремятся “оседлать” объективный процесс экономической глобализации, волевым образом преобразовать его в средство *внеэкономического* диктата в отношении “периферии” мирового хозяйства и в итоге подчинить этот процесс задачам собственного расширенного жизнеобеспечения. Сейчас самым ощутимым признаком политической глобализации представляется однополярность структуры международных отношений.

3. Еще одной особенностью современного этапа глобализации является развитие его на фоне специфической фазы мирового научно-технического прогресса — фазы информационно-коммуникационной революции, невиданным доселе образом ускоряющей оборот экономико-производственных факторов, а также облегчающей прохождение политических идей и знаний, распространение социальных и цивилизационных ценностей.

4. Для менее развитых стран специфика современного этапа глобализации заключается в превалировании отрицательных ее последствий над позитивными возможностями. Государства, не являющиеся “спонсорами” глобализации, а пассивно и зависимо вовлекаемые в нее, сталкиваются с доминантой отрицательности этого планетарного явления. Впрочем, “доминанта отрицательности” и ранее была присуща всем фазам МРТ и глобализации в целом, ибо каждый новый этап хозяйственного взаимодействия поначалу всегда сопряжен со значительными издержками для менее слабых экономик-субъектов партнерства.

Одним из наиболее опасных последствий глобализации китайские политики и эксперты считают дальнейшее углубление разрыва в уровне экономического развития государств богатого “Севера” и бедного “Юга”⁶. Автор согласен, что нарастание экономического неравенства между государствами — явление нежелательное, но должно отметить, что сама неравномерность в хозяйственном, социально-политическом развитии, в обеспеченности ресурсами, а также вытекающее из нее несоответствие функций в МРТ, парадоксальным образом представляют собой *источник и смысловой фактор* глобализации⁷. Ибо глобализация в принципе возможна только там, где еще есть что унифицировать, подводить к общему знаменателю, интегрировать и обобществлять, а это осуществимо только при сохранении неравномерности в различных сторонах мирового бытия.

В чем же заключается единство и несоответствие позиций КНР и развивающихся стран⁸ по проблемам глобализации?

Коренное различие, на наш взгляд, проявляется только в одном — в степени критичности по отношению к тенденциям и последствиям глобализации. В наименее развитых государствах, в основном африканских, глобализация воспринимается как сугубо отрицательное, губительное явление. Это и понятно, поскольку участие этих стран в глобализации происходит пока в крайне неблагоприятном для них ключе. Их национальные экономики не готовы к подключению к глобализации “на равных”. Крупный политический и общественный деятель Зимбабве Ч. Чимутенгвенде вообще считает, что глобализация — это всего лишь современный эвфемизм для обозначения “зависимости, вестернизации, дегуманизации и реколонизации...”⁹.

При рассмотрении позиции Китая в отношении экономической глобализации следует исходить из того, что страна обладает потенциалом, уже достаточным (при определенных условиях) для участия в глобализационных процессах не только на безубыточной основе, но и с ощутимой выгодой для национального хозяйства. Поэтому-то Китай, а также — по сходным причинам — Индия и ЮАР, воспринимают глобализацию в качестве диалектического явления, способного в зависимости от обстоятельств нести как бедствия, так и благоприятные возможности. И только те страны “Юга”, которые уже тесно вплетены в ткань мировой западной экономики и давно восприняли ее ценностные ориентиры, — безоговорочно принимают идеи глобализации (к последним, видимо, следует отнести крупнейшие страны Латинской Америки).

Общность позиций КНР и других развивающихся государств по названной проблематике иллюстрируется следующими обстоятельствами.

Во-первых, и “третий мир”¹⁰, и Китай рассматривают глобализацию как сугубо современное явление, не уходящее своими истоками в глубь веков, но взявшее начало в последнем десятилетии XX века. В названных государствах не видят практического смысла в анализе глобализации как исторической тенденции, но придают ей значение реального, эволюционирующего феномена. “Со времени 90-х годов прошлого века, — по мнению китайской стороны, — наука и техника бурно развиваются, производственные факторы в глобальных пределах ускоренно передвигаются и распределяются, возрастает взаимное влияние стран друг на друга...”¹¹.

Во-вторых, практически все развивающиеся страны и Китай видят в экономической глобализации *основное содержание и проявление* одноименного явления как такового. Это и понятно, ибо именно в материальной сфере наиболее осязаемо глобализационные явления проявляют себя на эмпирическом уровне. На наш взгляд, в том, что Китай отождествляет экономический аспект глобализации с ее основным содержанием, заключается глубокий смысл. Фактически китайские эксперты очерчивают рамки и пределы целесообразности глобализационных процессов. “Глобализация может быть полезна в экономике, но опасна в политике и общественных отношениях, ибо угрожает суверенитету менее развитых стран”, — такова общая схема рассуждений китайских официальных и научных кругов. Это мнение разделяется большинством государств “третьего мира”, где не испытывают оптимизма по поводу перспектив политической глобализации. Однако последняя, на взгляд автора, не лишена рационального зерна, будучи способной придать различным мировым процессам согласованный характер. Но, естественно, все зависит от того, в чьих интересах политическая глобализация будет претворяться в жизнь.

В-третьих, все страны развивающейся зоны, кроме тех, которые по причине тяжести своего экономического положения в принципе мало способны осознавать себя субъектами международных отношений, полагают, что в целях минимизации издержек глобализации и оптимизации выгод от нее всем государствам следует не избегать, но включаться в глобализационные процессы.

По словам Президента ЮАР Т.Мбеки, дилемма для всех государств “Юга” состоит не в том, участвовать в общем для всех процессе глобализации или же игнорировать его, но в том, на каких условиях в этот процесс вливаться¹². Аналогичной точки зрения придерживаются и в КНР.

В-четвертых, государства “Юга”, даже наименее развитые, прямо или же косвенно подтверждают свою вовлеченность в глобализацию, не принимая тезиса о том, что “третий мир”, дескать, остается на “обочине” соответствующих процессов¹³. Президент Народной Республики Конго Д.Сассу-Нгессо определенно утверждает, что страны “третьего мира”, включая Африку, не являются “посторонними” для экономической глобализации¹⁴. Углубление разрыва в хозяйственном развитии между “Севером” и “Югом”, резко подстегнутое глобализацией, как раз и свидетельствует об участии в ней даже самых проблемных регионов Земли, хотя и с отрицательным знаком.

Правительственные и научные круги развивающихся стран по мере сил пытаются сформулировать концепцию адекватного ответа на вызовы глобализации. В самом общем виде средства противостояния глобализации можно разделить на старые, освященные традицией и временем, но применимые до сих пор, и сравнительно новые, введенные в политологический оборот в последнее десятилетие. К “старым” средствам защиты “третьего мира” от вызовов времени, действенность которых особо пропагандируется КНР в контактах с развивающимися странами, относится установление во имя “мира и развития” нового справедливого и равноправного мирового политического и экономического порядка, позволяющего всем государствам на равных блюсти свои политические интересы, пользоваться плодами экономического сотрудничества и современной технической мысли. Установление таких порядков — это, в понимании КНР и многих представителей “третьего мира”, — генеральная цель, достижение которой происходит путем реализации промежуточных, вспомогательных задач. Одной из последних является расширение сотрудничества “Юг-Юг”, до начала-середины 80-х гг. более известного в среде “третьего мира” как “коллективная опора на собственные силы” или “коллективное самообеспечение”. Китай и сейчас призывает развивающиеся страны твердо следовать своему собственному пути в повышении уровня жизни¹⁵ и, не дожидаясь благоприятных изменений в политике “Севера”, проводить собственную стратегию развития¹⁶. Однако не меньшее значение во внешнеполитической риторике Пекина придается и сотрудничеству “Север-Юг”. С конца 80-х гг. и до настоящего времени Пекином проводится равная по активности агитация как за диалог между развитыми и развивающимися странами, так и за интенсификацию кооперации внутри “третьего мира”. Это свидетельствует об осознании Китаем большей эффективности параллельных, но взаимосвязанных усилий по двум линиям — “Юг-Юг” и “Север-Юг”, нежели простого “диалога” мировых богачей и бедняков (переговоров, которые, тем не менее, являются пока единственным средством преодоления “неравноправия и дискриминации” — Е.С.)¹⁷. Согласно официальной позиции КНР, “... на развитие государства ложится все больше ответственности в предотвращении отрицательного эффекта и оказании помощи развивающимся странам в преодолении трудностей”¹⁸. Понятно, что подобный подход более адекватно учитывает сложившуюся обстановку в мировой жизни, тенденции к ее глобализации, и таким образом тезис о “взаимозависимости Севера и Юга” и о “выгодности” для “Севера” оказания содействия “Югу” получает новое наполнение. Однако, если ранее Китай предупреждал развитые страны о том, что сохранение отсталости “Юга” угрожает им сокращением рынков сбыта¹⁹ (всего лишь — Е.С.), то на встрече в Эвиане (июнь 2003г.), прошедшей в рамках диалога “Север-Юг”, Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул, что дисбаланс в хозяйственном развитии чреват не только обостре-

нием экономических проблем, но и новым витком общемировой нестабильности, которую в определенной мере характеризует и рост международного терроризма²⁰. Он также призвал страны "Севера" открыть свои рынки, ликвидировать протекционистские торговые тарифы и выполнять обязательства по расширению финансового и технологического содействия развивающимся странам, а также списанию долгов последних²¹.

Так или иначе, но концепцию взаимозависимости "Севера" и "Юга", взятую на вооружение Пекином и представительной частью "третьего мира" в середине 80-х гг., можно назвать теоретическим источником современных взглядов развивающихся стран на глобализационные процессы.

Особое средство противостояния вызовам глобализации Китай и наиболее эффективные развивающиеся страны усматривают в региональном сотрудничестве, которое в понимании Пекина является разновидностью "коллективной опоры на собственные силы", то есть кооперации "Юг-Юг". В мировой политологии существует не лишнее оснований мнение о том, что усиление регионализма происходит в ответ на доминирование США в процессах современной экономической глобализации²². Думается, что региональное сотрудничество действительно способно нести позитивную нагрузку в качестве промежуточной стадии и средства подготовки национальных экономик к интеграции на глобальном уровне.

К новейшим средствам противодействия опасностям глобализации (в том числе политико-экономическому диктату меньшинства над мировым большинством), принятым в арсенал китайской политики и политологии, следует отнести формирование многополярной структуры международных отношений. Тезис о преимуществе многополярного устройства мира перед однополярным получает поддержку во многих государствах развивающегося мира. Помимо большинства стран Африки, с которыми Китай традиционно осуществляет весьма активный делегационный обмен, о своей поддержке названной идеи неоднократно заявляли лидеры Индии, ряда государств ЮВА и Латинской Америки. Однополярная структура не представляется разумной большей части "третьего мира", которая видит в многополярности панацею от многих мировых бед. Судя по многократным высказываниям китайских официальных лиц, движение к многополярности — это необратимая историческая тенденция и действенное (может быть, даже единственное? — Е.С.) средство против гегемонизма и политики с позиции силы²³.

Как уже отмечалось, в Китае эффективным средством защиты интересов "третьего мира" до сих пор считают интенсификацию сотрудничества "Юг-Юг". Создается впечатление, что нечто подобное предлагается и для запуска "мультиполяризации" международных отношений. Страны, наиболее заинтересованные во многополярности, постоянно подчеркивают идею о необходимости внутреннего сотрудничества между собой, надеясь, что оно приведет к желаемым результатам без применения силовых методов воздействия, таких, как военно-политическое или экономическое давление, санкции, бойкоты, блокады, жесткое обусловленное квотирование и т.д. На это развивающиеся страны просто не способны (если не считать казуса "нефтяного кризиса" 1973 г.), но как раз именно эти меры, к сожалению, пока и являются действенными средствами для достижения чего-либо существенного в международной жизни²⁴. Думается, что пока мировое сообщество не располагает эффективными средствами "мультиполяризации" международных отношений, но само объединение понятий глобализации и многополярности в качестве логической концептуальной связи является несомненной заслугой китайских экспертов. Ибо анализ мировых процессов через призму диалектического симбиоза двух на-

званных понятий предоставляет мировой политологии возможность для широчайшего теоретического маневра.

На XIV Международной конференции серии “Китай и мир” Временный Поверенный в делах КНР в России г-н Чжоу Ли подчеркивал, что “активное участие в экономической глобализации является стратегическим выбором Китая”, а политика реформ и открытости, проводимая в КНР с 1978 г., представляет собой “великую практику всестороннего участия Китая в экономической глобализации”²⁵. Исходя из высказываний высокопоставленного дипломата, к специфически китайским методам реагирования на глобализационные процессы можно отнести реализацию в КНР курса на “социалистическую модернизацию” и “внешнеэкономическую открытость”. Полагаю, что в конце 70-х гг. названному курсу вряд ли придавалось значение адекватного ответа на вызовы экономической глобализации, но в результате именно таковым он и стал. Например, китайская политика модернизации предполагает массированное привлечение в страну инвестиций извне (что полностью согласуется с таким глобализационным признаком, как облегченное перемещение капитала по всему миру). И сейчас 200 тысяч китайских компаний, получающих зарубежные инвестиции, “вносят все возрастающий вклад в национальную экономику”²⁶. Кроме того, Китай, полностью отдавая себе отчет в неоднозначности воздействия много- и транснациональных компаний и банков на хозяйства принимающих стран, проводит смелый курс на подключение потенциалов международных корпораций к внутреннему экономическому строительству. Почти все крупнейшие международные компании мира уже в той или иной степени обосновались в Китае. В стране полагают, что капитал, технологии, управленческие навыки и деловые контакты, которые многонациональные компании (МНК) вместе с инвестициями приносят с собой в Китай, являются хорошим ресурсом для развития собственно китайских предприятий²⁷.

Характер новой, весьма красноречивой тенденции приобретает проводимая в КНР работа по налаживанию активной кооперации с МНК²⁸ предприятий *местного уровня*, дабы последние могли “путем сотрудничества учиться у МНК, расти и превращаться из местных предприятий в национальные, а затем и транснациональные”. Сотрудничество местных и многонациональных предприятий рассматривается в Китае как “интеграция” местных производств в процессы экономической глобализации²⁹. Кроме того, Китай поощряет предприятия провинциального уровня инвестировать в зарубежные страны с целью “большей вовлеченности в экономическую глобализацию и стимулирования роста внешней торговли провинции”³⁰. Примечательно, что предприятия провинциального подчинения более широко представлены в кооперации с развивающимися странами, нежели предприятия общенационального уровня. Например, предприятия провинции Шаньдун участвуют в совместных проектах в области горнорудной промышленности в Южной Африке, в ряде стран Латинской Америки, а в сфере железнодорожного строительства — в Венесуэле и Индии. На языке официального общения эти проекты называются примерами сотрудничества “Юг-Юг”.

Итак, путем осуществления “политики открытости внешнему миру” и участия в работе международных экономических форумов и Всемирной торговой организации Китай реально и сознательно включился в глобализационные процессы. Думается, что по мере дальнейшего роста международного политического авторитета КНР и ее экономического потенциала страна получит возможность не просто участвовать в глобализационных процессах, но и в определенной мере управлять ими, что наверняка будет позитивно воспринято друзьями Китая в “третьем мире”. Если курс КНР в отношении развивающихся государств не претерпит скорых изменений, то можно надеяться на то, что

практическое участие страны в глобализации наполнит конкретным содержанием усилия "третьего мира" по изменению неблагоприятных для него правил мировой политико-экономической жизни.

В заключение хотелось бы отметить политологическое мастерство китайских исследователей и дипломатов. На наш взгляд, с середины 70-х гг. теоретические построения, выполненные китайским руководством для обоснования внутреннего и международного курсов, адекватно отражают реальность и далеки от валлунтаризма концептуальных выкладок периода КНР конца 50-х — начала 70-х гг. В этой связи трактовка современной модернизации в Китае и его курса "открытости внешнему миру" как стратегии подключения к глобализационным процессам представляется весьма продуктивной.

- 1 Цит. по: Яковлев А.Г. Глобализация и политическая структуризация мирового сообщества/ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2001. С.5.
- 2 История становления международного разделения труда и вызревания современного этапа глобализации подробно анализируется в статье Г.К. Широкова "Международное разделение труда и глобализация". // Восток. 2001. № 3. С.54-67; № 4. С.77-91.
- 3 Восток. 2001. № 4. С.80-81.
- 4 Подробнее см: Коллонтай В.М. Эволюция западных концепций глобализации// Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1 . С.24-30.
- 5 Как известно, транснациональными называются те корпорации и банки, уставной капитал которых принадлежит одной стране и банки, уставной капитал которых принадлежит одной стране, но которые осуществляют свою деятельность во многих государствах. Многонациональными являются те предприятия, уставной капитал которых составлен несколькими странами. И те, и другие являются международными компаниями.
- 6 См., в частности, Жэньминь жибао. 2003. 30 мая.
- 7 Известный российский ученый-политолог В.Г.Хорос полагает, что "процесс глобализации есть результат (подчеркнуто мной. — Е.С.) растущей неравномерности мирового развития" (Цит. по: Н.Симония. Глобализация и неравномерность мирового развития// МЭ и МО. 2001. — № 3. С.35).
- 8 Автор статьи исходит из того, что КНР по ряду причин еще можно отнести к развивающимся странам, хотя и отдает себе отчет в дискуссионности данного утверждения. Доказательство справедливости самоидентификации Китая в качестве развивающегося государства не входит в задачи данной статьи.
- 9 Chimutengwende Chen. Pan-Africanism and the Second Liberation of Africa//Review of International Affairs. Belgrade,1996. № 1051. P.28.
- 10 Автор полагает справедливым сохранение в научном обороте термина "третий мир" хотя бы в качестве синонима понятия "развивающиеся страны" (как это имеет место в китайской, в западной политологии, в политологии развивающихся стран). Думается, что термин "третий мир" может и впредь использоваться потому, что какие бы события ни происходили на международной арене, "первый мир" в лице одного или более государств, несомненно, останется, ибо в мире всегда будет государства, приобретшие большее политико-экономическое влияние и посему обладающие правом "первого голоса" в международном сообществе (конкретное количество этих стран уже не является системообразующим фактором). "Второй мир", состав которого также может варьироваться с ходом истории, тоже продолжит свое существование, ибо всегда есть и будут страны средней мировой степени экономической развитости и промежуточного политического влияния. Глядя на вещи под этим углом, можно сказать, что "третьему миру" в лице стран догоняющего развития (набор которых тоже может меняться), уготовано длительное будущее. Отдельные страны могут перемещаться из "мира" в "мир", но "миры" как таковые еще будут существовать. При всей видимой незамысловатости приведенной конструкции, думается, что последняя способна адекватно отражать реальное состояние дел не только в настоящее время, но и на длительную перспективу. Существование основных трех

- мировых экономических “эшелонов”, видимо, продлится до тех пор, пока имеет место неравномерность мирового хозяйственного развития и пока глобализация не приведет к формированию “единого человеческого общежития” с общим правительством и унифицированным образом и уровнем жизни (что если и случится, то не в обозримом будущем). (См: Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений “Север-Юг” и позиция КНР/ Восток-Россия-Запад. Исторические и культурологические исследования. — М.:ПИМ,2001. С.713 (авторский комментарий в сноске 12).
- 11 Чжоу Ли. Китай, Россия и глобализация. Речь Временного Поверенного в делах КНР в РФ на XIV Международной конференции “Китай и мир” 23 сентября 2003. <http://www.chinaembassy.ru/russian/56553.html> — 15.10.03.
  - 12 ЮАР: спрос на глобализацию с “человеческим лицом”//Компас. М.:ИТАР-ТАСС, 2001. № 35-36. С.134-135.
  - 13 Этот тезис аргументируется т.н. “глобоскептиками” тем, что связанный с глобализационными процессами рост торговли и инвестиций пока еще не затронул и половины развивающихся стран. См: В.В.Михеев. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. — М.:ИДВ РАН, 2001. С.19.
  - 14 Синьхуа — 2000. 19 марта из Браззавиля.
  - 15 См., в частности, Жэньминь жибао. 2003. 30 мая.
  - 16 Hu Xuan. Gaining Common Prosperity// China Daily. 3 June. 2003.
  - 17 Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений “Север-Юг”... С.706,707.
  - 18 Чжоу Ли. Китай, Россия и глобализация. Речь Временного Поверенного в делах КНР в РФ на XIV Международной конференции “Китай и мир” 23 сентября 2003. <http://www.chinaembassy.ru/russian/56553.html> — 15.10.03.
  - 19 Beijing Review. 1985. № 2. P.18.
  - 20 China Daily. 3 June 2003.
  - 21 China Daily. — 2003. — 2nd of June.
  - 22 Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм ... С.28.
  - 23 Подробнее см.: Сафронова Е.И. Многополярность и глобализация: взаимообусловленность или взаимоисключение?// Китай в мировой и региональной политике (История и современность: ИДВ РАН. М.,2000. С.70-80.
  - 24 Там же.
  - 25 Чжоу Ли. Китай, Россия и глобализация. Речь Временного Поверенного в делах КНР в РФ на XIV Международной конференции “Китай и мир” 23 сентября 2003. — <http://www.chinaembassy.ru/russian/56553.html/> — 15.10.03.
  - 26 Wu Gang. MNC Success Strategies in China//China Daily. Hong Kong Edition. 28 January 2003.
  - 27 Zhang Lu. Multinational co-operation urged// China Daily. Hong Kong Edition. 5 September 2003.
  - 28 Судя по китайским публикациям, там не видят особой разницы между многонациональными и транснациональными корпорациями.
  - 29 Zhang Lu. Multinational co-operation urged// China Daily. Hong Kong Edition. 5 September 2003.
  - 30 Ju Chuanjiang, Xie Chuanjiao. More companies 'go outward'// China Daily. 6 May 2003.

Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002 гг.)*

© 2003

Чжан Байцзя

1) Взаимозависимость внешней политики и процесса реформ и расширения внешних связей Китая

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в конце 1978 г., Китай встал на путь осуществления реформ и расширения внешних связей. В 1982 г. во внешней политике Китая была осуществлена заметная перестройка, хотя фактически она началась еще в 1978 г. и была в основном завершена лишь к 1985 г. Поскольку явных перемен во внешнем окружении Китая в тот период не наблюдалось движущие силы его внешнеполитической перестройки зародились внутри страны.

В канун 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва Дэн Сяопин принял два решения в области внешней политики: а) о заключении китайско-японского договора о дружбе; б) об установлении дипломатических отношений между КНР и США. В основе этих внешнеполитических решений лежали реальные и долгосрочные соображения. Вместе с тем они имели важную внутреннюю подоплеку, а именно, были призваны обеспечить успешный поворот в политической линии партии и создать более стабильные и благоприятные международные условия для начинавшихся тогда в Китае реформ и политики открытости. После установления в 1979 г. дипотношений с США Китай некоторое время активно придерживался стратегии объединения с Америкой в борьбе против СССР. Хотя эта стратегия была унаследована от Мао Цзэдуна, однако при этом Мао и Дэн преследовали разные цели. Основная цель Дэна состояла в том, чтобы таким путем не просто обеспечить, а быстро добиться расширения его связей с США и странами Запада. В 1982 г., когда в стране была в основном завершена перестройка внутривластной линии, китайское руководство отошло от этой стратегии и начало в определенной степени дистанцироваться от США.

Одновременно с отказом от упомянутой стратегии Китай начал стремиться к установлению более уравновешенных внешних связей. В 1982-1988 гг. благодаря ряду внешнеполитических акций он улучшил отношения с некоторыми приграничными государствами, активизировал политическое и экономи-

---

Чжан Байцзя, профессор, заведующий отделом Института истории партии при ЦК КПК.

* Выступление на XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".

ческое сотрудничество со странами "третьего мира". Устойчивое развитие китайско-американских связей позволило КНР постепенно продвигаться в направлении нормализации китайско-советских отношений. Продолжали развиваться политические и экономические контакты Китая с западными и восточно-европейскими странами. Помимо этого, Китай укрепил сотрудничество с ООН, начав постепенно принимать участие в многосторонних экономических и социальных проектах и в урегулировании региональных споров.

Еще более примечателен тот факт, что в первой половине 1980-х гг. под знаком указанных политических подвижек происходили глубокие изменения в идеологии, определявшей внешнеполитическую деятельность Китая, которые заключались в следующем. Во-первых, были определены задачи в области внешней политики, главная из которых наряду с продолжением отстаивания национальной независимости, суверенитета и социалистического строя, состояла в том, чтобы сочетать эту работу с экономическим строительством и завершением великого дела объединения Родины, создавая для этого мирную международную обстановку и условия во внешнем окружении. Во-вторых, демонстрируя независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, делать ясный упор на необходимость реальной защиты интересов страны, борьбу с гегемонизмом, придерживаться подлинного неприсоединения, не ставить во главу интересы международного коммунистического движения, не стоять во главе стран "третьего мира". В-третьих, в межгосударственных контактах следует выстраивать отношения с разными странами с учетом тенденций мирового развития и собственных интересов, не проводить идеологических разграничений и не прибегать снова к тактике проведения четких граней между врагами, нами и друзьями, не объединяться с частью стран в борьбе против какого-либо или каких-либо государств.

Вместе с тем китайское руководство стало по-новому подходить к важным международным проблемам и отношениям Китая с остальным миром. Это в основном выражалось в следующем:

— был отброшен постулат о неизбежности крупномасштабной мировой войны и принят тезис о том, что мир и развитие являются доминирующими тенденциями в современном мире;

— было признано, что существующий мир — многообразен, причем в каждой из его составных частей имеются, с одной стороны, противоречия и борьба, а с другой стороны стремление к взаимной опоре. В подходе к целому ряду международных проблем государства, особенно крупные государства, имеют общие интересы и поэтому они должны и могут сотрудничать;

— было определено, что "независимость и самостоятельность — это не замкнутость, а опора на собственные силы — не слепое отбрасывание всего зарубежного". Китаю не только следует усиливать экономическое сотрудничество и торговые обмены со всеми государствами мира, но и необходимо изучать, заимствовать и впитывать передовой зарубежный научно-технический и управленческий опыт.

В этот период стимулы для перестройки китайской внешней политики диктовались не только реальными нуждами процесса политических и экономических перемен, но и постоянным переосмыслением исторического опыта и уроков прошлого. Изменения внешнеполитических ориентиров, новое понимание в Китае важных международных проблем и его отношений с миром показывают, что Китай уже распрощался с прежней идеалистической "революционной дипломатией", имевшей густую идеологическую окраску, и с активных наступательных позиций сознательно встал на путь интеграции с существующей международной системой. Одновременно Китай осознал необходимость играть более важную роль в международных делах, необходимость окончатель-

ного решения проблемы объединения страны, "необходимость в конце концов как следует делать наши дела"¹.

В конце 80-х — начале 90-х гг. внешняя политика КНР подверглась суровым испытаниям. В этот период имел место "тяньаньмэньский инцидент", США и другие западные страны ввели "санкции" против КНР, произошли драматические изменения в Восточной Европе, война в Персидском заливе, распад СССР и целый ряд других событий. Однако несмотря на это, во внешней политике Китая не было отмечено серьезных колебаний. Сохранение ее стабильности и преемственности объясняется несколькими важными факторами.

Во-первых, в связи со сложной ситуацией Дэн Сяопин выдвинул в области внешних связей директивный курс, который сводился к "хладнокровному наблюдению, укреплению позиций и спокойному реагированию"². Он указал на необходимость разграничения идеологической борьбы и международных отношений, чтобы избежать возвращения страны к прежнему подходу к этим отношениям, исходя из требований идеологической борьбы.

Во-вторых, Цзян Цзэминь, став высшим руководителем партии и государства, унаследовал внешнюю политику, определенную Дэн Сяопином.

В-третьих, была осуществлена целая серия адекватных мер в области внешней политики Китая. В их число входит активное развертывание дипломатической деятельности в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, где был достигнут важный прорыв. В течение двух с лишним лет были установлены дипотношения с Сингапуром, Республикой Корея, Саудовской Аравией, Израилем, ЮАР и еще 23 государствами. Кризис в Персидском заливе был использован для быстрой отмены западных санкций в отношении Китая и восстановления и стабилизации его отношений с развитыми государствами Запада. Велась целенаправленная борьба с действиями, ущемляющими суверенитет Китая в вопросах Тайваня, Гонконга, Тибета и Макао. Был сделан акцент на независимый выбор путей развития и определение содержания, сфер и темпов проведения реформ и политики открытости в соответствии с положением в стране.

И, наконец, в-четвертых, существовала еще одна более глубокая причина. Преемственность во внешней политике идет от преемственности внутриполитической линии. Продолжение процесса реформ и открытости обеспечивается поддержкой народными массами этой линии. В то же время десять лет проведения реформ и открытости увенчались установлением беспрецедентно широких связей Китая с внешним миром. КНР фактически уже не сможет вновь оказаться в изоляции, а западные страны опасаются того, как бы их нажим на Китай в переходный период не ударил по их собственным интересам.

Внутренние и внешнеполитические проблемы, вызванные "тяньаньмэньским инцидентом", к 1992 г. были в основном сняты, а внешнеполитическая деятельность КНР осуществлялась даже успешнее, чем это предсказывали китайские руководители. Пройдя через горнило этого сурового кризиса, Китай вновь ускорил поступь реформ и открытости, а основы его внешней политики стали еще прочнее.

2) *Реакция на глобализацию в ходе строительства социалистической рыночной экономики*

В отличие от 1980-х в 1990-е гг. глубокое воздействие оказывали на китайскую внешнюю политику двоякие факторы — международные и внутренние. Два основных фактора, действовавших извне, — это окончание "холодной" войны и ускорение экономической глобализации. Двумя главными внутренними факторами стали создание системы социалистической рыночной экономики и возвращение Китаю Гонконга и Макао.

В начале 1990-х гг. произошли существенные перемены в международной конфигурации. Среди целого ряда проблем наиболее пристальное внима-

ние китайского руководства привлекали изменения политической ситуации в Советском Союзе. Распад СССР вызвал немалое потрясение в компартии Китая. В процессе дезинтеграции Советского Союза внутри КПК шла дискуссия о том, как усвоить уроки СССР и стран Восточной Европы. В ходе этой дискуссии высказывалась точка зрения о необходимости уделять особое внимание "предотвращению мирной эволюции". Кое-кто предлагал даже вновь начать идеологическую полемику с Советским Союзом. Однако курс, определенный Дэн Сяопином, был таков: какие бы перемены ни происходили в СССР, необходимо стабилизировать китайско-советские отношения, а в открытую идеологическую полемику не вступать³. Подводя итоги этих обсуждений, Цзян Цзэминь отметил, что самым радикальным средством для предотвращения мирной эволюции является должное ведение дел в собственной стране. Китаю следует твердо осуществлять курс реформ и расширения внешних связей и при этом не допускать мирной эволюции. Однако нельзя иметь две главных задачи, в качестве центральной можно ставить лишь задачу экономического строительства.⁴ Результаты этой дискуссии имели важное значение для стабилизации внутренней и внешней политики тогдашнего Китая. Вместе с тем Китай благодаря этому сумел после распада СССР успешно выстроить новые отношения с Россией на основе взаимного уважения, добрососедства и дружбы.

В результате своевременного изучения и осмысления ситуации Цзян Цзэминь и другие китайские руководители летом 1991 г. сделали фундаментальное заключение относительно международной ситуации. Главный вывод был таков: биполярность закончилась и мир развивается в направлении многополярности; хотя нынешняя международная ситуация тревожна и беспокойна, лейтмотив мира и развития остается неизменным; в относительно длительной перспективе Китай сможет обеспечить себе благоприятный мирный международный климат и такое же ближайшее окружение, основные внешнеполитические принципы, выработанные в стране на протяжении периода осуществления реформ и открытости, остаются неизменными. Такое заключение позволило китайскому руководству проникнуться решимостью продолжать стимулировать внутренние реформы и открытость. Вместе с тем оно показало, что эта решимость руководства Китая базируется на анализе новой ситуации, позволяющей внести коррективы в архитектуру внешнеполитических связей Китая. Поначалу китайские руководители были настроены довольно оптимистично в отношении перспектив многополярности, однако к середине 90-х гг. они поняли, что это будет длительный и извилистый процесс. В результате такого вывода внешняя политика КНР стала развиваться в более прагматичном направлении.

В начале 90-х гг., когда в международной обстановке произошли важные перемены, процесс реформ и расширения внешних связей Китая тоже вступил в решающий период развития. Хотя реформы в Китае проводились уже более 10 лет, тем не менее цель преобразования экономической системы оставалась расплывчатой. Среди экономистов и чиновников, отвечавших за реформу, одни утверждали, что эта цель состоит лишь в совершенствовании тогдашней плановой экономической системы. Другие же считали конечной целью реформ создание системы рыночной экономики. На протяжении долгого времени происходило столкновение двух этих подходов. Пока не было ясности в вопросе о целях реформы, в Китае ее осуществляли буквально "наощупь", т.е. старались решать проблемы по мере их возникновения. Если обнаруживалось, что решения пока нет, такие проблемы временно откладывались в сторону. В результате в 1980-е гг. многие меры в рамках реформ носили компромиссный и переходный характер. Классическим примером этого является практиковавшаяся тогда "двухуровневая" система цен. В конце 1980-х гг. перед лицом не-

бывало серьезной инфляции становилось все острее понимание того, что для решения целого ряда уже возникших проблем необходимо скорейшее прояснение целей реформы хозяйственной системы.

В 1992 г. знаменитые беседы Дэн Сяопина во время его поездки на юг и созыв XIV съезда КПК ознаменовали наступление нового этапа китайских реформ. На съезде было принято решение о строительстве социалистической рыночной экономики, что стало важнейшим внутренним событием для всего Китая 90-х годов. Благодаря ему китайские реформы с этого времени покончили с этапом "проведения на ощупь" и вступили в этап всестороннего и систематического продвижения вперед. Определение цели системных реформ устранило также почву для политической нестабильности, которая могла вызываться разногласиями в оценках. Влияние консервативных сил с этого времени значительно упало. Начиная с 1993 г., правительство КНР, действуя в рамках центральной задачи — создания системы социалистической рыночной экономики, шаг за шагом осуществляло целую серию реформ, в том числе преобразование механизма управления госпредприятиями, переход от директивного планирования к индикативному планированию, комплексное проведение реформы системы цен, налогов, финансов и управления внешней торговлей, реформа системы социального обеспечения, жилищной системы и системы использования земли и т.д. Новый импульс получила тогда и реформа политической системы в Китае. Основным содержанием реформы в этой области явилось преобразование правительственных функций с целью приспособления их к нуждам строительства рыночной экономики. В последние годы XX века Китай преодолел давление внутренней инфляции и удары азиатского финансового кризиса. Китайская экономика в основном сохраняла непрерывающийся быстрый рост. Накануне XXI века в КНР в первоначальном виде сформировалась система рыночной экономики с государственным макрорегулированием.

Системная реформа с целью создания рыночной экономики не только быстро изменила саму страну, но и меняет ускоренными темпами отношения Китая с миром. Создание системы рыночной экономики привело к быстрому превращению КНР в одного из важнейших субъектов мировой экономики. В международных делах китайское руководство все больше внимания уделяет экономическим проблемам. В других странах также обсуждается вопрос о "подъеме Китая" как о важном факторе, влияющем на будущее всего мира.

Оглядываясь назад, видно, что относительно успешное преобразование хозяйственной системы Китая объясняется следующими причинами. Во-первых, цели реформы этой системы были окончательно определены лишь после 10 с лишним лет поисков и апробирования, и это, видимо, позитивный фактор, поскольку поиск целей позволил в ходе осуществления реформ избежать ран, подобных тем, которые нанесла "шоковая терапия" в России, где, казалось бы, цели были ясны. Во-вторых, с самого начала китайские реформы и открытость были внешне ориентированными, а ученые и чиновники в КНР неизменно обращали пристальное внимание на проблему "стыковки" экономики КНР с мировой экономикой, постоянно укреплялись и связи китайской экономики с мировым рынком. В-третьих, руководство КНР приняло решение о строительстве рыночной экономики несколько раньше того, как начала быстро развиваться тенденция экономической глобализации. Благодаря этому Китай в известной мере выиграл в темпах инициативу и следовательно смог извлечь пользу из тенденции экономической глобализации в отличие от некоторых развивающихся стран, которые пострадали от развития этой тенденции.

В 90-е годы вопрос о возвращении Гонконга и Макао занял важное место в повестке дня китайского правительства. Хотя в качестве внешнеполитической проблемы возвращение Гонконга и Макао имело особый и самостоятель-

ный характер, тем не менее оно служило важным фактором активного стремления Китая к стабилизации всех внешнеполитических отношений и внутренней политической ситуации и поэтому к этому вопросу было приковано большое внимание. По сути дела, лишь гарантировав успешное возвращение этих китайских территорий, руководство КНР могло свободно заниматься другими внешнеполитическими делами. 1 июля 1997 г. правительство КНР восстановило суверенитет над Гонконгом, а 20 декабря 1999 г. — и над Макао. В целом, этот процесс прошел достаточно гладко, не было не только серьезной смуты и определенных беспорядков, к которым готовилось китайское правительство, но возникло даже незначительной неразберихи. Возвращение Гонконга и Макао поставило последнюю точку в истории иностранного колониализма в Китае. В глазах китайцев это было крупным событием, которое смыло вековой позор с китайской нации и заметно повысило веру китайского народа в свои силы.

Во второй половине 90-х гг. в Китае стали все сильнее ощущаться вызовы глобализации. Особенно заметным было ее воздействие на сферу экономики. По мере формирования системы рыночной экономики связи китайской экономики с мировой становились все теснее. Острая конкуренция различных китайских и иностранных предприятий развернулась не только на внутреннем рынке КНР, но и на международном рынке. В результате азиатского финансового кризиса, разразившегося в 1997 г., китайская экономика впервые ощутила на себе влияние внешней кризисной ситуации и, хотя потери Китая были довольно незначительными, китайцы получили серьезный урок. В 1998 г. Цзян Цзэминь ясно указал, что в сфере международной экономики вырисовывается тенденция, привлекающая всеобщее внимание, а именно, явление экономической глобализации. Он многократно напоминал, что экономическая глобализация и стремительное развитие высоких технологий, наиболее ярким представителем которых являются информационные технологии, приведут к росту конкуренции стран по суммарной национальной мощи, и поэтому в подобной ситуации нельзя сидеть сложа руки.

Поняв колоссальное воздействие глобализации, китайские руководители стали все более осознанно оценивать ситуацию во всей полноте факторов — политических, экономических и внешнеполитических. Наиболее показательными были переговоры о вступлении Китая в ВТО. Эти переговоры, начавшиеся в 1986 г., продолжались 15 лет. В последние несколько лет, несмотря на постоянное ужесточение требований со стороны стран-членов этой организации, китайское правительство в конечном итоге преодолело разногласия и приняло решение о вступлении. Цель китайского руководства абсолютно ясна: путем вступления в ВТО создать более благоприятные внешние условия для осуществления реформ, проведения политики открытости и развития экономики. Кроме того, эта мера рассматривалась в качестве важного звена активного участия Китая в процессе экономической глобализации. Вместе с тем прессинг извне стимулировал внутреннюю реформу хозяйственной системы, ускорял перестройку внутриотраслевой структуры. В конце 2001 г. Китай, наконец, официально стал членом ВТО.

3) Строительство всесторонней и многоуровневой архитектоники внешнеполитических связей

В целом внешняя политика Китая включает четыре направления: отношения с крупными государствами, с соседними странами, со странами третьего мира и с международными организациями. Однако внешнеполитические акценты в разные периоды расставлялись разные и вплоть до 80-х гг. прошлого века среди упомянутых компонентов было много несбалансированности.

Во второй половине 80-х гг. во внешней политике КНР начала проявляться тенденция к развитию "всесторонности и многоуровневости". В 90-х гг.

данная тенденция получила мощное стимулирование под влиянием международного и внутреннего факторов. На рубеже веков в Китае в основном сложилась всесторонняя и многоуровневая архитектура внешних связей, в рамках которой страна заботится о развитии отношений как с крупными и развитыми государствами, так и с соседними и многочисленными развивающимися странами. Уделяется внимание развитию двусторонних связей, а также активизации многосторонней дипломатической деятельности.

Создание такой архитектуры неразрывно связано с тремя основными задачами внешней политики КНР: 1) Адаптироваться к различным изменениям в международных отношениях после окончания "холодной войны", особенно к всесторонней перестройке отношений крупных держав и небывалому оживлению деятельности различных региональных и межрегиональных организаций сотрудничества. 2) Отстаивать всеобщий мир, бороться с гегемонизмом, силовой политикой и терроризмом, поощрять установление более справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. 3) Адаптироваться к влиянию на Китай тенденции экономической глобализации и быстрого развития высоких технологий.

По форме и содержанию внешнюю политику Китая, обращенную в XXI век, отличают три новые особенности.

— Содержание внешнеполитической деятельности явно расширяется, затрагивая целый ряд региональных и глобальных проблем экономики, безопасности, прав человека, охраны окружающей среды и т.д.

— Дипломатия на уровне высших руководителей играет беспрецедентную и незаменимую роль. Диалог и связи между руководителями Китая и других стран содействовали развитию двусторонних и многосторонних отношений, снятию некоторых проблем, которые не поддавались решению в ходе консультаций и переговоров на более низком уровне.

— Китай стремится к установлению всесторонних партнерских связей. В рамках отношений партнерства и сотрудничества с другими странами и в региональных организациях создана система регулярных встреч, консультаций и диалога на разных уровнях. Этот новый механизм не только повысил эффективность двустороннего и многостороннего сотрудничества, но и способствует устойчивости и дальнейшему расширению контактов между всеми сторонами.

Усилия Китая, предпринимавшиеся в 90-е гг. для создания всесторонней архитектуры внешних отношений, начались с дипломатии добрососедства. В начале 90-х гг. Китай, наконец, осуществил нормализацию отношений со всеми сопредельными странами. Впоследствии связи с ними непрерывно развивались. Сюда относится и примечательное развитие отношений с АСЕАН. В конце 1997 г. стороны обнародовали совместное заявление КНР-АСЕАН о встрече в верхах, в котором определена цель обеих сторон о строительстве отношений взаимного доверия и партнерства, обращенных в XXI век, и руководящие принципы отношений между двумя странами. После того, как разразился азиатский финансовый кризис, Китай использовал двусторонние и многосторонние каналы для оказания помощи соответствующим государствам и взял обязательство не девальвировать китайский юань, что вызвало широкое одобрение других государств. С нормализацией в 1991 г. китайско-вьетнамских связей в начале 1999 г. определились рамки отношений "долгосрочной стабильности, добрососедства и дружбы, всестороннего сотрудничества, обращенного в будущее". Связи КНР с Индией и Пакистаном также получили довольно сбалансированное развитие. В 1996 г. Китай и Индия приняли решение строить между собой отношения конструктивного сотрудничества и партнерства на базе пяти принципов мирного сосуществования. КНР и Пакистан также объявили о совместном строительстве отношений всестороннего сотрудничества и

партнерства, обращенных в XXI век. В Северо-Восточной Азии Китай уделяет чрезвычайное внимание сохранению мира и стабильности на Корейском полуострове. Наряду с поддержанием отношений традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР быстро развиваются политические и экономические связи Китая с Республикой Корея. Прекрасные отношения поддерживает Китай и с другими сопредельными странами.

Наиболее примечательным является важный прогресс, достигнутый Китаем в указанный период в решении с соседними государствами пограничных проблем, оставленных историей. С Россией было подписано 5 пограничных соглашений и протоколов, неопределенным остается прохождение границы всего в двух районах на ее восточном участке. С Вьетнамом были заключены договор о сухопутной границе и соглашение по вопросу о территориальных водах. Хотя проблема китайско-индийской границы остается по-прежнему нерешенной, однако ситуация на границе значительно улучшилась, и правительства двух стран заключили ряд соглашений, направленных на поддержание статус-кво. По вопросу о Южно-Китайском море китайская сторона ясно заявила в совместной декларации саммита Китай—АСЕАН о своем стремлении надлежащим образом разрешить с заинтересованными странами спорные проблемы, относящиеся к этому району, на базе общепризнанных норм международного права и основных принципов и правового режима современного морского права путем мирных переговоров. Подобную позицию Китай занимает и в отношении других аналогичных спорных проблем.

Отношения Китая с крупными государствами издавна выступают как важный постоянный фактор, воздействующий на китайскую внешнеполитическую архитектуру. Традиционно контакты Китая с этими державами в известном смысле ограничивались отношениями с сопредельными государствами, причем в поле его наибольшего внимания в рамках этих отношений были вопросы безопасности. С проведением политики реформ и открытости в этой ситуации начались значимые сдвиги: а) в отношениях с крупными странами выходят все чаще на более важное место экономические связи; б) появляется все больше вопросов регионального и глобального характера, которые представляют для обеих сторон общий интерес и настоятельно требуют сотрудничества. Стабилизация и расширение связей с крупными и развитыми государствами играют важную роль не только для модернизации КНР, но и имеют серьезное значение для сохранения всеобщего мира и развития.

В середине 90-х гг. китайское руководство заявило о необходимости прилагать усилия для развития отношений нового типа с крупными странами, главная особенность которых — не вступление в союзы, не противостояние, не направленность против третьих сторон. Действуя в этом духе, Китай впервые в 1996 г. установил с Россией “равноправные и доверительные отношения стратегического партнерства и взаимодействия, обращенные в XXI век”. После этого КНР и Россия подписали в 1997 г. совместное заявление о многополюсном мире и строительстве нового международного порядка, а в 2001 г. был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Развитие китайско-российских отношений в целом идет успешно и перед ними раскрываются широкие перспективы.

Хотя на протяжении 10 с лишним лет китайско-американские отношения развивались зигзагообразно, их общая тенденция — постоянное поступательное движение вперед. В ноябре 1993 г. в результате встречи в Сизтле Цзян Цзэминя и Клинтона отношения двух стран вышли из первого после установления дипотношений спада. В 1997 г. КНР и США провозгласили совместное стремление к установлению отношений конструктивного стратегического партнерства, обращенных в XXI век. Через несколько лет эти отношения пе-

режили два кризиса — “бомбардировка посольства” и “столкновение самолетов”. Однако после событий 11 сентября они стабилизировались. Президент Буш дважды — в октябре 2001 г. и феврале 2002 г. — посетил КНР и оба лидера достигли важного взаимопонимания относительно стимулирования китайско-американских связей. Хотя между двумя странами существует порядочно противоречий, тем не менее факты показывают, что стабилизация и развитие отношений между двумя странами отвечает их насущным интересам.

В последние годы XX века Китай установил партнерские связи, обращенные в XXI век, с Францией, Англией, Канадой, Японией, а также с Европейским Союзом. Беспрецедентный характер имеет поддержание прекрасных отношений сотрудничества Китая со всеми крупными и развитыми державами.

На перепутье веков развиваются отношения КНР с различными государствами Африканского и Западноазиатского региона и Латинской Америки. В 1999 г. подписано два совместных коммюнике между Китаем и Египтом о строительстве отношений стратегического сотрудничества, обращенных в XXI век. В октябре 2000 г. был проведен “Форум китайско-африканского сотрудничества — Пекинская конференция 2000 г. на уровне министров”. На ней были приняты “Пекинский манифест форума китайско-африканского сотрудничества” и “Программа китайско-африканского экономического и социального развития и сотрудничества”. Китайская сторона заявила, что в течение 2 лет после этого будут снижены или аннулированы долговые обязательства на 10 млрд юаней бедных стран с тяжелой задолженностью или наиболее слаборазвитых стран Африки, чтобы помочь им в разрешении африканской долговой проблемы. Китай установил дипломатические отношения с подавляющим большинством государств Латинской Америки, одновременно развивая торгово-экономические связи и неправительственные обмены и с теми странами этого континента, которые не имеют дипотношений с КНР.

Активное развертывание многосторонней дипломатии является характерной особенностью китайской внешней политики на рубеже столетий. С 1971 г. после восстановления законного места КНР в ООН шаг за шагом расширялось ее участие во всех сферах многосторонней международной дипломатии, центром которой была эта организация. В середине 80-х гг. Китай осознал, что многосторонняя дипломатия может составить важное содержание его независимой и самостоятельной мирной внешней политики. В 90-е гг. активность Китая в этой области постоянно возрастала. Действуя в указанной сфере, КНР активно ратовала за создание нового международного экономического и политического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования, за приверженность принципам борьбы против гегемонизма и силовой политики, защиту прав и интересов многочисленных развивающихся стран.

ООН стала важной ареной развертывания китайской многосторонней дипломатии. В КНР высоко оценивают место и роль ООН в международных делах. В качестве постоянного члена Совета безопасности ООН Китай со всей серьезностью подходит к выполнению соответствующих обязанностей, внося свой вклад в обеспечение международного мира и безопасности, в поощрение справедливого и рационального разрешения серьезных региональных конфликтов. На состоявшейся в 2000 г., встрече в верхах в рамках ООН по инициативе Китая успешно прошла первая в истории встреча глав государств — постоянных членов Совета Безопасности этой организации. КНР активно участвует также в работе всех специализированных учреждений Организации Объединенных Наций, во всех сферах ее многосторонней экономической и социальной деятельности, содействуя международному сотрудничеству.

В 90-х гг., демонстрируя дух открытости, Китай принял участие в работе целого ряда региональных международных организаций. Он выразил ясную

поддержку региональным диалогам и сотрудничеству в различных формах, на многих уровнях и по многим каналам на основе равноправного участия, единых консультаций, поиска общего при сохранении различий и постепенного установления порядка. Китай активно содействовал установлению мер многостороннего доверия с сопредельными странами, отстаивал региональный мир и стабильность, содействовал развитию региональной экономики. Он принимал деятельное участие в деятельности Организации экономического сотрудничества стран Тихого океана (ОПЕК), в октябре 2001 г. провел в Шанхае 9-ю встречу в верхах этой организации. Во второй половине 90-х гг. механизм "шанхайской пятерки", созданный Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, положил начало новому подходу к проблемам безопасности, содержание которого составляли взаимное доверие, сокращение вооружений и сотрудничество в целях обеспечения безопасности. Это — новая модель регионального взаимодействия, отличительными чертами которой являются совместные инициативы больших и малых государств, уделение первоочередного внимания проблеме безопасности и взаимовыгодное сотрудничество. На этой основе в июне 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества. Главы "пятерки" — Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, а также Узбекистана достигли широкого взаимопонимания относительно будущего сотрудничества, совместной борьбы против "трех сил" — терроризма, экстремизма и сепаратизма. Дальновидность этого подхода уже подтверждена новым развитием международной ситуации.

4) *Тенденции развития внешней политики Китая на пороге XXI века*

В начале XXI века после распада двухполюсной архитектоники мир по-прежнему находится на переходном этапе. Китайские ученые в целом исходят из того, что существующую международную структуру можно охарактеризовать формулой "одна сверхдержава и множество сильных государств". Ее отличительной чертой является одновременное наличие относительно "стабильности" и некоторой степени "хаотичности". Каким бы ни был внешний мир, главная цель Китая сфокусирована на внутренних задачах — в течение первой четверти текущего столетия построить всестороннее "общество средней зажиточности". Внешняя политика Китая будет строиться с учетом этой основной работы. Можно предвидеть, что в Китае будут еще более прагматично подходить к реалиям современного мира. В целом же во внешней политике КНР сохраняется стабильность и преемственность. Разумеется, она может дополняться и корректироваться, если этого потребует действительность.

Четыре основных фактора толкают китайскую внешнюю политику к сохранению стабильности и преемственности.

Во-первых, современная внешняя политика КНР и рамки ее внешних отношений являются достаточно четкими и целостными, и практические результаты этой политики вполне положительны. Главной задачей в последующий период ставят дополнение и совершенствование этих стратегических направлений. Вместе с тем стабильность и преемственность китайской внешней политики будут способствовать упрочению имиджа Китая как ответственной крупной державы, укреплению доверия к нему со стороны других государств. Это особенно актуально, когда еще недостаточно высока степень транспарентности процесса выработки китайской политики.

Во-вторых, начиная с 90-х годов прошлого века и на протяжении обозримых десяти с лишним лет XXI века внешние связи Китая будут переживать относительно сложные времена. С одной стороны, по мере углубления реформ Китай окажется перед лицом новых проблем и возрастания внутреннего прессинга. С другой стороны, изменения в международной архитектонике пока не завершены и по мере роста комплексной национальной мощи Китая другие

страны будут настороженно присматриваться к нему, т.е. внешний прессинг также несомненно усилится. Ключевой этап в развитии самого Китая и изменения в его внешнем окружении как бы наслаиваются друг на друга, что усложняет решение проблем китайской внешней политики и безопасности. В таких условиях непродуманное изменение внешней политики КНР, может вызвать непредсказуемую и неконтролируемую цепную реакцию

В-третьих, на протяжении периода осуществления реформ и политики открытости Китай в основном выигрывает от существующего международного порядка. И, хотя он выступает за установление более справедливого и рационального международного политического и экономического порядка, считая, что мир развивается в направлении многополярности и демократизации, однако в КНР надеются на упорядоченность этого процесса изменений и на его осуществление на путях сотрудничества, а не конфронтации. К вопросу регулирования отношений с современным миром в Китае существует два основных подхода. Согласно первому, возможности Китая в плане формирования международного порядка и структур весьма ограничены. Согласно второму, процесс этих перемен будет длительным и извилистым, и его конечные результаты будут зависеть от разрастания различных противоречий и изменений в соотношении сил.

И, наконец, при урегулировании международных проблем перед Китаем встает и весьма трудная задача учебы. Фактически он по-прежнему испытывает нехватку опыта ведения дел в качестве крупной державы. В беспокойном мире, где действует много факторов неопределенности, обязательно будут происходить внезапные непрогнозируемые события. В условиях недостатка сил и наличия множественных факторов неопределенности чрезвычайно важно и актуально сохранять политическую гибкость.

Возникновение некоторых новых ситуаций при вступлении в XXI век определило необходимость корректировки внешней политики Китая. Автор статьи считает, что такая корректировка может затронуть в основном следующие области:

— Для сохранения мира в прилегающих к КНР районах при урегулировании в них проблем "горячих точек" Китай будет активизировать свою конструктивную роль. Что касается давно существующих спорных вопросов, оставленных в наследство историей, которые невозможно решить моментально, то он не допустит того, чтобы они превратились в "горячие точки", и продолжит поиск путей для их постепенного разрешения. Например, в связи с нынешним ядерным кризисом в Корее Китай оказывает содействие шестисторонним переговорам, открыв полезный канал для решения этой проблемы.

— В качестве крупной державы АТР Китаю следует брать на себя больше обязательств по поддержанию регионального мира и стабильности, содействию экономическому процветанию. В известном смысле в Азии отсутствует пока самоупорядочение, характерное для Европы, а это — историческая задача, решение которой необходимо начать. Китай должен использовать эту возможность, объединить усилия с другими странами и сыграть в их ряду свою важную роль. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, особую значимость имеет улучшение и развитие отношений КНР с Японией и Индией. В последнее время на этом направлении уже просматриваются некоторые подвижки.

— По мере развития экономики Китая его место в мировой иерархии непременно будет корректироваться, а связи с крупными державами постоянно укрепляться. В 2003 г. Китай впервые принял участие в диалоге "восьмерки", продемонстрировав эту тенденцию. Однако оптимальным способом повышения роли Китая на протяжении некоторого будущего периода могло бы

стать выполнение миссии моста связи между развитыми и развивающимися странами. Это возможно потому, что хотя в целом Китай переживает процесс превращения в крупную экономическую державу, по показателям на душу населения он по-прежнему еще долго будет оставаться развивающимся государством.

И, наконец, по целому ряду таких глобальных проблем, как защита всеобщего мира, содействие экономическому развитию, борьба с терроризмом, контроль над вооружениями, охрана окружающей среды и т.д., Китаю следует и дальше продолжать укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество со всеми странами мира, играть еще более активную и конструктивную роль в их решении, продолжая утверждать свой имидж ответственной крупной державы.

© 2003

*Перевод с китайского языка
В. Барышникова*

1. Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные работы Дэн Сяопина). Т. 2. Пекин, 1994. С. 240 (на кит. яз.).
2. Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные работы Дэн Сяопина). Т. 3. Пекин, 1993. С. 311, 312, 320, 321 (на кит. яз.).
3. Там же. С. 353.
4. Цзян Цзэминь дэ цзицы цзянхуа хэ лиши (Некоторые выступления и резолюции Цзян Цзэминя, 10.06, 24.07, 31.07, 7.12.1991) (на кит. яз.)

КНР: проблемы обороны

© 2003

П. Каменнов

На рубеже XX и XXI столетий военная политика Китая направлена на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию данной стратегии в Китае связывают с усилением совокупной национальной мощи, главными факторами которой являются внутривластная стабильность, динамичный и устойчивый экономический рост, подъем уровня развития науки и технологий, поиск и освоение природных ресурсов в своей стране и обеспечение доступа к мировым источникам сырья и энергии.

Основные тенденции в области оборонного строительства КНР ныне формируются под влиянием новых моментов в военно-доктринальных взглядах, главным из которых является отход от концепции неизбежности новой мировой войны. Впервые об этом заявил в 1986 г. Дэн Сяопин, занимавший в то время пост председателя Центрального военного совета КНР: "Раньше мы считали, что мировая война неизбежна, сейчас наша точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу"¹. Новые взгляды по проблемам войны и мира вызвали необходимость коренного пересмотра военной политики. Прежний стратегический принцип постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения изменен на принцип военного строительства в мирное время².

Согласно оценке Дэн Сяопина, на рубеже XX и XXI веков в связи с отсутствием неизбежности возникновения новой мировой войны Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, на укреплении национальной обороны. В отличие от периода "холодной войны", когда оборонный сектор находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, постепенно утвердилась концепция согласованного развития военной и гражданской сфер. В широком смысле предполагается не только зависимость военного строительства от экономического, но и обратная связь — использование возможностей военно-промышленного комплекса в интересах развития экономики³.

В связи с переоценкой степени и характера внешней военной угрозы было признано целесообразным сократить численность НОАК, часть объектов военной инфраструктуры (военно-воздушные и военно-морские базы, аэродро-

---

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 03-02-00122а.

мы, склады, транспортные коммуникации, линии связи и т.п.) открыть для использования в гражданском секторе, а оборонную промышленность подвергнуть конверсии, реформировать и превратить в производителя как военной, так и гражданской продукции. Выдвинутая Дэн Сяопином идея реформирования военно-промышленного комплекса (ВПК) получила выражение в виде так называемого курса 16-ти иероглифов: "сочетание военного и гражданского, мирного и немирного, приоритет военного производства и его развитие с опорой на выпуск гражданской продукции"⁴.

Согласно китайским оценкам, международная обстановка в сфере военной безопасности ныне характеризуется развитием сложных противоречивых тенденций, среди которых можно выделить движение к многополярному миру, экономическую глобализацию, усиление взаимодействия и сотрудничества в антитеррористической борьбе после террористических атак против США 11 сентября 2001 г. и, наряду с этим, — обострение соперничества в области совокупной национальной мощи.

Положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом остается стабильным. Сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи со странами АСЕАН по формуле (10+3) переходит в практическую плоскость, в частности Китай достиг договоренности с АСЕАН о создании в течение ближайших 10 лет зоны свободной торговли; в отношениях между странами АСЕАН набирает силу тенденция к превентивной дипломатии. Шанхайская организация сотрудничества сделала новый шаг вперед в развитии межгосударственных отношений, основанных на принципе партнерства, в том числе — сотрудничества в антитеррористической борьбе. В основном стабильной остается ситуация в Южно-Китайском море, чему способствует подписание "Декларации об образе действий сторон в Южно-Китайском море".

К факторам нестабильности в Китае относят прежде всего сохраняющийся в мире нерациональный и несправедливый порядок в сфере политики и экономики, что в условиях глобализации ведет к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами; новые проявления гегемонизма и политики с позиции силы; обострение соперничества между странами в борьбе за природные ресурсы планеты. Серьезную озабоченность в Китае вызывает развитие в международных отношениях таких негативных тенденций, как попытки ослабить роль ООН и ее Совета безопасности в урегулировании конфликтных ситуаций в мире и регионах, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о "превосходстве прав человека над суверенитетом" и теорией "гуманитарного вмешательства" для посягательств на суверенные права независимых государств⁵.

В Китае также полагают, что многие факторы нестабильности сохраняются и в АТР; к важнейшим из них относят сложность и незавершенность процесса мирного урегулирования на Корейском полуострове, неурегулированность Тайваньской проблемы, вследствие неопределенной позиции новых руководителей Тайваня в отношении принципа одного Китая, а также препятствий, чинимых США в виде поставок Тайваню современных вооружений и предпринимаемых в самих США попыток принятия так называемого акта об усилении безопасности Тайваня.

Наряду с этим, глубокие и резкие изменения в военной сфере привели к новому серьезному дисбалансу в военной мощи государств. Интенсивное внедрение в военную сферу новых и высоких технологий, среди которых особое место занимают информационные технологии, привело к превращению зоны предполагаемых боевых действий в многомерное пространство, включающее сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Большинство развитых стран

внесли соответствующие коррективы в свою военную стратегию и ускоренными темпами осуществляют модернизацию вооруженных сил, что ведет к резкому увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами в военно-технической сфере⁴.

Таким образом, по китайским оценкам, угрозы безопасности в мире проявляются в многообразных формах и имеют глобальный характер; поэтому следует быть готовым к любым изменениям международной обстановки в неблагоприятном для Китая направлении.

Политика Китая в сфере военной безопасности направлена на предотвращение войны путем осуществления превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера в целях создания благоприятных условий вокруг Китая и уменьшения факторов нестабильности. Одновременно осуществляется курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий, подготовку высококвалифицированных командных и научно-технических кадров нового поколения, приведение боевой учебы войск в соответствие с условиями высокотехнологичной войны⁷.

Выдвинутая Цзян Цзэмином в 2001 г. стратегия развития оборонного потенциала и модернизации вооруженных сил Китая до середины XXI в. включает три этапа: на первом этапе (до 2000 г.) создание основ преобразований; на втором этапе (2000—2020 гг.) вооруженные силы Китая должны стать сильнейшими в Азии; на третьем этапе (2020—2049 гг.) предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня развитых стран⁸. В этой связи нижеследующие мероприятия, осуществленные в Китае за последние два десятилетия в процессе военной реформы, могут рассматриваться в качестве первого (начального) этапа преобразований.

1. В соответствии с Конституцией 1982 г. (статья 93), учрежден высший государственный орган руководства вооруженными силами — Центральный военный совет (ЦВС) КНР, что явилось отражением стремления повысить руководящую роль государства в оборонном строительстве.

2. Численность НОАК к 1985 г. была сокращена на 1 млн. человек, а к 2000 г. — еще на 500 тыс. человек (главным образом за счет сухопутных войск); в настоящее время она составляет около 2,5 млн. человек. Существенно, в среднем на 30—40%, уменьшился парк обычных (неядерных) вооружений НОАК — за счет вывода из боевого состава и списания морально и физически устаревшей техники.

3. Более чем в 2 раза, сокращен государственный оборонный заказ и выпуск морально устаревших обычных вооружений оборонной промышленностью Китая, что послужило дополнительным мотивом для конверсии ВПК.

4. Заложены основы законодательной базы оборонного строительства КНР. Среди большого количества новых законодательных актов особое место занимает принятый в марте 1997 г. Закон КНР "О государственной обороне", которым, в частности, определены полномочия государственных органов власти в данной сфере и предусмотрено создание совместных координационных совещаний военных и гражданских органов в центре и на местах, решения которых в пределах их компетенции являются обязательными для исполнения. Закон юридически закрепляет руководство вооруженными силами со стороны КПК и создает основу деятельности организаций КПК в вооруженных силах (ст. 19), что следует рассматривать как фактор, способствующий укреплению дисциплины и воспитанию личного состава в духе верности руководству страны и партии.

5. В связи с сокращением НОАК значительная часть объектов военной инфраструктуры передана в гражданский сектор, одновременно увеличены

масштабы привлечения армии к экономическому строительству. За последние два десятилетия армия открыла для гражданского использования более 100 аэродромов, открыла или сдала в аренду 29 гаваней и доков, более 300 железнодорожных линий, 90 линий связи, около 1000 складов и свыше 3 млн. кв. м земли. Другим направлением является участие армии в спасательных работах и ликвидации последствий стихийных бедствий: за последние 20 лет такое участие осуществлялось более, чем в 100 тыс. случаях, при этом было спасено свыше 10 млн. человек и перевезено более 200 млн. т различных грузов. Кроме того, армия принимает участие в сооружении ключевых объектов государственного и местного значения, выполняя наиболее сложные и опасные работы. За последние 20 лет при поддержке армии было реализовано более 10 тыс. ключевых проектов, в том числе 150 железнодорожных магистралей, 340 тоннелей и дренажных линий, 260 мостов, 4100 км шоссейных и железных дорог, 50 доков, 40 аэропортов гражданского и двойного (военного и гражданского) назначения, 500 энергетических проектов, 20000 км оптико-волоконных линий связи и т.п.¹⁰.

6. Принято решение правительства КНР о рассекречивании 2237 научно-технических разработок оборонного комплекса для использования их в гражданском секторе, что позволило сформировать единую технологическую и патентную базу данных, доступную для всех военных пользователей на территории Китая, и создать условия для налаживания информационного обмена между смежными научно-исследовательскими учреждениями и организациями¹¹.

7. Определено главное направление в области военного строительства — совершенствование качественных параметров оборонного потенциала при одновременном сокращении численности НОАК. В этой связи руководство страны требует "...укреплять армию за счет науки и техники, усиливать исследования оборонного значения, создавать и совершенствовать механизм оборонной промышленности в соответствии с системой рыночной экономики, постепенно обновлять вооружение и снаряжение" (из материалов XV съезда КПК, сентябрь 1997 г.)¹² и, наряду с этим, "...решить узловые технические проблемы, тормозящие прогресс военной науки и перевооружение армии, ускорить создание целевых НИИ и лабораторий для разработки современных высокотехнологичных вооружений"¹³. Акцент на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала, в частности нашел свое отражение в создании нового руководящего органа военного ведомства — Главного управления вооружений НОАК, подчиненного непосредственно ЦВС КНР¹⁴.

8. Осуществлено глубокое реформирование ВПК для превращения его из производителя только военной продукции в производителя как военной, так и гражданской продукции.

Как следует из "Белой книги" КНР по вопросам национальной обороны — 2002, основным содержанием военной политики КНР остаются курс на укрепление обороны как необходимое условие развития экономики и увеличения совокупной национальной мощи; предотвращение и противодействие агрессии, обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, безопасности страны; осуществление объединения Родины (имеется в виду решение тайваньской проблемы); пресечение вооруженной подрывной деятельности, в том числе всех форм терроризма, сепаратизма и экстремизма.

Значение, которое придается в Китае военному фактору, в частности можно видеть на примере тайваньской проблемы. Стремясь к объединению страны мирными средствами, Китай однако "не берет на себя обязательства не прибегать к силе", полагая, что каждое государство имеет право, если это необходимо, использовать все средства для защиты своего суверенитета и территориальной целостности¹⁵.

В XXI в. Китай вступает с развитой структурой вооруженных сил (ВС) и системой органов военного управления. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной полиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом китайских ВС, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, состоящая из действующих сил (стратегические ракетные войска, сухопутные войска, ВВС и ВМС) численностью 2,47 млн. человек и организованного резерва — 500—600 тыс. человек. На полицейские формирования (1,3 млн. человек) возложены функции по обеспечению внутренней безопасности и общественного порядка. Народное ополчение в мирное время выполняет задачи по поддержанию общественного порядка, а в военное время — задачи оборонительного характера и различные обеспечивающие функции. Следует особо отметить, что, как и в предшествующие годы, армия в Китае остается инструментом опоры власти и поддержания внутривластной стабильности. Законом КНР «О государственной обороне»¹⁶ (ст. 22) прямо предусмотрена возможность использовать для выполнения внутренних функций не только полицейские формирования, но и НОАК (включая действующие силы и войска резерва) и народное ополчение.

ЦВС КНР осуществляет руководство видами вооруженных сил (стратегические ядерные силы, сухопутные войска, ВВС и ВМС) и военными округами через генеральный штаб и главные управления НОАК: политическое, тыла и вооружений. Постоянное руководство оборонным строительством осуществляется Министерством обороны, действующим в структуре Госсовета КНР. Особенностью высшего военного управления КНР является высокая степень централизации. ЦВС КНР и Военный совет ЦК КПК, будучи укомплектованы одними и теми же лицами, по существу образуют единую структуру, осуществляющую руководство вооруженными силами по партийной и государственной линиям. Председатель ЦВС КНР Цзян Цзэминь одновременно является председателем Военного совета ЦК КПК.

Командования военными округами НОАК (играют роль командований на театре военных действий) имеют в своем подчинении некоторое количество общевойсковых армий, соединения и части различных видов ВС, частей тылового обеспечения, а также — командования провинциального уровня (или командования отдельных гарнизонов). Их функции включают организацию и координацию совместных операций (учений) сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в пределах военного округа (всего в КНР имеется семь военных округов: Шэньянский, Пекинский, Ланьчжоуский, Цзинаньский, Нанкинский, Гуанчжоуский и Чэндуский).

В последние годы осуществлены меры по дальнейшему совершенствованию законодательной базы оборонного строительства. С принятием в марте 2000 г. «Закона КНР о правотворчестве» военное законодательство впервые определено в качестве составной части законодательной системы государства. Законом установлены полномочия Центрального военного совета (ЦВС) КНР, генерального штаба НОАК, главных управлений НОАК, видов вооруженных сил и родов войск, а также командований военными округами в области законодательной деятельности. Среди большого количества принятых или переизданных за последние два года законодательных актов можно отметить «Закон КНР об оборонном воспитании», «Закон КНР об офицерах, находящихся на действительной службе», «Меры в связи с вводом в действие Закона КНР о защите объектов военной инфраструктуры» и др. С 2001 г. в китайских вооруженных силах реализуется образовательная программа популяризации юридических знаний, включающая изучение конституции, основных законов государства, законов, касающихся оборонного строительства, а также участия армии в вооруженных конфликтах. С целью популяризации военной службы ре-

шением ПК ВСНП от 31 августа 2001 г. в КНР установлен День оборонного воспитания, отмечаемый ежегодно в третью субботу сентября¹⁷.

Военная доктрина Китая выражена в стратегии “активной обороны”, суть которой заключена в принципе “Китай не нападает первым, пока против него не совершена агрессия, однако в случае нападения, Китай отвечает контрударом”. При этом в вопросе применения военной силы предусматривается гибкость и координация этого шага с мерами политического, экономического и дипломатического характера.

Ядерная стратегия Китая, взявшего обязательство не применять ядерного оружия первым, отражена в концепции “ограниченного ответного ядерного удара”, предполагающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданию угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия против Китая. Такой подход не делает акцента на достижение ядерного приоритета по отношению к развитым странам и потому является рациональным с точки зрения экономии материальных и финансовых ресурсов.

Формирование взглядов на строительство сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морских сил происходит на основе анализа крупных вооруженных конфликтов, происходивших в текущем десятилетии. Эволюция взглядов в этой области привела к утверждению концепций “быстрого реагирования” и “ограниченной войны в условиях применения “высоких” (научно-технических) технологий”, предполагающих создание сравнительно компактных вооруженных сил, оснащенных современными техникой и вооружением и способных к немедленному выполнению боевых задач в локальном (приграничном) конфликте. Соответственно в китайских вооруженных силах получили развитие силы “быстрого реагирования” и сделан особый акцент на разработку различных электронных систем военного назначения, включая системы дальнего обнаружения и оповещения, связи, управления войсками и оружием, средств радиоэлектронной борьбы.

Следует отметить, что осуществленное сокращение численности личного состава НОАК сопровождается мерами по усилению строительства резервных компонентов и оборонной мобилизации. “Белая книга КНР по вопросам национальной обороны — 2002” приводит общие сведения о мобилизационной системе КНР, предназначенной для подготовки в мирное время мероприятий по переводу вооруженных сил, национальной экономики и транспорта, гражданской противовоздушной обороны, системы военного образования с мирного на военное положение. Система включает мобилизационные органы различных степеней от уездного уровня до государственного комитета оборонной мобилизации, возглавляемого премьером Госсовета КНР; членами комитета являются главы соответствующих министерств и ведомств Госсовета, а также органов высшего военного управления. В последние годы в соответствии с действующим законодательством местными правительствами и воинскими частями практикуется проведение совместных учений по мобилизации транспорта и гражданской противовоздушной обороны¹⁸.

Отличительной особенностью оборонного строительства Китая на рубеже веков является то, что оно осуществляется при умеренных военных расходах и сопровождается широкомасштабными конверсионными мероприятиями. В минувшем десятилетии официальные военные расходы (ассигнования из госбюджета по статье “национальная оборона”) не превышали 14,5 млрд.долл. США в год, что составляло менее 1,5% ВВП. Однако большинство аналитиков полагают, что официальные расходы Китая на оборону являются частью общей суммы военных ассигнований, имеющей сложную структуру и включаю-

щую расходы на оборону, предусмотренные в других статьях госбюджета, а также внебюджетные военные ассигнования.

Наиболее аргументированной, с нашей точки зрения, является оценка Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), который, используя материалы различных зарубежных, в том числе китайских источников, показал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований осуществляется из других бюджетных источников — фонда научных исследований и разработок и фонда развития новых видов продукции; оба фонда предназначены для поддержки главным образом гражданских проектов, однако включают и средства для оборонных целей, доля которых составляет 10—15%. К другим бюджетным статьям, содержащим расходы на оборону, относятся капитальное строительство, пособия демобилизованным военнослужащим и их семьям, субсидии оборонной промышленности, специальные ассигнования на импорт вооружений¹⁹. Внебюджетные военные исследования финансируются главным образом за счет доходов от экспорта вооружений. Согласно оценке СИПРИ, в последнем десятилетии реальные военные расходы Китая в среднем на 70—80% превышают официальные (табл. 1).

Таблица 1.

Расходы Китая на оборону в 1991—2002 гг.

	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2002 г.
1. Официальные расходы (в текущих ценах), млрд. юаней	33,031	55,071	72,006	91,710	169,4
млрд. долл.	7,2	6,0	8,4	11,0	20,5
2. Реальные расходы (в текущих ценах), млрд. юаней	53,7	97,2	124,0	155,6	304,9*
млрд. долл.	11,7	9,5	14,5	18,7	36,9
3. Доля официальных расходов в ВВП, %	1,5	1,2	1,1	1,1	1,6
4. Доля реальных расходов в ВВП, %	2,5	1,9	1,8	1,9	3,0

Источники: SIPRI Yearbook 1998: Armaments, Disarmament and International Security, 1998, New York, p. 348; Жэньминь жибао, 10.12.2002.

Примечание: *) рассчитано по данным, опубликованным в Жэньминь жибао, 10.12.2002.

Из таблицы видно, что в 2002 г. военные расходы официально составляли 20,5 млрд. долл., между тем реальные военные расходы Китая достигли 36,9 млрд. долл. (3,0% ВВП).

Согласно оценкам Института оборонных исследований при Управлении национальной обороны Японии, в последние годы фактические расходы Китая, как минимум, в три раза превышают официальные. Эта точка зрения разделяется Лондонским институтом стратегических исследований (ЛИСИ). Совершенно очевидно, однако, что даже при этих допущениях военные расходы КНР с учетом объективной необходимости модернизации оборонного комплекса, основы которого формировались в 50—60-е годы, численности населения и площади территории страны, не превышают уровня, соответствующего принципу оборонной достаточности. Для сравнения: в 2002 г. военные расходы Японии составили 40,5; Индии — 13,3; Великобритании — 34,8; Германии — 20,7; Франции — 24,4; США — 348 млрд. долл.²⁰

Народно-освободительная армия Китая в результате сокращения насчитывает около 2,47 млн. человек и имеет в своем составе все компоненты современной армии, включая стратегические ядерные силы (см. таблицу 2), однако по технической оснащенности и мобильности продолжает отставать от вооруженных сил развитых в военном отношении стран.

Стратегические ядерные силы включают наземный, воздушный и морской компоненты и насчитывают в общей сложности 212 носителей. Их основу составляют стратегические ракетные войска, на вооружении которых состоят 120 наземных пусковых установок баллистических ракет. Стратегическая авиация насчитывает 80 устаревших самолетов "Хун-6" (Ту-16) (производство самолетов этого типа прекращено в 1994 г.). Морской компонент включает одну атомную ракетную подводную лодку с 12 пусковыми установками ракет "Цзюйлан-1".

Сухопутные войска насчитывают 1,7 млн. человек и 63 общевойсковых дивизии полевых войск (в том числе 12 дивизий "быстрого реагирования" и 11 танковых), большая часть которых сведена в общевойсковые армии. Военно-воздушные силы насчитывают около 3000 боевых самолетов, в основном устаревших типов, предназначенных главным образом для решения задач противовоздушной обороны и в меньшей степени — для оказания поддержки сухопутным войскам. В военно-морских силах — 125 боевых кораблей основных классов и 507 боевых самолетов морской авиации. Для охраны побережья имеется большое количество малотоннажных кораблей и катеров, способных действовать в прибрежной зоне.

Таблица 2.

Численность, боевой состав и вооружение НОАК в 1991—2001 гг.

Наименование показателей	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2001 г.
1. Численность личного состава (тыс.чел.), в том числе:	3030	3030	2935	2840	2470
— стратегические ядерные силы	90	90	90	125	100
— сухопутные войска	2300	2300	2300	2090	1700
— военно-воздушные силы	470	470	470	470	420
— военно-морские силы	260	260	265	280	250
2. Боевой состав и вооружение					
<u>Стратегические ядерные силы</u>					
Носители ядерного оружия, в том числе:	200	206	219	167	212
— пусковые установки ракет наземного базирования, из них:	68	74	87	75	120
— пусковые установки МБР	8	14	17	17	20
— самолеты—носители*)	120	120	120	80	80
— пусковые установки ракет морского базирования**)	12	12	12	12	12
<u>Сухопутные войска</u>					
Общевойсковые дивизии полевых войск, в том числе:	90	91	96	89	63
— "быстрого реагирования"	—	—	—	3	12
— танковые	10	10	10	11	11
— воздушно-десантные	4	3	3	3	3
<u>Военно-воздушные силы</u>					
Боевые самолеты, в том числе:	5260	5260	5110	3740	3000
— бомбардировщики	470	470	420	300	80
— истребители-бомбардировщики	500	500	400	400	400

Наименование показателей	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2001 г.
— истребители ПВО	4000	4000	4000	2750	1840
— самолеты разведчики	290	290	290	290	290
Вертолеты	400	400	190	190	170
<u>Военно-морские силы</u>					
Боевые корабли основных классов, в том числе:	149	103	107	115	125
— подводные лодки, из них:	93	47	63	61	65
— атомные ракетные	1	1	1	1	1
— эскадренные миноносцы	18	18	18	18	20
— фрегаты	37	38	36	36	40
Боевые самолеты авиации ВМС	880	880	605	535	507

Источник: The Military Balance 1990—91, 1993—94, 1996—97, 1997—98, 1999—2000, 2000—2001. By The International Institute For Strategic Studies, London, 1990, 1993, 1996, 1997, 1999, 2000, 2001.

Примечания: * Из состава военно-воздушных сил.

** Из состава военно-морских сил.

Приведенные в таблице 2 данные отражают начальную стадию процесса преобразования НОАК в армию современного типа — сокращение численности личного состава и снятие с вооружения наиболее устаревших образцов техники. К 2001 г. боевой состав и парк вооружения НОАК существенно сократились. Так, количество общевойсковых дивизий полевых войск уменьшилось с 90 до 63, боевых самолетов в составе ВВС — с 5260 до 3000, подводных лодок — с 93 до 65, боевых самолетов морской авиации — с 880 до 507. Наряду с этим НОАК пополняется ограниченным количеством современных вооружений, закупаемых в России, а также в странах СНГ и странах Запада. Качественно новыми моментами являются создание формирований оперативно-тактических и тактических ракет, дивизий “быстрого реагирования”, войск специального назначения. Особое внимание уделяется созданию и развитию сил и средств ведения информационной войны, значение которой, как показал опыт вооруженных конфликтов последних десятилетий, постоянно возрастает.

В связи с ограниченностью оборонного бюджета и перестройкой военно-промышленного комплекса в условиях экономической реформы модернизация китайских вооруженных сил осуществляется умеренными темпами. Наибольшие усилия прилагаются для переоснащения стратегических ядерных сил в качестве средства сдерживания, а также — для частичной модернизации самолетного парка ВВС и корабельного состава военно-морских сил. Другое направление — создание на базе имеющихся соединений сухопутных войск сил “быстрого реагирования”, предназначенных для действий в локальных войнах по периметру государственной границы, а также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка. В перспективе возможно включение в состав этих сил ударной авиации и части сил флота.

В плане реализации перспективной стратегии развития оборонного потенциала особое значение придается подготовке нового поколения командных, инженерно-технических и научных кадров, отвечающих задачам модернизации НОАК. В последние годы осуществлены меры по глубокому реформированию системы военно-учебных заведений, в ходе которого количество военных училищ (в основном пехотных) сократилось на одну треть, а учебные программы значительно расширены и приводятся в соответствие с новыми требованиями.

ями к интеллектуальному уровню военных кадров и технической оснащенности войск. Основной тенденцией в данной области стало создание на базе нескольких военных учебных заведений военных академий и университетов широкого военно-технологического профиля. Примером здесь может служить открытие в г. Чанша (пров. Хунань) Научно-технологического университета национальной обороны, находящегося в ведении Центрального военного совета (ЦВС) КНР и являющегося центром подготовки командного состава и военно-технических специалистов высшей квалификации для НОАК и одновременно — центром разработок в области создания новейших вооружений и технологий, имеющих оборонное значение²¹. Ныне военные учебные заведения КНР готовят кадры по более чем 300 специальностям, в том числе двойного (военного и гражданского) профиля. Выпускникам, по окончании 4-х летнего срока обучения, присуждается ученая степень бакалавра и выдается диплом, действительный как в военной, так и в гражданской сферах, что является важным фактором, способствующим привлечению на военную службу талантливой молодежи.

В боевой учебе китайских вооруженных сил главное внимание уделяется подготовке командного состава по организации и ведению боевых действий в условиях локальных войн с применением высоких технологий. Для повышения качества оперативной и боевой подготовки командного состава создается единая учебная информационная сеть, охватывающая основные формирования НОАК и военные учебные заведения. В последние годы в зонах командований Ланьчжоуского, Цзинаньского, Нанкинского и Гуанчжоуского военных округов была проведена серия общевоинских учений с целью повышения боевых возможностей войск в условиях высокотехнологичной войны²².

В модернизации оснащения вооруженных сил развиваются два параллельных процесса. Первый из них протекает в условиях конверсии значительной части оборонного комплекса и заключается в частичной модернизации армии, исходя из имеющихся на сегодня ограниченных возможностей, включая закупки партий вооружения за рубежом, главным образом в России. Второй процесс, как отмечено выше, заключается в глубококом реформировании военно-промышленного комплекса с целью коренного обновления научно-технического и экономического фундамента оборонного строительства и подготовки условий для выпуска военной техники нового поколения, основанной на “высоких” (наукоемких) технологиях. Это направление включает лицензионное производство, а также перспективные разработки систем вооружений, осуществляемые как самостоятельно, так и совместно с зарубежными странами, в первую очередь с Россией, Израилем и Пакистаном.

При формировании новой структуры ВПК Китай под влиянием опыта развитых стран совершил переход от прежней централизованной отраслевой системы к корпоративной системе, включающей следующие одиннадцать военно-промышленных корпораций: Китайская ядерная корпорация; Китайская ядерная строительная корпорация; Китайская космическая научно-технологическая корпорация; Китайская космическая научно-производственная корпорация; Первая китайская корпорация авиационной промышленности; Вторая китайская корпорация авиационной промышленности; Китайская государственная судостроительная корпорация; Китайская корпорация судостроительной промышленности; Китайская северная промышленная корпорация; Китайская южная промышленная корпорация; Китайская электронная научно-технологическая корпорация²³.

Следует отметить, что данный процесс отражает характерную для нынешнего Китая общую тенденцию к созданию крупных производственных объединений, обладающих, как показывает мировой опыт, более высокой экономической эффективностью по сравнению с разрозненными мелкими и средними

Источник: *Bernard D. Cole and Paul H.B. Godwin, Advanced Military Tehnology and the PLA: Priorities and Capabilities for the 21st Century / The Chinese Armed Forces in the 21st Century. Carlisle: U.S. Army War College, 1999. P. 171.*

Примечание: Производственные возможности:

0 = отсутствуют

1 = ограниченные

2 = некоторые

3 = имеются в большинстве

4 = имеются полностью

(Оценка Китая по двум областям технологий не проводилась.)

Из таблицы 3 видно, что в большинстве из 84 военных технологий, необходимых для создания современных вооружений, Китай обладает лишь некоторыми или ограниченными производственными возможностями. Исключения составляют технологии производства расщепляющихся материалов, а также — связанные с созданием ядерного оружия. Области, в которых Китай обладает большинством возможностей, включают артиллерию и стрелковое вооружение, топливо, химические и биологические системы, технология материалов, технологии энергетики. Во всех остальных важных областях критических военных технологий возможности Китая крайне ограничены.

С целью сокращения разрыва Китай реализует ряд государственных программ развития науки и техники, имеющих общенациональное, в том числе и оборонное значение, из которых к числу имеющих прямое отношение к модернизации ВПК следует отнести программы развития и освоения “высоких” (наукоемких) технологий “863” и “Факел”, принятые в 1986 и 1988 гг., соответственно. К участию в программах привлечены институты Академии наук Китая, научно-исследовательские учреждения и производственные предприятия, китайские и зарубежные фирмы. Руководство программами осуществляется Китайским национальным научным фондом.

Согласно “Основным положениям 10-го пятилетнего плана экономического и социального развития КНР (2001—2005 гг.)”, военно-промышленный комплекс рассматривается в качестве отрасли, имеющей для страны стратегическое значение. Дальнейшее развитие ВПК предполагается осуществлять на основе принципа сочетания производства военной и гражданской продукции, саморазвития, создания новой структуры, отвечающей задачам оборонного строительства и одновременно соответствующей рыночной экономике.

Наиболее актуальной проблемой Китая в военно-технической области остается дальнейшая интеграция науки, техники и технологий в рамках созданных военно-промышленных корпораций с конечной целью достижения ими мировых стандартов качества выпускаемой продукции к 2010 г.²³, что, по нашей оценке, может быть обеспечено при условии глубокого вовлечения китайского ВПК в процессы глобализации и получения доступа к новейшим универсальным технологиям двойного (военного и гражданского) назначения, в том числе — к информационным технологиям, охватывающим все сферы деятельности — от планирования людских, материальных и финансовых ресурсов до разработки, производства и реализации продукции.

Перспективы развития этого процесса, по нашей оценке, в значительной степени будут зависеть от реализации первого в истории страны “Плана международного научного и технологического сотрудничества КНР на 10-ю пятилетку” (2001—2005 гг.), опирающегося на государственную финансовую поддержку и направленного на максимальное использование в интересах Китая интеллектуальных ресурсов внешнего мира с целью повышения потенциала

обновления на базе передовых технологий, в том числе — с использованием новых возможностей, открывающихся в связи с состоявшимся вступлением Китая в ВТО.

Большое значение для Китая в решении проблем модернизации обороны имеет военно-техническое сотрудничество с Россией, которое ныне осуществляется на долгосрочной основе в контексте развивающихся между двумя странами отношений равноправного доверительного партнерства и охватывает такие области, как военная наука, космос, связь, тыловое обеспечение, топография, гражданская оборона и другие. Китай получил возможность закупок российской военной техники, подготовки в России военно-технических специалистов, осуществления совместных проектов по разработке, модернизации и ремонту вооружений, обмену информацией, что, несомненно, способствует решению наиболее актуальных проблем модернизации НОАК.

В связи с ограниченностью оборонного бюджета и перестройкой военно-промышленного комплекса в условиях экономической реформы перевооружение НОАК ведется замедленными темпами. Наибольшие усилия прилагаются для переоснащения стратегических ядерных сил с целью повышения их боевой эффективности и живучести за счет развертывания твердотопливных баллистических ракет нового поколения взамен устаревших жидкостных. С 1999 г. проводятся испытания твердотопливной МБР “Дунфэн—31” мобильного базирования с дальностью около 8000 км, поступление на вооружение которой возможно в ближайшей перспективе; ведется разработка более мощной МБР “Дунфэн—41” с дальностью около 11000 км. Морской компонент стратегических ядерных сил, включающий одну атомную ракетную подводную лодку типа “Ся”, в ближайшей перспективе, возможно, будет пополнен одной или несколькими подводными лодками типа “094”²⁶. В сухопутных войсках перевооружение охватывает в первую очередь формирования, входящие в состав мобильных сил НОАК. Кроме того, по оценке Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), с начала 90-х годов осуществляется развертывание оперативно-тактических ракет “Дунфэн—15” (М—9) и “Дунфэн—11” (М—11)²⁷.

В последние годы, наряду с разработкой и испытаниями новых образцов обычных вооружений, в частности основного боевого танка—2000 и многоцелевого истребителя “Цзянь—10” (F—10), предпринимаются усилия для преодоления отставания Китая от развитых в военном отношении стран в области высокоточного оружия. Так, в докладе министра обороны США о военной стратегии Китая (1997 г.) отмечено проведение работ по созданию китайской крылатой ракеты, поступление которой на вооружение возможно в начале XXI века²⁸. Ведется разработка китайской системы противоракетной обороны театра военных действий, опытный образец которой успешно прошел испытания в 1999 г.²⁹ Эти усилия, по-видимому, являются реакцией Пекина на соглашение между США и Японией о совместных исследованиях по созданию аналогичной системы, представляющей собой усеченный вариант программы “стратегической оборонной инициативы” (СОИ), от которой Вашингтон вынужден был отказаться из-за ее высокой стоимости³⁰.

Оборонное строительство Китая ныне осуществляется в условиях нормализации отношений с Россией и другими сопредельными странами. Важным шагом в укреплении мер доверия между Китаем и Россией, в том числе и в военной области, стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве исторического документа — Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с этим Договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегичес-

кие ядерные ракеты (ст. 2), осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе сопредельной границы на основе действующих соглашений (ст. 7), развивать сотрудничество в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, космической, авиационной и других областях (ст. 16). Особое значение в контексте противодействия международному терроризму имеет статья 8 Договора, согласно которой стороны обязались не допускать создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны.

На рубеже веков оборонное строительство Китая направляется на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала и создание вооруженных сил, способных при выполнении внешних функций по защите государства эффективно решать задачу ядерного сдерживания, действовать в ограниченной войне в условиях применения противником высокотехнологичных вооружений, а при выполнении внутренних функций — решительно пресекать любые проявления терроризма. Осуществив конверсию значительной части оборонного комплекса и сократив численность НОАК, Китай направляет основные усилия на создание прежде всего мощного научно-технического и производственного потенциала, позволяющего выпускать высокотехнологичные вооружения.

Новое руководство страны во главе с председателем КНР Ху Цзиньтао намерено предпринять энергичные меры по ускорению модернизации НОАК, сосредоточив внимание на внедрение и освоение современных информационных технологий как средства достижения эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в реальном масштабе времени при ведении боевых действий в многомерном пространстве, охватывающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Необходимые ассигнования на эти цели предполагается изыскать за счет нового сокращения численности НОАК на 500 тыс. человек: с 2,4 млн. человек в настоящее время до 1,9 млн. человек. Сокращение, которое предполагается начать в конце 2003 г., будет включать формирование пехотных соединений, тыловых частей, а также органов управления окружного звена³¹.

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество имеет благоприятные перспективы выхода на качественно новый уровень, что нашло свое отражение в совместной декларации, подписанной президентом Российской Федерации В.В.Путиным и председателем КНР Ху Цзиньтао в мае 2003 г. в Москве.

Учитывая внимание, которое ныне уделяется в Китае экономическому строительству и решению сложных социально-экономических проблем, имеющих тенденцию к обострению — продолжающийся рост народонаселения, дефицит природных ресурсов, сокращение площади пахотных земель и т.д. — можно предположить, что масштабы и характер военного строительства Китая в обозримой перспективе будут определяться, исходя из принципа оборонной достаточности.

1. Жэньминь жибао. 1986. 20 апреля.
2. Китай: контроль над вооружениями и разоружение. Документ Госсовета КНР // Белая книга. 1995. С. 3—4.
3. Ян Чуньчжан. Исследование взглядов Дэн Сяопина по проблемам военного строительства на новом этапе. Пекин: Цзефан цзюнь чубаньшэ, 1989. С. 60.
4. Ляован. 1989. № 48. С. 20.
5. Совместное российско-китайское заявление, декабрь 1999 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 9.

6. Чжунго гофан ["Белая книга" КНР по вопросам национальной обороны. 2002] // Жэньминь жибао. 2002. 10 декабря.
7. Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября.
8. Чжунгун яньцзю. Февраль 2001. С. 94.
9. Жэньминь жибао. 1997. 19 марта.
10. Чжунго гофан ["Белая книга" КНР по вопросам национальной обороны. 1998] // Жэньминь жибао. 1998. 28 июля.
11. Ежегодник "Вооружения, разоружение и международная безопасность". 1995; СИПРИ / Перевод с англ. М.: Наука. 1996. С. 260.
12. Информационный бюллетень Посольства КНР в РФ. 1997. № 28. С. 3; 1997. № 30. С. 5, 6.
13. ИТАР ТАСС. 1995. 18 ноября.
14. South China Morning Post. 6 april. 1998.
15. Жэньминь жибао. 1998. 31 декабря.
16. Жэньминь жибао. 1997. 19 марта.
17. Чжунго гофан ["Белая книга" КНР по вопросам национальной обороны. 2002] // Жэньминь жибао. 2002. 10 декабря.
18. Жэньминь жибао. 2002. 10 декабря.
19. SIPRI. 1998. P. 339—341.
20. Жэньминь жибао. 2002. 10 декабря.
21. ИНФО—ТАСС. 1999. 21 июня.
22. Гуанмин жибао. 2000. 17 октября.
23. Жэньминь жибао. 2002. 10 декабря.
24. Лю Хунмэй. Ретроспективный взгляд на развитие науки и техники между XIV и XV съездами партии / Кэсюэ юй кэсюэ цзишу гуаньли. 1997. № 9. С. 8—11.
25. Синьхуа. 1999. 28 октября.
26. Военная мощь Китая (Доклад специальной независимой группы по заказу Совета по международным отношениям США) // ЦНИД ИДВ РАН. Вып. 03-025. С. 4.
27. Ежегодник "Вооружения, разоружение и международная безопасность". 1995. С. 271, 296; СИПРИ / Перевод с англ. М.: Наука, 1996.
28. ИТАР ТАСС. Вашингтон. 1997. — 8 мая.
29. Zhongguo Xinwen She. 14 September. 1999.
30. Зарубежное военное обозрение. 1999. № 8. С. 51.
31. <http://Taiwansecurity.org/News/2003/CB-060303.htm>.

Поиск новых возможностей в корейско-российских взаимоотношениях в XXI веке: вызовы и шансы

© 2003

Хон Ван Сук

Прошло десять с лишним лет после установления дипломатических отношений между Сеулом и Москвой. Если объективно оценивать уровень развития двусторонних связей, то мы не можем отрицать, что существует большой разрыв между "романтичным ожиданием" начального этапа и сегодняшними реалиями. Среди корейских и российских ученых, занимающихся корейско-российскими отношениями, бытует мнение о том, что скорость, уровень и качество развития двусторонних взаимоотношений не дали реальных плодов, соответствующих их потенциалам и возможностями для развития.¹ По выражению М. Горбачева: "За прошедшие 10 лет российско-корейские отношения были непростыми и не всегда шли на подъем, а иногда замедлялись и даже давали задний ход".² Директор Института Дальнего Востока, академик М.Л. Титаренко более конкретно разделил эволюцию корейско-российских отношений на три этапа: "период надежды и ожидания", "период разочарования и охлаждения" и "период адаптации к объективной реальности"³. Таким образом можно сказать, что корейско-российские отношения не оправдали ожидания обеих сторон и продемонстрировали нестабильность.

Какие факторы тормозили и ограничивали качественное развитие корейско-российских отношений в прошедшие 10 лет? И какие оптимистические факторы, которые, несмотря на имеющиеся ограничители в корейско-российских связях, позволят преодолеть их и укрепить сотрудничество в будущем? Если эти факторы у нас имеются, то в чем они проявляются? Процесс поиска ответов на эти вопросы даст нам основания прогнозировать будущий облик корейско-российских отношений в XXI веке.

Факторы торможения

В позициях российских и корейских ученых по поводу анализа причин тех факторов, которые замедляют развитие корейско-российских отношений, в некоторой степени имеются совпадения, но в тоже время наблюдаются и расхождения. В общем, излагая события в свою пользу, обе стороны преувеличивают просчеты противоположной стороны без объективного анализа. Для того, чтобы корейско-российские отношения поднялись до партнерских и не остались на уровне дипломатической риторики, на данный момент необходимым является именно детальный и взвешенный анализ причин "охлаждения". Вы-

---

Хон Ван Сук, кандидат политических наук, профессор Сеульского Университета иностранных языков "Хангук".

яснение причин "охлаждения" можно свести к точке зрения, что "обе стороны не правы", то есть ответственность за такой феномен лежит на плечах обоих государств. В этой связи можно выделить 6 факторов, тормозивших развитие корейско-российских отношений.

Во-первых, фактор дисбаланса взаимных выгод, то есть, нарушение принципа "и тебе, и мне" (give and take). Системообразующей константой международных отношений являются национальные интересы, соответственно, принцип, упомянутый выше, представляет собой движущую силу для функционирования системы международных отношений. И не будет ошибочным считать, что противоречия в корейско-российских отношениях порождены дисбалансом и недостаточным соблюдением принципа ("и тебе, и мне"). На самом начальном этапе корейско-российских отношений Россия была намерена получить политическую и экономическую компенсацию за сдвиги в своей политике (сближение с Югом и отчуждение от Севера), но Юг не смог полностью удовлетворить ее ожидания. Данная точка зрения подтверждается российским ученым К. Брутенцом. России не удалось компенсировать потерь как политических, так и экономических от радикального разрыва отношений с Северной Кореей.⁴ Корейский ученый профессор Ким Ю Нам отмечает в этом же контексте, что Сеулу стоит отдавать себе отчет в том, сколько пустых обещаний он давал и какую маневрированность он проявил для достижения своей ближайшей цели.⁵

Во-вторых, фактор расхождения в стратегических позициях государств по отношению к противоположной стороне. В общем, чем сильнее государство в обладании военной, политической и экономической мощью, тем шире сферы его геополитических интересов и влияния, а также масштабы внешнего геополитического вмешательства. Несходство направленности стратегического сознания вызвано разницей в мировоззрениях разных стран, которая возникает в силу разницы национальной мощи между ними. Конкретным примером служит то, что подход Кореи к России нацелен на обеспечение стабильности на Корейском полуострове и на дипломатические шаги по объединению корейцев, тогда как подход России как участницы глобальной геополитической шахматной игры разработан в рамках мировой стратегии не только для Корейского полуострова или СВА, но и для стабильного урегулирования на евразийском континенте и расширения своей сферы влияния до глобального уровня.

В-третьих, фактор "асимметричности" в приоритетах политических целей обеих сторон. Если внешняя политика Южной Кореи ставила целью в основном приобретение стратегического превосходства над Северной Кореей в межкорейской конфронтации и проведение стратегической изоляции КНДР, то российская внешняя политика делала ставку на привлечение экономических ресурсов для развития своей экономики и ее перехода в рыночную, получение крупномасштабной экономической помощи для освоения регионов Дальнего Востока и Сибири и расширения экономического сотрудничества.

Кроме того, в разных конкретных сферах сотрудничества, в том числе политической, военной и сфере безопасности, обе стороны проявили некоторую "бестактность", интерпретируя ситуацию в свою пользу. В особенности, в сфере политики Россия в качестве традиционно заинтересованной в корейских проблемах стороны требовала соответствующую роль и долю наравне с США и Китаем, но Корея, оставаясь глухой к подобным требованиям России, продолжала настаивать на том, чтобы та оставалась надежным "меценатом" в делах установления мира на Корейском полуострове. Подобным образом в сотрудничестве в военной сфере корейская сторона предпочитала углубление взаимного понимания и доверия, делая акцент на обмен кадрами и системами обучения, когда как Россия проявила большой интерес к прагматическим на-

правлениям военного сотрудничества, включая продажу военной техники и сотрудничество в сфере технологий военной промышленности.⁶ Как говорилось выше, разрыв в стратегическом сознании обеих стран и разница политических приоритетов, на которые ориентировались оба государства, послужили камнем преткновения, затормозившим развитие отношений Кореи и России.

В-четвертых, геополитический фактор разделения Корейского полуострова на Юг и Север. Со второго срока президентства Ельцина Россия, базируясь на идее повлиять на Южную Корею через Северную Корею, начала активно использовать противоречия в структуре отношений между Югом и Севером с целью компенсации потери от неоправданных ожиданий от курса сближения с Югом и отчуждения от Севера, а также выбрала для себя "дипломатию равноудаленности" как основной внешнеполитический ориентир по отношению к Корейскому полуострову.⁷ С момента восстановления отношений с Северной Кореей при Путине, который пришел к власти в 2000 году, Россия активно реализует стратегию — "дрессировать" Южную Корею и получить экономические и политические выгоды за счет использования карты "Северная Корея". С другой стороны, южнокорейская внешняя политика по отношению к России не может быть свободной от влияния как межкорейских отношений, так и динамики северокорейско-российских связей. Такая геополитическая реальность в виде разделения Корейского полуострова искажала желательный вектор развития корейско-российских взаимоотношений и до сегодняшнего дня определяет динамику отношений между двумя странами.

Пятым фактором, тормозящим развитие корейско-российских взаимоотношений, является "гигантская тень" США. Корея в обеспечении территориальной безопасности полагалась на США, что было одним из важных факторов, ограничивающих дипломатическую самостоятельность Кореи. Поскольку Корея находится на низшей ступени иерархии союзнических отношений, она была вынуждена постоянно "действовать с оглядкой на США" при проведении российской политики, в то же время США, соответственно, пристально наблюдали даже за малейшим движением и каждым шагом Кореи по отношению к России. В конечном счете корейская внешняя политика по отношению к России в немалой степени лишена самостоятельности и обречена оставаться в пределах внешнеполитических интересов США. При выводе американских войск с Корейского полуострова и установлении стратегического партнерства Кореи с Россией Корея выходит за сферы американского влияния, а это означает для США серьезное геополитическое нарушение баланса сил, требующее коренной корректировки стратегии США в Азии. Такая ситуация является наихудшим сценарием для США, который они не могут допустить и сидеть сложа руки. Поэтому США традиционно сдерживают тесное сближение Кореи с Россией для сохранения своего особого статуса на Корейском полуострове.

Такая тенденция явно демонстрируется тем, что попытки Кореи приобрести некоторую самостоятельность в политике по отношению к России потерпели фиаско под давлением со стороны США. Во время официального визита президента В. Путина в Сеул в 2001 г. южнокорейское правительство, приняв предложение России, включило пункт о "соблюдении и упрочении договора ПРО как краеугольного камня стратегической стабильности мира" в текст совместного заявления, принятого в ходе саммита. Но данный пункт заявления, противоречивший официальной позиции США по созданию системы противоракетной обороны, вызвал резкий протест со стороны Вашингтона что, в конечном счете, привело к официальному разъяснению, которое корейское правительство дало американскому.⁸ В конечном счете в результате давления со стороны США намерение корейского правительства получить некоторую самостоятельность в политике в отношении России не получило дальнейшего продви-

жения. Таким образом, "тень" США, ограничивающая дипломатическую самостоятельность Кореи, служила и служит одним из важнейших факторов, тормозящих качественный скачок в корейско-российских отношениях.

Кроме того, нельзя не отметить, что последним, шестым фактором, препятствующим развитию отношений между двумя странами являются "несбалансированные взгляды" Кореи на Россию. Несмотря на то, что Россия представляет собой важный фактор в обеспечении мира и стабильности на Корейском полуострове, в Корее глубоко ускорились несправедливые взгляды на Россию, связанные с временами, которые искажают истинный образ России. Такие взгляды, возможно неосознанно, сказались на российской политике Кореи.⁹ В продолжение длительного времени они формировались под влиянием Запада, и для них характерны искажение фактов и удаленность от реалий.¹⁰ Кроме того, из-за "тени" США и бурного развития Китая, Корея не могла в полном объеме оценить, что могла бы дать Россия.

Обнадеживающие факторы

Как сказано выше, после холодной войны корейско-российские отношения с момента установления конструктивного взаимодополняющего партнерства в 1994 г. не могли выйти из застоя в силу разных причин, в том числе дисгармонии взаимных выгод, асимметричности стратегических ориентиров и внешнеполитических целей обеих сторон, разделения корейского народа, действия американской "невидимой руки" и негативных взглядов корейцев на Россию. Но невзирая на это, у Сеула и Москвы имеются положительные факторы, позволяющие смотреть на будущее с оптимизмом. У Кореи и России больше факторов для гармонизации национальных интересов, чем факторов их столкновения.

Во-первых, из истории взаимоотношений стран-соседей Кореи друг с другом следует, что между Южной Кореей и Россией не существует весомых факторов, тормозящих укрепление сотрудничества, включая территориальные споры, антагонизм на национальной почве и историческое недоверие.¹¹ Хотя в последние годы Россия и Китай переживают беспрецедентный "золотой век" в двухсторонних отношениях в форме стратегического партнерства двух стран, между ними остались элементы взаимного недоверия на национально-этнической почве (массовое проникновение китайцев на российскую территорию, идеологические расхождения в советское время и территориальные вопросы).

Проблемы аналогичного характера существуют и между Россией и Японией. Если Россия не может стереть из памяти поражение в русско-японской войне 1905 года и военную интервенцию Японии в Сибирь в 1920 г., то Япония помнит о "вмешательстве трех стран" 1895 г. и об участии России в войне против Японии 1945 г. после одностороннего расторжения Россией российско-японского договора. Кроме того, продолжение территориальных споров из-за "северных островов" до сегодняшнего дня создает преграды для дальнейшего развития отношений обеих сторон.

Между Россией и Кореей в истории не было военных столкновений. За прошедшие века Корея много раз подвергалась нападениям со стороны Китая и Японии, которые принуждали ее подчиняться себе, но ничего подобного не было со стороны России. Хотя во время корейской войны 1950-53 гг. СССР контролировал Северную Корею и в какой-то мере подтолкнул ее к трагической братоубийственной войне, но эта трагедия произошла непосредственно из-за замыслов Ким Ир Сена установить коммунистический режим на Юге, и в отличие от Китая Россия не принимала прямого участия в корейской войне. И дальше, с одной стороны, Россия взяла на себя роль идеологического опекуна

для Севера, а с другой, она умело сдерживала намерение Севера нападать на Юг. Таким образом, между сопредельными странами отсутствуют исторические корни взаимного недоверия, которые затрагивают национальные чувства. Именно это обстоятельство создает прочную основу эмоционального и психологического характера, на которой Корея и Россия могут развить продуктивное сотрудничество для достижения общих интересов.

Во-вторых, Россия активно поддерживает реализацию заветной мечты — объединение корейского народа. В этом вопросе мнения большинства как корейских, так и российских ученых совпадают. Так, бывший посол Республики Корея в России Ли Ин Хо объясняет причины, заставляющие Россию выступать за объединение Кореи с точки зрения реализации ее национальных интересов, в особенности, в сферах безопасности и экономики, следующим образом. «Поскольку укрепление мира и конечная цель — объединение Корейского полуострова приведут к устранению одного из факторов нестабильности в приграничных регионах России и улучшению инвестиционного климата на Дальнем Востоке, это может отвечать интересам страны», у России нет никаких причин не поддерживать объединение на Корейском полуострове.¹²

Проректор Дипломатической академии МИД РФ Е. Бажанов с уверенностью заявляет, что Россия является единственной страной из соседей Кореи, которая полностью поддерживает объединение Юга и Севера, которое вполне соответствует геополитическим интересам России.¹³

Хон Хен Ик из Института «Седжон» также разделяет точку зрения профессора Бажанова и подчеркивает значимость России как силы, поддерживающей объединение двух Корей. «В отличие от Китая и Японии, которые вынуждены видеть в объединенной Корее своего конкурента, Россия воспринимает Корею как страну, с которой можно наладить сотрудничество без лишних проблем». Россия отводит Корее большую роль как дружественному партнеру для предотвращения конкуренции между Китаем и Японией и сохранения баланса сил в СВА за счет сдерживания США.¹⁴ Кроме того, Хон Хен Ик подчеркивает, что Россия может также играть значимую роль в сдерживании внешних сил в том случае, когда последние принимают попытки создать помехи в процессе мирного объединения двух Корей.

Российский ученый Владимир Ли считает, что объединение Кореи, с учетом корреляционной зависимости между силами в СВА, будет на пользу России. При объединении двух Корей Америка будет страной, которая потеряет больше всех. Объединенная Корея будет менее зависима от США и будет требовать, по мере возможности, вывода американских войск с Корейского полуострова, в результате чего неизбежно возникнет необходимость изменения корейско-американского и американо-японского договоров о взаимной обороне. С другой стороны, у Китая исчезнет союзник с социалистическим режимом — КНДР, а у Японии появится мощный потенциальный конкурент.¹⁵

Как отметили упомянутые выше ученые, в отличие от Китая и Японии, России нечего терять в случае объединения Кореи. Поскольку единая Корея может предоставить России относительно немалые стратегические выгоды, подходы и внимание России к объединению двух Корей не могут не отличаться от других держав.¹⁶ Исходя из этой точки зрения, на данный момент, можно предположить, что Россия тоже не входит в группу стран (США, Япония, Китай), которые предпочитают статус кво на Корейском полуострове и используют состояние разделения на Юг и Север себе на пользу: именно она является страной, активно вступающей за выход из нынешнего состояния с учетом того, что единое корейское государство сможет внести вклад в достижение ее национальных интересов за счет стабилизации на Корейском полуострове и изменения структуры геополитических сил в СВА в пользу России.¹⁷

Конечно, можно сказать, что мы считаем российскую позицию по отношению к объединению Кореи чрезмерно простой и положительной. Но судя по всему, у России нет никакого повода оценивать появление объединенной Кореи как угрозу для нее, так как появление единой Кореи в глобальной геополитической приходно-расходной книге России занимает место в приходной ее части. В случае объединения двух Корей Россия будет заинтересована в том, чтобы объединенная Корея не была враждебно настроена к ней и не превратилась в эксклюзивную зону влияния одной из окружающих ее стран, в том числе США, Китая и Японии. Тот факт, что Россия не против объединения Кореи, демонстрирует большую возможность дальнейшего развития отношений Южной Кореей и Россией.

В-третьих, в реальной жизни в политике Кореи и России имеется немало актуальных проблем международной жизни, где национальные интересы обеих сторон совпадают, включая корейскую проблему.¹⁸ Россия традиционно и последовательно выступала и выступает за южнокорейскую "политику солнечного тепла" по отношению к Северу, за принцип решения корейских проблем самими корейцами без вмешательства извне, за демонтаж структуры холодной войны и за мирное объединение на Корейском полуострове. В свою очередь, Корея поддерживала не только вступление России в ряд международных организаций (АСЕМ, ВТО, ОЭСР), но и укрепление роли России в рамках АТЭС и АСЕАН. Кроме того, Корея и Россия на мировой арене выступают за сохранение безъядерного статуса Корейского полуострова, нераспространение оружия массового уничтожения, создание многосторонней системы безопасности, повышение авторитета и роли ООН, борьбу с терроризмом. Общие взгляды Кореи и России на актуальные международные проблемы и на подходы к урегулированию корейской проблемы, а также и совпадение многих внешнеполитических ориентиров предоставляют обеим сторонам прочную основу, на которой они могут укреплять сотрудничество во взаимных интересах.

Четвертым фактором, позволяющим положительно прогнозировать развитие корейско-российских отношений, является взаимодополняемость корейской и российской экономик, что может вызвать синергический эффект в экономическом сотрудничестве двух стран, в отличие от того, что Корея конкурирует с КНР и Японией. Россия воспринимает Корею, сотворившую "экономическое чудо", как страну, которая может способствовать реализации ее экономических интересов в СВА и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В связи с ограничением в расширении экономического сотрудничества и привлечении инвестиций из Японии из-за территориальных споров, с учетом китайского демографического наплыва на Дальний Восток и превращения Китая в геополитического конкурента, Россия может видеть в Корее адекватный источник капиталов и технологий, который поможет оживить экономику Сибири и Дальнего Востока. Россия возлагает большие надежды на расширение экономического сотрудничества с Кореей.

Для России Корея может представить надежного партнера, когда Россия трезво расценивает разные факторы, в том числе географическую близость, высококвалифицированную рабочую силу, передовые технологии, взаимодополняемость экономической структуры и экономическую мощь Кореи, занимающей 10-е место по объему торговли. Кроме того, для России Корея является важной страной в Азии для расширения сферы геоэкономической деятельности и повышения статуса России — ее присоединения к АСЕМ и укрепления роли в рамках АТЭС, АСЕАН, АРФ, ЭСКАТО.

С другой стороны, Корея как страна с крайне скудными ресурсами тоже нуждается в тесных связях с Россией с ее неисчерпаемыми природными ресурсами, чтобы гарантировать продолжение устойчивого экономического

развития в XXI веке. Лесные ресурсы и полезные ископаемые, в особенности нефть и природный газ, в географически близких к Корее регионах, в том числе Сибири и Дальнего Востока, имеют особое значение для Кореи с точки зрения экономии транспортных расходов товаров и ресурсной безопасности страны. Итак, расширение экономических связей с Россией, которая считается новым рынком с 150 миллионным населением и "окном" в трансевразийский регион, через которую Корея может выйти в Европу, а также к рынкам стран СНГ, в конечном счете вносит свой вклад в максимализацию национальных интересов Кореи и в повышение ее статуса в сфере мировой экономики.

Очень важно и перспективно сотрудничество в таких проектах как разработка газового месторождения на Дальнем Востоке и воссоединение Транскорейских железных дорог с выходом на Транссиб, которое уже широко известно под названием "проект-мечта" и "железнодорожный шелковый путь" и реализуется Россией в рамках стратегии развития страны. Такие геоэкономические факторы, основанные на сходстве национальных интересов, могут в ближайшем будущем укреплять взаимные отношения между Россией и Кореей.

Заключение

Итак, корейско-российские отношения вступили в более зрелую фазу после временного периода стагнации. Но с точки зрения качества, уровень их развития далеко не удовлетворяет ожиданиям. Это подтверждается при сравнении общих темпов развития корейско-российских отношений с развитием корейско-китайских отношений.

Если корейско-китайские отношения, нормализованные на два года позже, чем корейско-российские, достигли уровня "кооперативного партнерства", преодолев этап нормализации взаимных отношений и этап добрососедского и дружеского сотрудничества, то корейско-российские отношения с момента установления конструктивного взаимодополняющего партнерства в 1994 г. до сих пор буксуют на месте. Что касается объема торговли, то общий объем торговли Кореи с Россией находится на уровне всего лишь 3 млрд. долл. по состоянию на 2002 г., а с Китаем — 41,1 млрд. долл. Однако геополитическая и геоэкономическая реальность, с которой сталкиваются Корея и Россия, требует устойчивого и прочного развития отношений между двумя странами. Как было отмечено выше, во взаимоотношениях между нашими странами обнадеживающие факторы для развития обоюдного дружеского сотрудничества более весомы, чем факторы, которые создают помехи развитию взаимоотношений двух стран.

В целом можно сказать, что Корея и Россия следуют велению времени построить прочные и ориентированные на будущее отношения сотрудничества с учетом просчетов прошлых лет и современных реалий, понимая неизбежность развития этих отношений. Необходим поиск нового пути развития корейско-российских отношений, направленного на общее процветание в XXI веке, на обеспечение безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии¹⁹. Если обе стороны согласны с этим, то какие меры для сближения должны предпринять Корея и Россия, и каких принципов они должны придерживаться?

Принципы могут быть разными, но ясно, что корейско-российские отношения должны строиться исходя из объективной геополитической реальности на Корейском полуострове — разделение на Север и Юг мешает развитию взаимных отношений между нашими странами. Корея и Россия должны подходить к проблеме с прагматической точки зрения в целях наращивания общих интересов, а не с позиций игры с нулевым итогом, путем перекрестного признания особенных интересов обеих стран. Корею следует признать специфику

российско-северокорейских отношений, а России, в свою очередь, специфику союзнических отношений Сеула с Вашингтоном. В связи с перспективами корейско-российских отношений замечание члена-корреспондента РАН В.В. Михеева о том, что мы "не будем пессимистами, не будем чрезмерными оптимистами, а будем терпеливыми прагматиками", значимо звучит в реальной ситуации на Корейском полуострове.

1. Ко Чжэ Нам. Перспектива политики правительства Путина и корейско-российские отношения // От Ельцина к Путину : оценка 10 лет при Ельцине и перспектива политики нового правительства России. Сеул: Корейская ассоциация славяноведения, 2000. С. 99 (на кор. яз.).
2. Тона-Ильбо. Сеул. 2000. 15 ноября.
3. Чунан-Ильбо. Сеул. 2000. 11 октября.
4. Брутенц К. О внешнеполитической концепции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1995. С.62.
5. Ким Ю Нам. Самокритика в корейско-российских отношениях и их завтрашний день // Дипломатия. Сеул, 1998. № 47. С. 61 (на кор. яз.).
6. Кан Вон Сук. Что за страна Россия для нас. Сеул: Ильсинса, 1999. С. 271 (на кор. яз.).
7. Хон Ван Сук. Новая стратегия В.Путина по отношению к Корейскому полуострову: анализ и реагирование // Корейский политологический журнал. Сеул, 2001. Т. 35. № 3. С. 357 (на кор. яз.).
8. Кан Бон Гу. Скандал вокруг пункта корейско-российского совместного заявления о договоре ПРО и корейско-американские отношения // Сборник международной политики, 2001. Т. 41. № 3. С. 89 (на кор. яз.).
9. Вуй Сон Лак. Реферат по России // Чхоннёнса. Сеул, 1998. С. 50-51.
10. Сон Вон Ен. Рыночная реформа в России: краткое суждение об истории реформы и мысли о современной реформе // Пересмотр корейско-российских отношений. Сеул, 1999. С. 128 (на кор. яз.).
11. Ли Ин Хо. Текущая ситуация и перспектива корейско-российских отношений // Дипломатия. Сеул, 1999. № 51. С. 29 (на кор. яз.).
12. Ли Ин Хо. Указ. соч. С. 30.
13. Тэхан-Ильбо. Сеул. 2001. 19 февраля..
14. Хон Хен Ик. Корейско- российский и корейско-американский саммиты и национальная стратегия Кореи // <http://www/sejong.org/bookmail/htm>.
15. Мунхва-Ильбо. Сеул. 1998. 27 июля.
16. Тэхан-Ильбо. Сеул. 1998. 30 марта.
17. Ким Ю Нам. Указ. соч. С. 56.
18. Ткаченко В. Основные элементы российской политики в Корее // Внешняя политика России в Северо-Восточной Азии: перспективы развития российско-корейских отношений. Сеул. 2002. С. 9 (на кор. яз.).
19. См. подробнее: Хонг Ван Сук. Геостратегия России в Северо-Восточной Азии. М., 1998. С. 97-114.

Экономика

Реформа банковской системы в Китае*

© 2003

И. Шевель

В течение продолжительного времени реформирование банковской системы Китая проходило в условиях подготовки к предстоящему, а затем и при состоявшемся вступлении страны в ВТО. Этот фактор оказывал существенное влияние на общую ситуацию в экономике, особенно на банковскую сферу, поскольку в ней предстояло столкнуться с жесткой конкуренцией со стороны приходящих иностранных банков. Соглашения Китая с ВТО позволяют иностранным банкам вести бизнес в юанях с китайскими фирмами через два года после приема Китая в ВТО, а с китайскими физическими лицами — через пять лет. В результате иностранные банки присвоят часть рынка по операциям в юанях, а китайские банки утратят эту часть. Структура рынка подвергнется существенным изменениям. Будут применяться международные стандарты в отношении качества активов и достаточности капитала коммерческих банков. Китайские банки по сравнению с иностранными находятся в невыгодном положении в области технических нововведений, например электронных операций. Если иностранные банки используют Интернет для осуществления онлайн-сделок, то китайские намного отстают в развитии этой сферы и т. д.

Рассмотрим некоторые вопросы развития и реорганизации банковской системы Китая в условиях его членства в ВТО.

Наиболее важная проблема последних лет заключается в том, что в течение длительного периода государственные коммерческие банки, так называемая "большая четверка", представляющие собой стержень банковской системы страны, осуществляли кредитование государственных предприятий без учета кредитоспособности этих предприятий, что привело к накоплению огромной непогашенной задолженности. Это вызвало крупные потери банков и стало главной причиной возникновения в больших размерах недействующих или "плохих" кредитов, что стало главным тормозом для реформирования банковской системы.

Для выхода из сложившейся ситуации в 1999 г. были созданы 4 государственные компании, которые должны были взять на себя управление "плохими" кредитами и приложить усилия для преобразования их в акционерный

Шевель Игорь Борисович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

* В основу статьи положено выступление автора на XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" 23-25 сентября 2003 г.

капитал. Из общей суммы накопившейся задолженности в размере около 7 трлн. юаней эти компании взяли на себя задачу реализовать недействующие кредиты в размере 1,4 трлн. юаней. Для этого используются различные методы, включая реорганизацию предприятий, аукцион, контракт, банкротство, продажу, получение котировок акций.

По оценкам, за 3 года были реализованы “плохие” кредиты на сумму 400 млрд. юаней. Что же касается 1 трлн. юаней, то ситуация складывалась таким образом, что эта сумма могла превратиться в убытки в связи с отсутствием возможностей для ее реализации. В отношении же той части неработающих кредитов, которая осталась на счетах “большой четверки”, правительство поставило перед банками задачу — в течение 10-й пятилетки (2001—2005) добиваться ежегодного их снижения на 2—3 процентных пункта.

Однако в целом процесс реализации “плохих” кредитов оказался слишком медленным и ситуация стала напоминать тупиковую, что отрицательно сказывалось на банках, входящих в “большую четверку”. Со стороны этих банков последовали заявления о необходимости поиска путей для ускорения этого процесса. Фактически это стало главным толчком для создания нового органа по руководству банковской системой в стране.

В марте 2003 г. на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва было принято предложение о создании специального Комитета по контролю и регулированию банковской деятельности в Китае. На вновь созданную структуру возложена ответственность за регулирование и контроль над деятельностью банков и других финансовых институтов Китая, принимающих депозиты. С этим связана необходимость пересмотра Закона о Народном банке Китая, принятого в 1995 г., согласно которому эти обязанности возлагались на НБК. Теперь функции центрального банка страны ограничиваются проведением монетарной политики, а также управлением инвалютными резервами страны и контролем и надзором за обменным курсом юаня.

С конца апреля 2003г. новый Комитет приступил к официальному функционированию, хотя его внутренняя организационная структура еще находилась в процессе создания. Штат его создается за счет перехода работников соответствующих подразделений НБК и Центрального финансового рабочего комитета при ЦК КПК, отвечавшего за состояние финансовой системы страны. Некоторые отделы этих двух органов полностью переведены в состав нового Комитета. Создаются также региональные офисы, включая провинциальный и городской уровни.

Создание нового Комитета характеризуется в Китае как шаг, открывающий новую страницу в истории банковского дела в стране, как важный шаг экономической реформы, согласующийся с требованиями развития социалистической рыночной экономики и улучшающий положение финансовой сферы страны в ответ на вызовы со стороны ВТО.

По данным председателя нового Комитета Лю Минканя, в ближайшем будущем Комитет сосредоточит свое внимание на основной и наиболее опасной для банковского сектора проблеме — борьбе против огромных неработающих кредитов, вторым направлением станет ускорение реформы государственных коммерческих банков, а третьим — ускорение реформы сельских кредитных кооперативов.

Отмечается, что коэффициенты неработающих кредитов государственных коммерческих банков, хотя и имеют тенденцию к снижению, но все еще находятся на высоком уровне. Снижение уровня риска продолжает оставаться одним из приоритетов контрольного надзора за банковским делом в Китае. В этом направлении Комитету предстоит многое сделать. В предстоящие месяцы должны быть предприняты различные правовые, экономические и админист-

ративные меры, чтобы обеспечивать максимальное возмещение, возврат или восстановление “плохих” кредитов минимизируя потери. В то же время при установлении соответствующего внутреннего контроля должны быть улучшены культура работы и политические установки по кредитованию, включая менеджмент по риску и систему мер в подходах к коммерческим банкам в целях предотвращения новых “плохих” кредитов и обеспечения надежного и прочного кредитного портфеля банка.

В отношении ускорения реформы государственных коммерческих банков должны быть приложены усилия по улучшению управления банками в плане их эффективной конкурентоспособности с другими поставщиками банковской продукции и услуг, обеспечивая честный доступ к финансовым услугам и честное отношение к потребителям. Все 4 банка, т. е. “большая четверка” заявили о своих планах добиться котировки своих ценных бумаг на фондовом рынке в течение нескольких предстоящих лет. Среди ключевых препятствий к этому — “плохие” кредиты, низкая рентабельность, низкие уровни достаточности капитала и низкие уровни услуг.

Третье направление деятельности Комитета на ближайшее время — ускорение реформы сельских кредитных кооперативов, которые борются за поддержание ослабленной финансовой системы в обширной сельской местности. Такие кооперативы, большинство из которых являются нерентабельными, в настоящее время стали главными кредиторами на селе, так как государственные коммерческие банки (их отделения) в последние годы были выведены из сельской местности, стремясь сосредоточить свою деятельность на рентабельных операциях в городах. Роль сельских финансов в оказании содействия развитию сельскохозяйственного сектора и сельских регионов должна быть полностью использована. Такова политическая установка государства.

Реформа сельских кредитных кооперативов должна быть продвинута вперед путем внесения ясности в структуру собственности, совершенствования внутреннего контроля и повышения качества услуг. До создания Комитета был начат ряд пробных программ как в виде слияния более мелких кредитных кооперативов в более крупные, так и путем перегруппировки их в коммерческие банки. Такие подходы заслуживают того, чтобы быть продолженными.

Комитет должен предпринять конкретные действия по реализации “плохих” кредитов. Во-первых, должен быть выработан политический курс, чтобы разрешить государственным коммерческим банкам частично выполнять роль компаний—операторов по управлению активами. То есть коммерческие банки получают возможность продавать “плохие” кредиты компаниям—операторам или другим инвестиционным институтам в Китае или за границей. При этом коммерческие банки получают возможность продавать или передавать права на задолженность по цене ниже ее номинальной стоимости. В то же время для этих банков должна быть разработана льготная и стимулирующая политика, чтобы восстановить стоимость “плохих” кредитов. Банки должны получить стимулы для использования своей прибыли для операций с “плохими” кредитами.

Далее, система управления активами должна быть реформирована в соответствии с рыночными принципами.

Качество вновь предоставляемых кредитов должно жестко контролироваться, чтобы оптимизировать их структуру. Новые кредиты должны быть сосредоточены на новых направлениях экономического роста. Контрольный надзор за бизнесом и контроль за риском должны быть расширены.

При реализации “плохих” кредитов должны соблюдаться рыночные принципы. Основные мероприятия и впредь должны развиваться в плане оказания давления на погашение “плохих” кредитов, запуска судебных дел и ау-

диторство по “плохим” долгам. Должны использоваться также новые подходы, такие, как реорганизация и фондирование. Должны полностью мобилизовываться посреднические звенья как в Китае, так и за границей. “Плохие” кредиты могут продаваться в виде наборов, комплектов, а не в розницу, чтобы снизить стоимость их реализации. Таков примерный круг задач, стоящих перед новым Комитетом.

Согласно официальным данным, коэффициент неработающих кредитов за последние три года ежегодно снижался в среднем более чем на 3 процентных пункта, а в 2002 г. снижение составило более 70 млрд. юаней, т. е. примерно 4 процентных пункта. Новый Комитет поставил задачу на 2003 г. — снизить эти показатели соответственно еще на 70—80 млрд. юаней, т. е. на 3—4 процентных пункта. К числу благоприятных условий, поддерживающих усилия банков в этом направлении, относится повышение рентабельности их функционирования. Банк Китая и Промторгбанк сообщили, что в 2002 г. прибыль у них возросла примерно на 30%. У Стройбанка прирост прибыли составил 16,3%, а Сельхозбанк удвоил свою прибыль по сравнению с 2001 г. В 2003 г. продолжается тенденция к росту прибыли банков. На конец марта 2003 г. средневзвешенный коэффициент неработающих кредитов 4-х банков составил 24,13%, т. е. снизился почти на 2 процентных пункта по сравнению с 26,12% на конец 2002 г.

Но банковская сфера Китая должна иметь более низкую норму неработающих кредитов и повышать свой коэффициент достаточности капитала до международных стандартов. Закон о коммерческих банках страны устанавливает названный коэффициент на уровне 8%, что является минимумом, требуемым Базельским соглашением, достигнутым банковскими менеджерами различных стран. Только достигнув этой цели, банки получают разрешение на котировку своих ценных бумаг на фондовой бирже.

В отличие от вышеприведенного материала, данные, опубликованные в печати в 2003 г. о состоянии госбанков, входящих в “большую четверку”, стали сенсацией для общества. В 2002 г. Всекитайское аудиторское управление сосредоточило свое внимание на ревизии работы двух госбанков из состава “большой четверки” — Стройбанка и Сельхозбанка. В своем докладе о результатах ревизии, сделанном в конце июня 2003 г. сначала в названном Управлении, а затем на заседании ПК ВСНП, руководитель Управления генеральный аудитор Ли Цзинхуа раскрыл противозаконные действия в работе этих двух банков, после чего об этом было сообщено в печати. Так, в операциях и менеджменте Стройбанка не только сохраняются старые проблемы, такие как утаивание доходов, предоставление кредитов с нарушением правил и законодательных актов, а также установление высоких процентов в целях привлечения сберегательных вкладов, но и возник ряд новых проблем, что добавляет новые риски для функционирования.

В частности, такие проблемы существуют с кредитованием физических лиц. Некоторые отделения банка предоставляют им кредиты сверх установленных норм или без обозначенных целей, после чего крупные суммы этих кредитов используются для купли—продажи акций или погашения задолженности. Например, инспектируя случайные выборки в г. Гуанчжоу, Аудиторское управление обнаружило, что 8 суботделений Стройбанка фальсифицировали ипотечные займы, составившие в сумме около 1 млрд. юаней. Еще более серьезным событием стало обнаружение коррупционных связей госчиновников с нарушителями закона при получении обманным путем банковских кредитов, когда эти чиновники извлекали преимущества из своих полномочий.

При инспектировании активов, пассивов, прибыли и потерь Сельхозбанка и 34 его отделений были вскрыты рельефные проблемы с их менеджментом. С 1995 г. путем выписки средств на фальсифицированные расходы и

выплату высоких процентов по скрываемому финансированию Главное управление этого банка создало "собственную казну" с 57,36 млн. юаней. Менеджмент и использование этих средств были беспорядочными и расходы в больших размерах не проходили через необходимые формальности по их утверждению и не числились в бухгалтерских счетах. Ревизия в рамках Стройбанка и Сельхозбанка обнаружила 52 улики по экономическим преступлениям, за которые несут ответственность 75 человек. Однако через день после доклада Ли Цзинхуа Стройбанк заявил для прессы, что он предпринял соответствующие действия по обследованию и исправлению различных проблем, вскрытых при ревизии, и что ответственными признаны 474 человека.

Опубликование столь откровенных данных обескуражило общество, вызвав естественное смятение по поводу противозаконных действий банков. Следует отметить, что в течение нескольких последних месяцев Комитет по контролю и регулированию банковской деятельности, Министерство финансов и НБК провели крупномасштабное инспектирование банковской сферы, в особенности "большой четверки" госбанков. В новых условиях для правительства, когда страна является членом ВТО, совместное регулирование банковского сектора в столь крупном масштабе имеет далеко идущие последствия.

Известно, что потребительский кредит занимает важное место в стратегии по стимулированию внутреннего спроса в целях ускорения экономического развития. В 1998 г. центральным банком была установлена правовая основа для такого бизнеса, когда были выпущены положения по управлению кредитами на жилье, автомашины, образование и общее потребление. Однако оказалось, что не все однозначно в потребительском кредите. Имеется в виду необходимость защиты кредитов, предоставляемых под недвижимое имущество. Финансирование недвижимого имущества является частью стержневого бизнеса коммерческих банков. К апрелю 2003 г. такие кредиты составили более 1,8 трлн. юаней, т. е. более 17% совокупного объема кредитования. Ипотечное кредитование составляет еще 925 млрд. юаней, или 9% общего объема. Согласно статистическим данным, 61% капитала для недвижимого имущества поступает от банков.

На этапе проектирования в строительстве обычно 20—30% стартового капитала заимствуется застройщиком. Затем поступают кредиты в размере 30—40% всех расходов, которые нужно отложить для покрытия издержек строительства. Даже после того как застройщик продал объекты и погасил эти кредиты, банки обычно вовлечены в последствия этих событий, поскольку по крайней мере половина всех покупателей домов финансирует их строительство за счет ипотечного кредитования.

В июне 2003 г. центральный банк, отвечающий за проведение монетарной политики, выпустил циркуляр, требующий от коммерческих банков четкого выявления отклонений от норм в деятельности проектировщиков недвижимого имущества в целях снижения их чрезмерного стремления к банковскому кредитованию. Центральный банк потребовал также от коммерческих банков повышения требовательности при кредитовании покупателей домов, приобретающих более одного дома.

Сфера недвижимости была стрессом экономического роста с 1998 г. и может сложиться впечатление, что названный циркуляр центрального банка направлен на ослабление этой сферы. Фактически же центральный банк считает, что сектор недвижимости является "перегретым" и требует, чтобы финансовые риски в этом секторе были адресными. Банк считает, что застройщики недвижимости вкладывают слишком много средств в фешенебельные апартаменты, а рынок дает реальные обещания для домов с невысокой стоимостью для лиц, получающих зарплату. Банк хочет видеть происходящие структур-

ные изменения. Ограничительная мера может вызвать некоторое замедление роста этой отрасли и оказать негативное влияние на экономический рост. Но по сравнению с рисками, которые этот сектор возлагает на банки, такие минусы являются приемлемыми.

Опасность заключается главным образом в продаже домов. Если застройщики не смогут продать свои дома, то они не смогут погасить полученные кредиты. Сложится также проблематичная ситуация, если и покупатели жилья не смогут возратить свои заимствования. И то, и другое усугубляет проблему "плохих" кредитов банков.

Ожидается, что новая политика центрального банка по кредитованию недвижимого имущества изменит нынешнюю ситуацию с покрытием потребностей в жилье и обеспечит развитие рынка жилья в Китае.

При новой политике сохранятся выгодные процентные ставки по ипотечному кредиту для общепринятого коммерческого жилища, а процентные ставки по кредитам для роскошных апартаментов, зданий для офисов и вилл будут увеличены. От лиц, покупающих второй и последующие дома, будет требоваться уплата более высокого платежа. Ипотечные кредиты будут ограничены законченным жильем, а покупатели незаконченных домов утратят право на ипотечное кредитование. Таким образом, переход к новой политике кредитования недвижимого имущества нацелен на снижение кредитного риска, поддержание стабильности в финансовом секторе и охлаждение перегретого рынка недвижимого имущества.

И еще два вопроса, которые тесно стыкуются между собой. Речь идет о кредитовании мелкого и среднего бизнеса и о создании частных банков. По имеющимся оценкам, Китай в настоящее время находится на пороге экономических преобразований и корректировки структуры собственности. При быстром экономическом росте с 90-х годов средние и мелкие предприятия произвели 60% стоимости всей валовой промышленной продукции, их доля в уплаченных налогах и прибыли составила 43% и на них приходилось 75% всех рабочих мест. Однако такие виды бизнеса имеют весьма ограниченный доступ к финансовым ресурсам. Некоторые виды бизнеса могут обращаться за банковскими кредитами, но риски все еще ограничивают их финансовые возможности.

К небольшим относят кредиты в размере до 500 тыс. юаней и предназначены для бизнесменов с годовой реализацией продукции менее чем на 5 млн. юаней, а также для крестьян. Поскольку эти категории заемщиков относятся к слабым звеньям рыночной экономики, они часто не в состоянии предоставить кредиторам эффективные гарантии или действующие кредитные счета. Они стремятся расширить свой бизнес, однако испытывают недостаток средств. Доля небольших кредитов в их общем объеме у крупных коммерческих банков очень низка, при этом некоторые банки вообще не предоставляют такой услуги. До настоящего времени эта сфера остается в ведении сельских и городских кредитных кооперативов и небольшого количества городских коммерческих банков, которые располагают небольшими финансовыми ресурсами и являются относительно слабыми участниками рыночной экономики.

Было бы логичным, если бы политика правительства и экономическая поддержка малого и среднего бизнеса базировались на общем объеме кредитования, предоставляемого финансовыми учреждениями, а не возлагались на специальные институты. Но в настоящее время поддержка центрального банка в отношении предоставления небольших кредитов ограничена. Местные правительства также не предоставляют существенной финансовой поддержки небольшим и средним предприятиям.

В этих условиях весьма актуальным становится вопрос о создании небольших банков, обычно носящих местный характер, что упрощает для них

проверку ситуации с местными средними и мелкими предприятиями до и после их кредитования. Это способствовало бы дальнейшему развитию таких предприятий, снижению рисков, навлекаемых так называемой асимметричной информацией, поступающей от этих предприятий в крупные банки для развития между ними деловых связей. Конечно, для небольших банков должны быть установлены стандарты по вступлению в рынок и выходу из него, по достаточности капитала и т. д.

В связи с вышеизложенным естественно встает проблема развития системы частных банков, что явилось бы важным стратегическим шагом в проведении финансовой реформы. За последние годы в Китае имело место быстрое развитие частной экономики, ставшей важной движущей силой всеохватывающего экономического развития. Изменения в экономической структуре требуют, чтобы финансовые институты предоставляли больше эффективных услуг для частного сектора экономики. Однако государственные коммерческие банки, контролирующие большую часть финансовых ресурсов страны, неохотно соглашаются кредитовать частные компании.

В настоящее время около 70% всех кредитов государственных коммерческих банков приходится на госпредприятия. Вместе с тем на частные виды бизнеса приходится около 50% общего количества предприятий страны и в них занято около 20% всей рабочей силы. Основная роль частных банков должна заключаться в финансировании частных видов бизнеса, испытывающих недостаток денежных средств, но не только в этом. Другая их функция, хотя и не столь очевидная, но не менее важная, заключается в том, что они внесут конкуренцию в высокомонополизированную банковскую сферу Китая и создадут конкурентный рынок, на котором государственные и частные банки будут конкурировать на равных условиях.

Официальная позиция состоит в том, что страна еще не готова к полному открытию финансового рынка для частного капитала. Для этого требуется провести большую подготовительную работу, так как вступление частного капитала в банковскую сферу влечет за собой большие риски, о чем свидетельствует опыт других стран.

Регулирующие органы, включая центральный банк, должны разработать детальные положения по таким вопросам, как процедура утверждения, достаточность капитала, компетентность акционеров, а также по другим вопросам, связанным с риском, уровнем профессионализма менеджеров, возможным банкротством и т. д. Из этого следует, что в Китае частные банки, являясь негосударственными финансовыми институтами, должны находиться под контролем и надзором соответствующих государственных органов.

Глобализация и монголо-китайские торгово-экономические отношения*

© 2003

Д. Шурхуу (МНР)

Глобализация сегодня — это один из наиболее актуальных спорных вопросов международных отношений. Экономическая деятельность государств все более расширяет свои границы. С окончанием "холодной войны" страны бывшего социалистического блока приобрели долгожданную возможность перейти к свободным рыночным отношениям. Произошло небывалое ускорение экономического развития Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также скачок в развитии информационно-коммуникационных технологий.

Относительно глобализации существует огромное количество различных мнений, отличающихся своими идеалами и мировоззрением. Глобалисты все происходящие в мире позитивные события и тенденции связывают с приватизацией общественной собственности, несущей свободу и процветание, с рыночными отношениями, со свободным пространством без границ и протекторств, с формированием финансовых средств, предназначенных для повышения благосостояния всех народов, с полной ликвидацией нищеты и защитой окружающей среды. Противники глобализации занимают противоположную позицию. По их мнению, происходит углубление мирового кризиса, для цивилизации существует угроза исчезновения, повсеместно процветает несправедливость, потеря взаимодоверия и постепенная ликвидация сложившейся системы, обеспечивающей жизнеспособность человечества. Они также считают, что деятельность ТНК, возглавляющих этот процесс, приводит к замене народной, истинной демократии демократией "денежной", самостоятельного рынка — единым планово-централизованным рынком, высокоморальной культуры — материальной культурой, направленной на извлечение выгоды.¹

Глобализация и Монголия

Экономическая глобализация представляет собой необратимый процесс, не обходящий стороной ни одно государство. Несмотря на нарастающие вызовы и риски, новая эра глобализации предоставляет историческую возможность развивающимся странам, как Монголии, имеющей обширную территорию с населением 2,5 млн. человек и уязвимую слабую экономику, так и Китаю, стране с самым большим населением в мире, которая, вероятно, станет второй по величине экономикой в мире, развивать свою национальную экономику. Известно, что этот процесс одновременно не приведет к процветанию всех народов. Существует вероятность того, что плодами, полученными в результате этого

Шурхуу Д. — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института международных исследований Академии наук Монголии.

* В основу статьи положено выступление автора на XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".

процесса, могут воспользоваться несколько развитых стран и крупные ТНК, тогда как большинство народов могут потерять многое.

Наряду с поисками лучших путей участия в мировом интеграционном процессе, Монголии необходимо развить и эффективно использовать свои собственные конкурентоспособные преимущества. Именно: стабильная политическая среда и открытая экономика; соседство с двумя крупными рынками — России и Китая; богатые природные ресурсы; благоприятная правовая среда; преобладание молодого населения, имеющего хорошее образование; обширная территория и нетронутая природа; возможность открытия новых предприятий и их расширения.

У Монголии существуют и трудности, присущие странам с уязвимой, неразвитой экономикой, а также сложности, редко встречающиеся в мировой практике. Именно:

— Монголия сильно зависит от внешней торговли.

— 82,6% экспорта, 61,7% импорта составляют всего 3-4 статей, вследствие чего Монголия нуждается в неотложной диверсификации экономики.

— Большая зависимость от иностранных финансовых источников (составляет 10% ВВП):

По сравнению с другими странами с переходной экономикой Монголия добилась ощутимых результатов в либерализации экономики. С вступлением в ВТО 1 января 1997 г. Монголия достигла весомых успехов в обновлении экономики и формировании нового порядка ведения торговли согласно ее принципам.

Глобализация и КНР

С началом нового экономического курса, принятого более 20 лет тому назад в КНР, экономика страны стала развиваться быстрыми темпами, в связи с чем резко повысилась экономическая мощь страны. По данным ВТО, общий оборот внешней торговли Китая в 2001 г. составил 509,8 млрд. долл. США, из них экспорт — 266,2 млрд. долл. США, импорт — 243,6 млрд. долл. США, по этим показателям Китай входит в первую десятку стран мира и занимает в ней 6-е место. В 1998 г. Китай занимал 11-е, в 1999 г. — 10-е место³.

С дальнейшим развитием глобализации страны мира в экономическом отношении становятся все более взаимозависимыми и стремятся к интеграции. Участие Китая в этом процессе обретает огромное значение не только для самой КНР и Азии, но и для всего мира. Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Ланьцин, выступая на одном из экономических форумов в апреле 2002 г. в городе Тяньцзинь, сказал, что процветание Китая немыслимо без участия всего мира, равно как и развитие всего мира сложно представить без участия Китая.

Официальное вступление КНР в ВТО 11 декабря 2001 г. явилось важным шагом присоединения страны к глобализационному процессу. Вступление в ВТО означает появление новых перспектив и возможностей, а также сопутствующих им риска и конкуренции. Китайские руководители неоднократно объявляли о готовности неукоснительно следовать Уставу ВТО и плодотворно работать в целях реализации взятых обязательств и обещаний. После реализации КНР всех принятых обязательств и обещаний перед ВТО средний тариф для продукции сельского хозяйства снизится до 15%, а промышленности — до 8,9%.

Заместитель директора Центра по исследованию развития при Госсовете КНР Чэнь Цинтай подчеркнул, что после вступления Китая в ВТО некоторые отрасли национальной экономики согласно мировой практике кажутся в переходном периоде, и этот период надо целесообразно использовать не для самозащиты, а для улучшения конкурентоспособности предприятий и ускорения курса модернизации, проводимого правительством. С другой стороны,

членство в ВТО дает Китаю возможность защитить свои права и интересы на международной арене.

В Китае не прекращаются дискуссии о рациональном использовании ожидаемой выгоды и снижение возможного риска, охватившие все слои общества, — руководителей, бизнесменов, исследователей, а также простых граждан. Профессор Университета Цзилинь Ли Хунбао подчеркнул четыре основных проблемы, по которым ведутся споры вокруг глобализации в Китае: “Глобализация и полномочия власти и суверенитет страны, экономическая безопасность, крупные ТНК и национальная экономика, и новый мировой экономический порядок”.⁴

Монголо-китайские торгово-экономические отношения

В Совместном коммюнике, принятом во время визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Монголию (4-5 июня 2003 г.) по официальному приглашению Президента Монголии Н.Багабанди с удовлетворением отмечено расширение экономического сотрудничества за последние годы. Стороны договорились о дальнейшем развитии взаимовыгодных торгово-экономических отношений и расширении отраслей, каналов и открытии новых форм сотрудничества. Достигнута также договоренность об открытии новой воздушно-транспортной линии. Китайская сторона выразила готовность предоставить безвозмездную помощь в размере 50 млн. юаней (с 1990 г. до настоящего времени сумма китайской помощи составляет 350 млн. юаней) и льготного кредита в размере 300 млн. долл. США, который был принят монгольской стороной. Этот кредит будет целенаправленно использован в сфере разработки природных ресурсов и развития инфраструктуры, которые являются приоритетными направлениями в монгольско-китайских экономических отношениях. Кроме того, стороны договорились об установлении добрососедских партнерских отношений, основанных на взаимном доверии, которые символизируют новый этап в монгольско-китайских отношениях.

Общий оборот торговли двух стран в 2002 г. составил 388 млн. долл., что занимает 1/3 всего торгового оборота КНР и составляет 42,1% экспорта и 24,3% импорта Монголии⁵. Объем иностранных инвестиций в экономику Монголии с 1990 г. до настоящего времени составил 660,5 млн. долл., доля КНР была за этот период — 282,00 млн. долл. Иностранные инвестиции только в 2002 г. достигли 172,8 млн. долл., из которых 134,9 млн. долл. приходилось на долю Китая. В Монголии зарегистрировано 2399 предприятий с иностранными инвестициями, из которых 847 предприятий имеют китайский капитал⁶.

Несмотря на эти неопровержимые достижения, в монголо-китайских торгово-экономических отношениях существует ряд вопросов, требующий внимания.

Торговля. Из статистических данных по торговле двух стран видно, что имеют место негативные факты, вызывающие угрозу экономической безопасности нашей страны. Например:

— Рынок сбыта, цены на стратегически важные виды продукции все более становятся зависимыми от южного соседа. В КНР экспортируется 94% обогащенной меди, 100% обогащенного молибдена, большая часть необработанной шерсти, кожи и шкур, 49,5% обработанной шерсти⁷.

— В структуре экспорта наблюдается доминирование полезных ископаемых, сырья, что может привести к снижению эффективности нашей внешней торговли, повышению риска, и несет угрозу Монголии стать экономическим придатком иностранного государства. Резкое увеличение объема экспорта за последние годы связано с началом в 1998 г. переработки (плавки и очистки) эрдэнэтской меди на территории Китая западными компаниями. Поэтому, не считая экспорта меди, экспорт остальных видов продукции, их объемы про-

должают оставаться сравнительно низкими. По неофициальным данным за 1993-1999 гг., в течение 7 лет через монгольско-китайскую границу было вывезено 27,7 млн. единиц кожи, шкур и овчин. Из них 17,7 млн. овечьих шкур, козьей кожи — 5,8 млн., (крупного рогатого скота) — 2,6 млн., шкур лошадей — 1,3 млн., верблюжьих — 150 тыс.⁸

— Если рассматривать структуру импорта, то доминируют продукты питания и продукты широкого потребления. Основные продукты питания, импортируемые из Китая, мука, рис, сахар, фрукты составляют большую часть импорта, что негативно влияет на продовольственную безопасность страны.

— Китай имеет общие сухопутные границы с РФ, Монголией, северной Кореей, Казахстаном и т.д., всего с 15 государствами, что составляет более 20 тыс. км, из них 4677 км — с Монголией. За последние годы расширилась приграничная торговля, которая хотя и способствует удовлетворению потребностей местных жителей, возобновлению регионального бизнеса, но между сторонами возникают проблемы, связанные с платежами, поставками, качеством продукции или ценами. Более того, из-за неблагоприятных условий на пограничных постах и слабого контроля имеют место такие нарушения, как уклонение от уплаты пошлин и контрабанда. Эти факты, на первый взгляд, носят характер мелких правонарушений между частными лицами и небольшими предприятиями, но в перспективе могут негативно повлиять на эффективность внешней торговли, подорвать взаимопонимание двух сторон.

Инвестиции, банки и финансы. На сегодняшний день Китай занимает первое место по общему объему инвестиций и количеству предприятий, открытых в Монголии в 1990-е годы. По отношению к внешнеторговому обороту и имеющемуся потенциалу двух стран качество, прибыль и масштаб инвестиций все же оставляют желать лучшего. Помимо того, что размер инвестиций в одно предприятие с китайским капиталом ниже среднего показателя по стране, составляющего 240 тыс. долл., отсутствуют также совместные компании, которые вносили бы ощутимую прибыль в бюджет и экспорт страны. Если внести в этот список горно-обогатительный комбинат Эрдэнэт, Росцветмет, АО Улаанбаатарская железная дорога, предприятия, созданные совместно с Россией, то станет заметно, что доля инвестиций КНР в экономику нашей страны и их влияние находятся на низком уровне. Причинами отсутствия инвестиций с китайской стороны, имеющих стратегическую важность, являются, в первую очередь, неразвитость инфраструктуры Монголии, недоступность крупным инвесторам необходимой информации из-за языкового барьера, небольшой рынок сбыта в Монголии и другие факторы. Нужно также отметить, что в сознании монгольского общества еще сохранились опасения относительно возможности политической и экономической зависимости и роста влияния Китая. С расширением торговли и экономических интересов Китая в Монголии, китайская сторона в последнее время уделяет больше внимания безопасности своих бизнесменов, их собственности, защите прав. Во время визита в Монголию в июле 1999 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь выдвинул 5 основных предложений для расширения двусторонней торговли и сотрудничества в сфере экономики, в число которых включил пункт об улучшении инвестиционной среды и защите прав инвесторов в Монголии⁹.

В монголо-китайских экономических отношениях самым слабым звеном являются финансово-банковские и расчетно-денежные вопросы. По данным некоторых наших ученых, сумма, равная 30-40% ВВП Монголии, участвует в обороте вне официальных расчетов и банковских операций¹⁰. Не имеется точной информации, в чьих руках эта крупная сумма денег находится и не контролируется государством. Существует мнение, что в этом деле замешаны китайские граждане и бизнесмены, о чем свидетельствуют реальные примеры.

Например, по результатам исследования, проведенного на валютном рынке "Найман шарга" г.Улан-Батор видно, что общая сумма денежного оборота ежемесячно составляет 6,1 млрд. тугриков, из них 57% занимает оборот китайского юаня¹. Незаконно проникающие иностранные денежные знаки, питающие "теневую" экономику, не только отрицательно влияют на сбор налогов, но и ослабляют контроль и управление за финансовыми средствами, что угрожает экономической безопасности страны. В целях устранения подобных негативных явлений необходимо целенаправленно проводить политику улучшения банковского обслуживания взаиморасчетов и сотрудничества в этой сфере.

Перспективы развития торгово-экономических отношений между Монголией и Китаем

Монголия успешно преодолела переходный кризисный этап экономики и постепенно перешла на путь ускорения своего развития, достигнув немалых успехов в открытии новых отраслей промышленности, особенно в разработке новых месторождений нефти, золота, меди, цинка, серебра, угля, и в ближайшее время ожидается быстрый рост объемов производства данной продукции. Что касается КНР, то для того чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие, ей необходимо иметь надежные источники топлива, электроэнергии и сырья. Ожидается, что в ближайшие 20 лет Китай будет испытывать значительный дефицит сырья. Согласно официальным прогнозам в 2010 г. из самых необходимых 45 видов полезных ископаемых только по 14, а в 2020 г. — всего лишь по 4 видам КНР сможет самостоятельно удовлетворять свои потребности.

С другой стороны, крупные иностранные инвесторы в первую очередь ориентируются на два крупнейших соседних рынка. Вступление КНР в ВТО вызвало интерес во всем мире. Несомненно, что обладание КНР правом проведения летних Олимпийских игр в 2008 г. позитивно повлияет на рост экономики и рынка, что, безусловно, окажет благоприятное влияние и на экономику Монголии.

С точки зрения и внешних факторов и новых задач, стоящих перед двумя странами, одной из самых перспективных областей сотрудничества является прежде всего горнорудная отрасль. Именно:

Нефть. В 2000 г. потребление нефти в КНР составило 200 млн. т нефти, и по прогнозам, в 2010 г. достигнет 300 млн. Китай будет в состоянии самостоятельно обеспечить свои потребности всего лишь на 60%, а оставшуюся часть будет пополнять за счет импорта. В восточной части Монголии в местности Тамсаг аймака Дорнод, граничащей с Китаем, были обнаружены сравнительно крупные залежи (200 млн. т) нефти и ежегодно увеличивается экспорт нефти в Китай (190 тыс. барр в 2002 г.).

Медь. КНР хотя и занимает значительную часть общемирового ВВП, ее потребность в меди сравнительно низка. Правда, из данных Ассоциации предприятий цветных металлов Китая видно, что за период после 1995 г. среднегодовой прирост потребности в меди составил 7,8%, тогда как среднемировой прирост составил 4,8%. В перспективе потребность южного соседа в меди будет постоянно расти, и в 2010 г. достигнет 2,6 млн. т. Кстати, надо иметь в виду, что в 2000 г. Китай импортировал 520 тыс. т меди из Чили, и в дальнейшем считает целесообразным брать в аренду прииски за границей и открыть совместные предприятия по их разработке.

В Монголии обсуждается вопрос о привлечении иностранных инвестиций и совместной разработке крупнейших медных рудников в местностях Оюутолгой, Цааган су варга, расположенных недалеко от южной границы. По предварительным данным, запасы медно-золоторудного месторождения Оюу-

толгой, на которое выдана лицензия крупной компании из Канады Ivanhoe Mines, оцениваются в размере 15 млн. т меди и 11,4 млн. унц золота. Существуют реальные перспективы развития сотрудничества Монголии и Китая по добыче медной руды.

Инфраструктура. За последние годы активизировалось двустороннее сотрудничество в сфере создания инфраструктуры, и у нас имеется богатый потенциал для его расширения. Китай активно участвует в реализации нескольких крупных проектов: строительство асфальтированной трассы Налайх-Чойр, протяженностью более 200 км. На правительственном уровне двух стран ведется изучение возможностей и форм сотрудничества в области реализации проекта “Дорога тысячелетия”, прокладки железнодорожной ветки Чойбалсан — Аршаант и электролинии Эрдэнэт — Мурэн.

В настоящее время обсуждается вопрос о формировании единой энергетической системы, включающей страны Северо-Восточной Азии. Если стороны придут к общему согласию, то крупные гидроэлектростанции Сибири РФ будут связаны с Китаем линией высокого напряжения, образовав единую энергосистему. Монголия сможет стабильно получать более дешевую электроэнергию. Реализуемые, а также планируемые крупные проекты не только дают большой импульс двустороннему сотрудничеству, но уже вносят значительный вклад в развитие региональной интеграции.

Развитие туризма имеет большие перспективы. Мы считаем, что с Китаем есть возможность сотрудничать в этой сфере по двум направлениями. Во-первых, поощрять туристические поездки граждан; во-вторых, взаимно инвестировать данный сектор и вести международную туристическую деятельность. Из официальных китайских источников видно, что из 10,2 млн. туристов, посетивших Китай в 2000 г., 4%, или 399,1 тыс. туристов были гражданами Монголии. По этим показателям Монголия занимает 7-е место. Расходы одного монгольского туриста в сутки, включая закупки товаров, составляют в среднем 377 долл.¹². По проведенным расчетам, прибыль от затрат наших граждан, составила 151 млн. долл. Из 158 тыс. иностранных туристов, посетивших Монголию в 2000 г., 58,3 тыс. человек были гражданами Китая. По некоторым данным затраты одного китайского туриста в сутки в Монголии составили 33 долл. Китай, население которого более 1,3 млрд. человек, является, бесспорно, самым крупным туристическим рынком в мире. У обеих стран имеются большие возможности для развития сотрудничества в области туризма, чему благоприятствует вступление КНР в ВТО. Используя преимущество своего географического положения — моста, связывающего Европу с Азией, опираясь на крупный туристический рынок Китая, мы можем влиться в процесс развития туризма Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и в туристический обмен между странами Европы и Центральной Азии.

Заключение

При рациональном использовании возможностей, появляющихся в монголо-китайских отношениях в сфере экономики на ближайшие 20-30 лет будет идти, видимо, по одному из двух сценариев.

Первый вариант оптимистический. Опираясь на устойчивое развитие Китая, постепенно превращающейся в ядро мировой экономики, Монголия может активно вступить в интеграционные процессы в АТР и далее в мире в целом, пополняя дефицит все возрастающих потребностей КНР и мирового рынка в экологически чистых видах продукции и природных богатств. В результате получения реальных экономических прибылей от преимуществ нашего геополитического положения может произойти ускорение экономического и общественного развития Монголии и повышение благосостояния нашего народа.

Учет взаимных интересов приведет к повышению уровня взаимозависимости, которая станет в какой-то мере гарантией безопасности обоих государств — и Монголии, и Китая.

Второй вариант является пессимистическим. При его расчете принимаются во внимание внутренние проблемы обеих стран и борьба мировых держав за сферы влияния в Монголии, политика и противостояние крупных ТНК. Вследствие этих причин Монголия может остаться в стороне от интеграционного процесса и стать сырьевым придатком южного соседа и оказаться в большой зависимости от рынка Китая. Кроме того, на торгово-экономическом сотрудничестве Монголии и Китая могут негативно отразиться некоторые процессы глобализации: потеря экологического равновесия в результате беспорядочного использования природных ресурсов, возможность примыкания к международной преступной сети и др. В итоге может произойти ослабление нашего государственного суверенитета и самостоятельного существования, снижение темпов ускорения развития страны, ухудшение благосостояния народа, которые приведут к противостоянию иностранному вмешательству, особенно к обострению антикитайских настроений, возникнет охлаждение в монголо-китайских отношениях.

Перед лицом этих возможностей, а также вызовов лишь политика взаимного уважения и взаимных усилий в долговременной перспективе сможет обеспечить наилучший результат.

1. <http://www.ifg.org/pubs.htm>. A Better World Is Possible! Alternatives to Economic Globalization.
2. Гадаад харилцаа — [Бюллетень МИД Монголии]. № 3. 2002.
3. <http://www.theGlobalist.com> / Globalist Factsheet.
4. Форум Северо-Восточной Азии (на кит. яз.). 2001. № 4. С. 81.
5. Mongolian Statistical Yearbook, 2002. Ulaanbaatar, 2003. С. 202-213.
6. Данные Агентства по иностранным инвестициям и внешней торговле Монголии.
7. Галсандорж Д., Буд Х. Монгол улсын эдийн засгийн гадаад харилцаа. [История внешних экономических связей Монголии] УБ, 2001, х-184. С. 184.
8. Монгол, Хятадын харилцаа: Нийгэм-эдийн засгийн зарим асуудал / ХХ зууны 90-ээд он/УБ,2001 [Монголо-Китайские отношения: некоторые социально-экономические проблемы. 90 гг. XX века. С. 38, 39].
9. Исследования по социальному развитию в Евразии (на кит. яз.) 2001. № 7. С. 107-112.
10. Тунгалаг Д., Цэрэнпил Д. Некоторые проблемы экономической безопасности Монголии. Улаанбаатар, 2002. С. 143.
11. Там же.
12. www.cnta.gov.cn

Китай принимает вызов мирового рынка* **(Стратегическая программа ускоренного роста конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на мировом рынке, 2003-2007 гг.)**

© 2003

Л. Бони

Вступление Китая в ВТО крайне остро поставило проблему конкурентоспособности отечественных товаров, особенно продукции сельского хозяйства. Низкое качество и высокая себестоимость продукции агросферы — серьезная преграда на пути расширения экспорта; по этой же причине вот уже более семи лет наблюдается существенное затоваривание этой продукции на внутреннем рынке. Кроме того, Китай испытывает дефицит многих специализированных сортов и видов сельскохозяйственной продукции, которые не производятся в стране или к селекции которых еще только приступили. Так, существует острая нехватка спецсортов пшеницы (твердые пшеницы); обладающих высокими мукомольными качествами, используемых в хлебопекарном и макаронном производстве. Отсутствуют сорта кукурузы, отличающиеся высокими пищевыми качествами, между тем спрос на них быстро растет. Для обеспечения сырьем быстро развивающейся пивоваренной промышленности Китай ввозит специальные сорта пивного ячменя, а для производства качественных шерстяных тканей импортирует шерсть австралийского меринуса. Другими словами, встал вопрос и о совершенствовании собственной структуры ассортимента продукции отрасли. Нынешняя структура в условиях рынка и изменившегося характера общественного спроса уже не в состоянии удовлетворить возросшие потребности потребителей, и, соответственно, обеспечить адекватный рост доходов производителей.

Ожидается, что со вступлением Китая в ВТО в страну неизбежно хлынет широкий поток дешевой импортной сельхозпродукции (цены внутреннего рынка на многие виды аналогичной продукции выше мировых цен), что будет сбивать рост цен внутреннего рынка, еще больше увеличит затоваривание, приведет к снижению доходов крестьян.

С 2003 г. в действие вводится экстренная стратегическая программа создания 12 отраслевых зон (полюсов) по производству наиболее перспективных видов продукции, обладающих конкурентными преимуществами на мировом рынке. Учитывая, что "ядром" конкуренции на мировом рынке является конкуренция сравнительных преимуществ товаров (основные — качество, себесто-

---

Бони Людмила Дмитриевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

* Из выступления на XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы".

имость), центральным направлением программы является "полное развитие сравнительных преимуществ". Развивая базовую роль рынка в размещении ресурсов, государство одновременно намерено усилить свою регулирующую роль, проводя политику, направленную на рациональное и эффективное размещение факторов производства в сельском хозяйстве в нужном для страны направлении. В процессе районирования выделяется группа районов или зон, обеспечивающих максимум благоприятных условий для быстрого расширения производства отобранных видов специализированной продукции. Таким образом, в сжатые сроки планируется создать группу отраслевых поясов производства продукции, обладающей конкурентоспособностью на мировом рынке. В основе формирования этих отраслевых поясов должны лежать научное районирование, специализация и разделение труда.

Китайские специалисты отобрали ряд видов сельхозпродукции, которым отдается предпочтение, а именно: специализированные виды пшеницы, специализированные виды кукурузы, соевые бобы с высоким процентом выхода масла, хлопок, рапс, сахарный тростник, коровье молоко и др.

Поставлена также задача всемерно расширять сельскохозяйственный экспорт продукции. Сюда отнесены яблоки, апельсины, говядина и баранина, продукция водного промысла и др.

Критерии выделения зон (поясов) производства перспективных видов продукции следующие: 1) Наличие богатых и достаточных ресурсов (природных и экономических), развитой инфраструктуры производства и соответствующего уровня агротехники, наиболее подходящих для расширения производства и повышения конкурентоспособности каждого из выбранных видов продукции. 2) Возможности осуществления концентрации пашни под их производство, сравнительно высокая товарность продукции, доля товарной продукции района в товарности данного вида продукции по стране в целом. 3) Степень развитости рыночной системы в зоне: рыночная ориентация производства, наличие налаженного обращения, удобные условия перевозок и сбыта. 4) Возможности создания вертикальной аграрно-торгово-промышленной кооперации; надлежащий уровень развития научных исследований, численность специалистов, уровень технического оснащения, наличие в районе сильных "ведущих" предприятий, способных возглавить хозяйства интеграционного типа. 5) Наличие условий для повышения качества продукции.

Каковы же основные принципы стратегии ускоренного роста конкурентоспособности сельхозпродукции? 1) Принцип направляющей роли рынка, включая внутренний и внешний рынок, нынешний общественный спрос и рост его в ближайшем будущем. 2) Комплексность необходимых условий при формировании отраслевых поясов. 3) Принцип создания целой отрасли, специализирующейся на производстве одного вида продукции, как основного пути совершенствования качества, расширения производства и роста товаризации данной продукции. Управление качеством здесь включает целый набор мер и политик, а именно: оптимизация структуры ассортимента, повышение качества продукции за счет максимального внедрения науки и передовой технологии; совершенствование системы классификации продукции (критерии качества и безопасности), решение проблем современной упаковки, хранения, особенно хранения свежей продукции и переработки, а также налаживание современных методов контроля и проверки качества и безопасности продукции, обладающей конкурентными преимуществами. 4) Принцип осуществления программы "по ключевым звеньям". Данный принцип означает концентрацию всех необходимых ресурсов (инвестиции, наука, новые технологии), а также политику наибольшего благоприятствования (освобождение от налогов или снижение его ставки и пр.) в отдельных районах, обладающих максимумом благоприятных

условий для поэтапного решения конкретной задачи и способной обеспечить оптимальный результат при наименьших затратах в довольно короткие сроки. Из всех указанных принципов стратегии он главный и решающий. Курс “по ключевым звеньям” — отлично отработанная и широко и многократно использовавшаяся стратегическая, во многом экстренная, мера китайского руководства: в 60-е гг. — для создания “полей высоких и стабильных урожаев”, чтобы справиться с дефицитом продовольствия, в 80-е и 90-е гг. — для создания целой серии баз товарного зерна и другой стратегической продукции в целях расширения источников товарного зерна и другой продукции (в стране насчитывалось в 90-е гг. около 500 баз товарного зерна на уездном уровне, за счет них ежегодно обеспечивалось до 40% и более объема продовольственного фонда страны). К этой стратегии прибегали еще китайские императоры в целях наращивания резерва товарного зерна. 5) Принцип уважения добровольности крестьян при осуществлении районирования и увеличения масштабов хозяйствования. При осуществлении данной программы подчеркивается важность стабилизации системы семейного подряда и права хозяйственной самостоятельности крестьян, уважении и защита их роли как субъекта рынка.

Судя по прилагаемой карте, районирование 12 указанных видов продукции сельского хозяйства уже осуществлено: указаны географическое расположение зон (с перечнем провинций и числом уездов, включенных в новые специализированные отраслевые пояса); определены направления “главных усилий”, поставлены четкие цели развития для каждой зоны и отраслевого пояса по каждому виду продукции.

Так, например, выделено три крупных отраслевых пояса производства специализированных (твердых и др.) пшениц: зона рек Хуанхэ и Хайхэ, зона нижнего течения р. Янцзы и зона в Северо-Восточном Китае. В первую зону входят 82 уезда в 39 округах 7 провинций (Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Цзянсу, Аньхой и др.). Вторая зона включает 20 уездов в 10 округах 4 провинций (Цзянсу, Аньхой, Хэнань, Хубэй). третья зона — 11 уездов и целинных госхозов в 2-х провинциях (Хэйлунцзян, АРВМ (Внутренняя Монголия)). В этих трех зонах целью развития является: к 2007 г. расширить посевы специализированных пшениц должны составить до 40% всех посевов пшеницы в стране, или увеличить на 20% по сравнению с 2001 г. Считается, что это позволит в основном удовлетворить внутренний спрос и обеспечит импорт этих сортов пшеницы в страны Юго-Восточной Азии и в другие регионы. Урожайность и валовое производство специализированной кукурузы в 2 отраслевых поясах должны соответственно вырасти на 20% (по каждому показателю), площадь же под ней — превысит 60% всех площадей под данной культурой в стране. Это позволит расширить вывоз кукурузы из Северного Китая, сдержать импорт ее в южных провинциях. Не менее амбициозные планы утверждены и по всем другим видам продукции.

При этом следует подчеркнуть, что использование “стратегии неравномерного развития”, или развития “по ключевым звеньям” в условиях резко усилившегося разрыва в темпах роста экономики и доходов населения, особенно сельского, в ходе экономической реформы между регионами, неизбежно приведет к дальнейшему усилению этой разницы между новыми отраслевыми специализированными зонами (поясами) и остальными сельскими районами. Однако, поскольку все новые зоны расположены в основных сельскохозяйственных районах и охватывают значительные территории (до 50 и даже 100 уездов на отраслевой пояс), в части последних следует ожидать положительных перемен. Несомненно, новые зоны сравнительных преимуществ станут центром притяжения излишней сельскохозяйственной рабочей силы из соседних районов. Нельзя исключать и их влияния силой примера и открывающимися воз-

можностями на окрестную деревню. По большому же счету, реализация данной программы в действительности подчинена важнейшей для страны и сельского хозяйства стратегической цели — нейтрализовать возможное негативное воздействие мирового рынка на отечественную агросферу, а значит защитить отечественного производителя, и оживить внутренний спрос, обеспечив внутренний рынок дефицитной высококачественной отечественной продукцией.

Как известно, структурная реформа составляет основное содержание развития агросферы на новом этапе. Однако первые годы структурной реформы (1999–2003 гг.) пока не дали ощутимых результатов в масштабах всего сельского хозяйства в силу целого ряда объективных и субъективных причин. Данная программа позволяет отработать концепцию реструктуризации отрасли, придать нужную направленность структурной реформе, обеспечивая научное и рациональное размещение производительных сил сельского хозяйства, хотя и в меньших масштабах, в части районов.

Осуществление программы будет способствовать ускорению темпов развития сельского хозяйства основных сельскохозяйственных районов, увеличению доходов крестьян. Известно, что в последние несколько лет замедлились темпы роста доходов крестьян, особенно в главных земледельческих районах. Со вступлением Китая в ВТО возможность “удара” со стороны мирового рынка может оказаться наибольшей именно в этих районах. Зоны, или отраслевые пояса со сравнительными преимуществами продукции — все расположены в этих основных сельскохозяйственных районах. При этом к числу наиболее перспективных видов, включенных в программу, отнесены как раз важнейшие стратегические виды продукции: зерно (пшеница, кукуруза, соевые бобы), хлопок, масличные (рапс), сахароносы (сахарный тростник). Расширение производства, повышение качества, снижение себестоимости этих культур, несомненно, приведет к серьезному росту рыночного спроса, цен, а значит и доходов производителей, продаст новые импульсы развитию сельского хозяйства.

Эта программа решает также проблему оптимизации структуры производства и ассортимента зерновых, что позволит преодолеть затоваривание, поднять внутренний спрос, будет стимулировать рост рыночных цен на качественную продукцию. Это, в свою очередь, приведет к расширению производства зерна, уровень которого существенно снизился в последние годы.

Данная программа потребует развития смежных отраслей, необходимых для придания указанным видам продукции полноценных товарных качеств (переработка, хранение, перевозки, упаковка и целый ряд других услуг). Это позволит открыть новые каналы трудоустройства крестьян — во 2-й и 3-й сферах появятся новые источники доходов крестьян.

Есть основания полагать, что реализация данной программы ускорит процесс модернизации сельского хозяйства. Научное районирование, специализация производства, повсеместное продвижение новых форм хозяйствования по типу аграрно-торгово-промышленной кооперации, внедрение науки и новых технологий в производство и обращение — это важнейшие направления модернизации сельской экономики.

О теоретических аспектах современного азиатского новоиндустриализма

© 2003

М. Потапов

1. Эффективность и жизнеспособность восточноазиатской модели догоняющего развития

На протяжении всей истории человечества страны и регионы развивались неравномерно, в уровнях социально-экономического развития между ними постоянно сохранялся разрыв. Однако этот разрыв носил динамический характер: список лидеров и отстающих постоянно менялся¹. Экономическая история, таким образом, наглядно подтверждает практическую возможность для каждой страны наверстать упущенное, вырваться вперед в своем экономическом развитии, реализовать "стратегию догоняющего развития". Под *стратегией догоняющего развития* мы понимаем экономическую стратегию развития, преследующую цель преодолеть отставание (разрыв) страны по уровню развития национальной экономики, используя опыт индустриально развитых стран.

Стратегическим средством ликвидации экономической отсталости стран "третьего мира" стала *индустриализация*, развитие отраслей обрабатывающей промышленности. Дело в том, что изменение ценового паритета в пользу готовых изделий с начала 50-х годов сократило экспортную выручку развивающихся стран от продажи сырья, уменьшило импортные возможности и заставило обратиться к строительству предприятий по выпуску необходимой продукции для промышленности и населения. При низкой стоимости рабочей силы индустриализация вела к быстрому повышению производительности труда, расширению национального дохода, потребления, накопления и росту уровня экономического развития в целом.

Начиная с 50—60-х годов XX века такую стратегию фактически взяли на вооружение новые индустриальные страны Восточной Азии. Причем первая группа НИС прошла путь, проложенный несколько ранее Японией, с большей скоростью. Реализация данной стратегии НИС во второй половине двадцатого столетия показала принципиальную возможность достижения многих ее целей, а превращение первой группы НИС, "*четырёх азиатских драконов*" — *Сингапура, Республики Корея, Гонконга и Тайваня* — из отсталых в развитые экономики состоялось в исторически короткие сроки: за 40-50 лет. Высокие темпы экономического роста, развития конкурентоспособных отраслей промышленности и сферы услуг, достигнутые этими странами и территориями, позволили им ликвидировать свое отставание от развитых стран и самим войти в эту группу. На этом же пути сейчас находятся *Китай* и вторая группа азиатских НИС — *Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины*. В ближайшие десятилетия при условии продолжения оптималь-

---

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник отдела координации внешнеэкономических связей и международных организаций Управления зарубежных связей ОАО "Газпром".

ной экономической политики в этих странах можно ожидать вхождения их в группу развитых государств. Однако путь догоняющего развития достаточно извилист и неровен, что во многом определяется цикличностью экономического роста мировой экономики. Последний финансово-экономический кризис в странах Восточной Азии 1997-1998 гг., затормозивший рост НИС (прежде всего, их второй группы), лишь подтверждает данное наблюдение.

Среди моделей догоняющего развития можно выделить две ключевые: импортозамещающую и экспортно-ориентированную.

Импортозамещающая модель догоняющего развития основывается на теории меркантилизма, ориентируется на потребности внутреннего рынка и характеризуется политикой протекционизма (высокой таможенно-тарифной защитой) в отношении отраслей национальной промышленности, зачастую государственной монополией внешней торговли, необратимостью национальной валюты. В результате проведения такой политики сокращается импорт и значительно ослабляется конкуренция отечественных товаров с иностранной продукцией, препятствуется вывоз национального капитала и ограничивается присутствие иностранного капитала на внутреннем рынке.

Данную модель использовали восточноазиатские НИС и Китай на начальном этапе своей индустриализации в 50—60-х годах. Ее реализация позволила создать основы самодостаточной экономики с развитием отраслей тяжелой промышленности. В первое время замещение импорта потребительских товаров сопровождалось диверсификацией структуры экономики, ростом самообеспечения, формированием собственных научно-технических кадров. Однако на определенном этапе процесс импортозамещения обнаружил свои естественные пределы развития. "Тепличные" условия протекционизма, отсутствие конкуренции, недостаточный спрос ввиду ориентированности на внутренний рынок, низкая покупательная способность населения, рост закупок импортной техники, замкнутость национальной экономики становятся препятствием на пути экономического развития, поддержания международной конкурентоспособности и модернизации экономики.

Это послужило причиной активного использования НИС в 70—90 годах и КНР в 80—90-х годах *экспортно-ориентированной модели догоняющего развития*. Данная модель характеризуется преимущественной ориентацией отраслей промышленности на внешний рынок, открытостью экономики, высокой степенью ее либерализации, активным стимулированием экспорта, привлечением иностранного капитала к экспортному производству в целях достижения и поддержания высокой конкурентоспособности национальной экономики.

Китай и НИС, в отличие от большинства других стран "третьего мира", сумели добиться весомых успехов в осуществлении экспортно-ориентированной модели роста. Этому способствовали база импортозамещения, тщательный анализ сравнительных преимуществ своих стран, мобилизация финансовых источников накопления, программы содействия экспорту, создание благоприятного инвестиционного климата, проведение долгосрочной политики в области научно-технических исследований и подготовки квалифицированных кадров, обеспечение продовольственной безопасности и социально-политической стабильности и т.д. При этом и НИС, и Китай использовали в своем развитии элементы обеих моделей². Использование странами какой-то одной модели в таком виде найти трудно, если вообще возможно. Обычно на практике применяются обе модели в разном соотношении в зависимости от внутренних экономических условий и мировой конъюнктуры.

Экспортно-ориентированная политика НИС и КНР проводилась в условиях отстающей либерализации сначала в области торговли товарами, а затем — услугами, прежде всего в отношении условий допуска иностранного капитала на внутренний рынок. Пожалуй, лишь экономики городов — государств/территорий Сингапура и Гонконга — естественных территориальных

анклавов — развивались исключительно по модели классического экспортно-ориентированного развития. В условиях отсутствия природных ресурсов ими была сделана ставка на экспорт готовой продукции с использованием дешевой рабочей силы, и с помощью иностранного капитала они смогли вписаться в систему международного разделения труда.

Конкретный механизм реализации этой стратегии заключался в максимальном использовании сравнительных преимуществ. На первоначальном этапе — это многочисленные трудовые ресурсы и дешевая рабочая сила, что, соответственно, выражается в преимущественном развитии трудоемких производств. По мере роста производства и удорожания рабочей силы трудоемкие производства первой группы стран “перемещаются” в материалоемкие и энергоемкие отрасли НИС следующей группы, где резервы дешевых трудовых ресурсов не исчерпаны, а первая группа сосредоточивает свои усилия на освоении капиталоемких, а затем наукоемких производств, ориентированных на экспорт. Такое изменение товарной структуры экспорта, отражающее сдвиги во внутреннем производстве, в современной экономической литературе получило название “*ступенчатой технологической индустриализации*” (принципом лестницы) (см.табл.).

Таблица

Отраслевые этапы ступенчатой индустриализации Японии и НИС Восточной Азии в XX веке

Отрасли	Япония	Гонконг	Республика Корея	Сингапур	Тайвань
Текстильная	1900 — 30-е гг., 50-е гг.	начало 50-х гг.		начало 60-х гг.; 70-е гг.	60—70-е гг.
Производство одежды	50-е гг.	50—60-е гг.			60-е гг.
Игрушки, часы, обувь		60—70-е гг.			60—70-е гг.
Металлургия			начало 60-х гг.		
Сталелитейная	50—60-е гг.		конец 60-х — начало 70-х гг.		
Химическая	60—70-е гг.		конец 60-х — начало 70-х гг.		
Судостроение	60—70-е гг.		70-е гг.		
Электроника	70-е гг.		конец 70-х гг.	70-е гг.	80-е гг.
Автомобилестроение	70—80-е гг.		80-е гг.		
ЭВМ и полупроводники	80-е гг.		конец 80-х гг.		90-е гг.
Банки и финансы		конец 70-х — 80-е гг.		80-е гг.	

Источник: Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. с кит. М., 2001 г., С.133.

Впервые на практике данный принцип был реализован Японией и НИС “первой волны” в 60—70-х годах, когда экономическому подъему и расширению экспорта четырех “азиатских драконов” поспособствовали японские технологии, инвестиции, опыт управления и маркетинга. Такая модель взаимодействия, характеризующаяся возрастающим участием в международном разделении труда, была названа моделью “*летающей стаи гусей*”, или “*гусиного клина*” (где во главе стаи подразумевалась страна-лидер — Япония). К теории “летающей стаи гусей” тесно примыкает теория “*догоняющего жизненного цикла продукта*”, получившая развитие в исследованиях японских ученых К.Акамацу и К.Кодзима в области взаимосвязей производства, экспорт и импорта в отраслях промышленности Японии 40—70-х годов³.

Выбор НИС и Китаем стратегии догоняющего развития представляется естественным стремлением этих стран порвать с экономической отсталостью, сократить разрыв с развитыми странами, поднять свою экономику на более высокую ступень развития. Другое дело, что при реализации данной стратегии необходимо учитывать собственные специфические условия и сравнительные преимущества, не игнорировать экономические законы и не перепрыгивать через этапы экономического развития. Принципиально неверно сводить стратегию догоняющего развития только лишь к приоритетному развитию тяжелой промышленности и импортозамещающей стратегии⁴. В действительности, как мы отмечали, стратегия догоняющего развития шире и органически включает в себя как импортозамещающую модель, так и стратегию экспортной ориентации с использованием сравнительных преимуществ. При этом этап импортозамещения, пройденный Японией и НИС (за исключением, пожалуй, лишь специфических экономик — городов Гонконга и Сингапура), не представляется экономической ошибкой, несовместимой со сравнительными преимуществами, а, скорее, наоборот, — закономерным первоначальным этапом стратегии догоняющего развития, заложившим необходимую индустриальную основу дальнейшего развития по пути экспортной ориентации.

Такую же точку зрения защищает известный специалист по китайской экономике В.И. Шабалин, отмечавший “объективную обусловленность стратегии догоняющего развития КНР (точнее — импортозамещения и индустриализации. — М.П.) для своего времени и ее историческую исчерпанность в значительной мере для современных условий”. При этом, по его мнению, “определенные элементы стратегии догоняющего развития неизбежно сохраняются в экономической политике некоторых стран и сегодня”, а центр стратегии догоняющего развития “перемещается с задач индустриального развития на решение вопросов научно-технического прогресса, информатики, эффективности и конкурентоспособности народного хозяйства, качества экономики и жизни населения”⁵.

Оценки же ряда китайских ученых, абсолютизирующих концепцию сравнительных преимуществ, представляются нам односторонними и теоретически (да и практически) не совсем правильными⁶. Буквальное следование теории сравнительных преимуществ консервирует отсталую производственную и экономическую структуру, не дает возможности развивать новые прогрессивные отрасли, воспроизводит механизм технологической зависимости экономики, формирует вечно догоняющий тип развития, отвечающий интересам прежде всего развитых стран и их крупных монополий. К примеру, богатая сельскохозяйственными ресурсами страна обречена навечно на роль поставщика аграрной продукции и целиком зависит от конъюнктуры мирового рынка сельскохозяйственной продукции. В процессе индустриализации в развивающихся странах необходимо создавать комплекс взаимосвязанных отраслей с учетом

сравнительных издержек, способных удовлетворять потребности не только внешнего, но и внутреннего рынков.

Исходя из этого, по нашему мнению, в современных условиях важно не слепое следование теории сравнительных преимуществ *Д.Рикардо* начала XIX века или теории соотношения факторов производства *Хекшера-Олина* первой половины XX столетия, а эффективное использование имеющихся у страны конкурентоспособных факторов производства, что прекрасно отразил в своей теории конкурентных преимуществ *М.Портер*. Тем более, что как справедливо отметил известный экономист-международник *И.П. Фаминский*, “теория сравнительных издержек (или преимуществ. — М.П.) *Д.Рикардо* совершенно игнорирует то обстоятельство, что международное разделение труда развивается в острой конкурентной борьбе, в которой победителем выходит наиболее сильный”, а также “...исходит из фактически существующих различий в издержках производства определенных товаров в разных странах, по существу, оставляя в стороне причины, порождающие различия в условиях издержек производства”. В современных условиях сравнительные преимущества в издержках производства определяются не столько природными условиями страны, сколько эффективностью долгосрочной экономической стратегии и научно-техническим уровнем экономики.

Фактически, вольно или невольно, ряд китайских ученых (*Линь Ифу* и др.), абсолютизируя концепцию сравнительных преимуществ, предложили развивающимся странам концепцию “вечно догоняющего (отсталого) развития”, которая оказывается несостоятельной в решении задач определения оптимальных форм и методов участия страны в быстро меняющейся системе международного разделения труда, адаптации к мировому рынку. Такая концепция по своей сути не так уж и нова и напоминает известные теории 70-х годов “нового международного разделения труда”, “внешнеориентированного развития”, допускавшие индустриализацию развивающихся стран в части их специализации на выпуске экспортной трудоемкой промышленной продукции⁴.

Мировое экономическое развитие и соотношение сил в мировом хозяйстве отличается исключительным динамизмом. Для поддержания развитого уровня национальной экономики необходимо оставаться конкурентоспособным на мировом рынке, максимально учитывать тенденции развития мировой экономики. Это особенно важно становится на современном этапе глобализации и перехода развитых стран от стадии индустриального к постиндустриальному обществу, которые обостряют международную конкуренцию и усиливают экономическую дифференциацию стран и регионов. Так, вскоре после финансовых потрясений в Восточной Азии в 1997-1998 гг. многие специалисты и исследователи заговорили о кризисе экспортно-ориентированной модели развития. Преодоление кризиса и быстрое восстановление экономического роста опровергло наиболее скептические и пессимистические оценки модели развития НИС. Объективные экономические успехи НИС и Китая позволяют говорить об эффективности их модели “догоняющего развития”, во многом, бесспорно, связанной с проведением агрессивной политики наращивания экспорта готовых, в том числе высокотехнологичных изделий.

Конечно, многие из существующих внутренних противоречий в этих странах, реализующих в разных формах стратегию догоняющего развития, остаются неразрешенными и по сей день. К таким противоречиям можно отнести недиверсифицированную структуру промышленного экспорта, недостаточно развитый внутренний рынок, опору на экстенсивные факторы роста, масштабный импорт иностранного капитала, значительную экспортную зависимость

экономики, отставание в технологической и интеллектуальной областях от развитых стран. В 90-х годах стало очевидным увеличение капиталоемкости экономического роста, снижение интенсивных факторов развития.

Однако не стоит абсолютизировать одностороннюю экономическую зависимость НИС и Китая от развитых стран и их ТНК и рассматривать статично технологический и интеллектуальный разрыв между ними. К примеру, российский исследователь В.Л. Иноземцев пишет о неспособности модели “догоняющего развития” “вывести страны, взявшие ее на вооружение, из-под диктата постиндустриальных держав”, “очевидной...бесперспективности “догоняющей модели”, о том, что “догоняющее развитие” не сокращает разрыва между центрами постиндустриального мира и периферийными регионами” и т.п.⁹ Речь идет о том, что в условиях резкого повышения степени открытости национальных экономик НИС и КНР, а также интенсивного процесса глобализации мирохозяйственных связей преимущественно экстенсивная модель развития в значительной мере исчерпалась, а международная конкурентоспособность этих стран — снизилась. Решать задачу догоняющего развития необходимо теперь интенсивными, неоиндустриальными методами. Неизбежность и необходимость данного этапа индустриализации НИС — развития наукоемких отраслей после создания импортозамещающего и экспортно-ориентированного потенциалов — подчеркивали еще в 80-х годах многие отечественные экономисты¹⁰.

В нынешних условиях, таким образом, экспортно-ориентированная модель развития НИС и Китая должна дополниться *стратегией современного неоиндустриализма*, которая во внешнеэкономической области подразумевает, если говорить кратко, использование интенсивных факторов роста, формирование “новой экономики”, базирующейся на знаниях и информационных технологиях, устойчивых инвестициях в повышение качества людских ресурсов. Важная задача для азиатских НИС и КНР — в противовес неолиберальным проектам постиндустриализма найти оптимальные варианты рационального сочетания этатизма (степени участия государства в экономике) и роли рыночных механизмов в развитии экономики и постиндустриального общества.

Как свидетельствует экономическая история второй половины XX века, “ступенчатый (волновой) индустриализм” является мировой тенденцией, тем магистральным путем эволюции развивающегося мира, по которому, с учетом национального своеобразия, пойдут другие отсталые страны мировой “периферии”. Словом, следует ожидать появления “новых волн” и дальнейшего развития (расширения) категории НИС, выхода их за рамки “третьего мира”. А ряд наиболее передовых НИС “первой волны” уже вплотную приблизился к стадии зрелого постиндустриального развития и фактически входит в группу промышленно развитых стран.

За период своего полувекового развития новые индустриальные страны Восточной Азии вместе с Китаем стали полноправной самостоятельной категорией мировой экономики, добившись уникального сочетания достижений западного технического прогресса и традиций восточного общества. Этот вывод разделяет и известный экономист-кореевед С.С. Суслина, отмечавшая, что “...азиатские НИС можно рассматривать и как подсистемы мирового хозяйства”, которые выполняют роль “своеобразного посредника” в структуре мирового хозяйства между Центром (развитыми странами) и Периферией (развивающимися странами). В результате идущих процессов индустриализации ряд развивающихся стран переходят в разряд НИС, часть стран с переходной экономикой выталкивается в развивающийся мир, часть — в НИС¹¹. Последовательно формирование “индустриальных волн” позволяет говорить о современ-

ном азиатском новоиндустриализме как об объективном, закономерном процессе развития мировой экономики. Катализатором этого процесса и одним из его структурообразующих элементов являются внешнеэкономические связи, которые ускоряют формирование динамичных устойчивых экономических систем, адекватных развитым странам.

2. Выбор торговой политики: экспортная ориентация и импортозамещение, либерализм и протекционизм

Абсолютно открытой экономики, при которой движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы через национальные границы происходило бы совершенно беспрепятственно, в мире не существует. Так называемые развитые страны с рыночной экономикой с учетом своих национальных интересов активно используют различные методы регулирования национальной экономики и внешней торговли, как экономические, так и административные, признаваемые международным экономическим и торговым правом. В современной мировой экономике, таким образом, не существует в чистом виде ни свободной торговли, ни абсолютного протекционизма (разве что в умозрительных теоретических конструкциях для разработки научных концепций и эконометрических моделей). В различном соотношении, в зависимости от степени развития национальной экономики и отдельных ее отраслей, страны используют те или иные формы и методы регулирования, относящиеся как к механизму регулирования внешнеэкономических отношений на основе либеральных принципов свободной торговли, так и на основе законного (или не всегда законного) протекционизма.

Преобладающая тенденция современного регулирования межгосударственных экономических отношений сводится к постепенному увеличению открытости национальной экономики мировому рынку. Однако темпы этого процесса по разным странам различны, а механизм регулирования внешнеэкономических отношений не упрощается, а, скорее, наоборот, — усложняется. Это во многом связано как с углублением международного разделения труда, специализации и кооперирования производства, так и с распространением международного экономического обмена на производство и потребление новых товаров и услуг, с отраслевой и межотраслевой диверсификацией экономических связей.

Соотношение между использованием либеральных и протекционистских методов регулирования определяется масштабами экономики (малые страны, как правило, упрощают таможенное регулирование и минимизируют торговые барьеры), уровнем развития отдельных ее отраслей, позицией страны в системе мирового хозяйства. По мере экономического роста и повышения технологического уровня развития страна постепенно переходит от преимущественно протекционистской политики регулирования внешнеэкономических связей к относительно либеральной политике (относительно — поскольку, как мы отметили, абсолютной экономической открытости в мире не существует). Эта постепенная корректировка методов регулирования выражается в поэтапном ослаблении и уменьшении таможенно-тарифных и нетарифных барьеров.

Такой путь эволюции механизма внешнеэкономического регулирования проходили в течение последних десятилетий XX столетия Китай и новые индустриальные страны Восточной Азии. Начав с традиционных протекционистских методов регулирования в русле концепций “опоры на собственные силы”, большинством из них на первоначальном этапе проводилась политика внутриориентированного развития — *импортозамещающей индустриализации*, включающая создание промышленных комплексов, призванных насытить внутренний рынок изделиями местного производства, применение высоких им-

портных тарифов и административных ограничений, государственного субсидирования приоритетных отраслей. Дав определенный экономический эффект в виде удовлетворения внутреннего спроса, сокращения импорта потребительских товаров, укрепления национального предпринимательства, отраслевой диверсификации экономики и т.п., импортозамещающая стратегия натолкнулась на препятствия дальнейшему развитию в виде узости внутреннего рынка и недостаточного платежеспособного спроса, недозагрузки производственных мощностей, роста импорта новой техники, торможения научно-технического прогресса, снижения производительности труда и конкурентоспособности производства¹².

Ограничив сферу использования импортозамещения относительно небольшой группой стратегически важных для национальной экономической безопасности отраслей (для таких крупных экономик, как китайская список отраслей шире, для малых экономик подобных Гонконгской или Сингапурской — практически сведен на нет), азиатские НИС, а затем и КНР встали на путь *экспортно-ориентированного развития*, в основу которого легло продвижение местной продукции на мировой рынок. Этот путь развития диктовал необходимость интеграции в международное промышленное разделение труда, и, следовательно, распространения на национальный механизм регулирования внешнеэкономического сотрудничества форм и методов свободной торговли. На этом пути восточноазиатским НИС и Китаю удалось добиться впечатляющих успехов. Причем особенно важно то, что это произошло благодаря сочетанию стимулирования экспорта с активной структурной перестройкой экономики этих стран в соответствии с требованиями мирохозяйственной конъюнктуры и учетом собственных конкурентных преимуществ. Применяемый ими промышленный (селективный) протекционизм не защищал неэффективные, отсталые производства (может быть, только за исключением сельского хозяйства), а содействовал формированию новых отраслей, чья продукция была ориентирована на внешний рынок. Ярко выраженная экспортная ориентация исследуемых нами стран была направлена на завоевание прочных позиций на мировом рынке, решение стратегически важных задач поддержания ускоренного экономического роста и достижение целей догоняющего развития.

При этом ослабление защиты внутреннего рынка КНР и НИС сопровождалось использованием международно признанных норм защиты от торговой экспансии развитых стран и недобросовестной конкуренции с их стороны с целью защиты отечественных производителей и потребителей в период структурной перестройки, обеспечения национальной безопасности в отраслях, обеспечивающих функционирование экономики в целом (энергетика, транспорт, связь и т.п.), получения встречных уступок в торговле и т.д. Зависимость НИС от импорта инвестиционных товаров и технологий в условиях экспортно-ориентированного развития не падает, а зачастую растет. Однако обеспечиваемый экспортом рост валютных поступлений существенно ослабляет ограничения на импорт промышленных товаров инвестиционного спроса, необходимых для загрузки новых производственных мощностей, нехватка которых крайне осложняла индустриализацию большинства развивающихся стран, двигавшихся в русле внутриориентированного развития. Отличительной особенностью внешнеориентированного развития НИС и Китая стало достижение самоподдерживающегося экономического роста с синхронизацией динамики экспорта, сбережений и инвестиций. Этому способствовало систематическое занижение обменных курсов местных валют, сдерживавшее рост импорта и потребления, а также различного рода преференции на импорт производственных товаров для стимулирования экспорта¹³.

Говоря об эволюции внешнеэкономической политики в направлении открытости, следует отметить, что на этапе, когда страна делает лишь первые шаги во внешний мир, для большинства отраслей экономическая политика носит импортозамещающий характер, и лишь постепенно отдельные отрасли ориентируются на экспорт. При этом особенно важна очередность в выборе отраслей экспортной ориентации. Исторический опыт показывает, что многие государства в погоне за более развитыми странами неоправданно форсировали процесс перехода к открытой экономике, и в конечном итоге результаты оказывались даже хуже, чем в странах, которые ориентировались на внутренний рынок. Экспортная ориентация приносит успешный результат при наличии ряда обстоятельств, благоприятствующих участию в международном разделении труда. Среди них — сравнительно низкие издержки производства (конкурентоспособность продукции на мировом рынке), насыщенность экспортной продукцией на внутреннем рынке, использование экспортных доходов на приобретение товаров, остро необходимых внутреннему рынку. Эти необходимые предпосылки, наряду с требованиями формирования трудовых ресурсов, инфраструктуры, навыков организации производства, являются основой того, что национальный капитал сам стал приводить себя в движение, а экспортная ориентация привела к расширению и диверсификации экспорта, увеличению его доли в показателях экономического роста.

Политика экспортной ориентации полностью не вытеснила импортозамещение, скорее оба направления полезно дополняли друг друга. Особенно наглядно это подтверждает опыт индустриализации Тайваня и Республики Корея в 70—80-х годах, когда экспортная ориентация уже сформировавшихся отраслей сочеталась со “вторичным импортозамещением” молодых формирующихся отраслей. Исходя из этого, некорректным представляется противопоставление экспортной ориентации импортозамещению при оценке эффективности экономической политики. Речь может идти о том, в каких секторах экономики, с учетом каких благоприятствующих факторов и в какой период времени реализуется та или иная политика. Абсолютно верным представляется вывод, сделанный в этой связи еще в начале 80-х годов известным востоковедом, профессором *Г.К. Широковым*. “При определенной поддержке государства, — отмечал он, — рост импортозамещающих производств после заполнения внутреннего рынка вызывал вовлечение их продукции в экспорт. Наоборот, развитие экспортных производств при соответствующей политике государства через какой-то промежуток времени влекло за собой появление смежных импортозамещающих производств... Иными словами, после достижения национальной промышленностью определенной стадии развития при поддержке государства может происходить взаимодополняющий рост экспортно-ориентированных и импортозамещающих отраслей”¹⁴.

В целом внешнеэкономическая либерализация начала теснить протекционизм с середины XX века и выражалось это прежде всего в снижении импортных таможенных пошлин, упрощении режима ввоза и вывоза капиталов, валютных отношений, технологического обмена и т.д. Снижение тарифных барьеров в торговле частично компенсировалось нетарифными формами ограничений, которые получили широкое распространение с 70-х годов прошлого столетия (более эффективными, следует отметить, по сравнению с тарифными барьерами, в плане ограничения свободной конкуренции на внутреннем рынке). К ним относятся квотирование импорта, антидемпинговые меры, технические стандарты, санитарные нормы, правила оформления и оценки импортных товаров и т.п. Их активное применение дает возможность осуществлять гибкие

протекционистские меры в отношении ряда отраслей и товаров. Но и нетарифные барьеры, став важным предметом регулирования со стороны ВТО, имеют тенденцию к постепенному снижению. Другое дело, что возникают все новые их формы, отражая усложнение внешней торговли и повышение ее роли в экономическом развитии.

Нынешние тенденции развития мирового хозяйства не отменяют и не уменьшают роль государства в национальной экономике. Более того, значимость политики государства даже повышается, и не только в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, где экономические преобразования, связанные со структурной перестройкой экономики, невозможны без участия государства. Роль государства по-прежнему высока и в развитых странах. Она, правда, претерпевает изменения, ее самостоятельность уменьшается, растет зависимость (надо отметить, взаимная) от внешнего мира как результат глобализации в целом. Появляются новые взаимосвязи между государством и национальным предпринимательским сектором. Государство теперь выполняет задачи регулирования экономики, используя преимущественно косвенные рычаги воздействия в законодательной, макроэкономической (в том числе определение приоритетов развития), валютно-финансовой, налоговой и других областях, а также в финансировании науки и социальной сферы. Конечно, усиление роли государства в поддержании макроэкономической эффективности не должно предполагать субсидирование неэффективных производителей, вмешательство в коммерческую деятельность частного бизнеса, искажение цен, излишнее регулирование предпринимательства и т.п.

Таким образом, можно говорить о том, что при преобладании либерализма и свободной торговли в качестве ведущей тенденции развития мировой торговли протекционизм не исчезает, а обе тенденции мирно (а иногда не очень) взаимодействуют между собой, дополняют и в определенном смысле подстегивают друг друга: чрезмерный протекционизм порождает движение в сторону свободной торговли, а чрезмерная либерализация заставляет возвращаться к методам протекционизма.

Связь между уровнем экономического либерализма и темпами экономического роста, которую любят подчеркивать многие западные экономисты, существует, но не исчерпывается нею. Либерализация внешнеторгового режима в развивающихся странах улучшает условия торговли, прежде всего для развитых стран. И глубокий разрыв между ними и странами "третьего мира" невозможно преодолеть только с помощью либерализации рынков товаров, услуг, капиталов. Более того, во многих случаях неосмотрительно проводимая внешнеэкономическая либерализация сохраняет и углубляет диспропорции в уровнях развития различных стран в мировой экономике. Для поддержания экономического роста и обеспечения устойчивого развития мало одной внешнеэкономической открытости. Необходима долгосрочная структурная, научно-техническая, инвестиционная и инновационная политика, включающая механизм перераспределения ресурсов, стимулирования сбережений и инвестиций, применение протекционистских мер в вышеотмеченных нами целях и т.д.

Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг., в отличие от кризисов ряда латиноамериканских стран, исповедовавших тотальное промышленное импортозамещение, не поставил под сомнение потенциал экспортно-ориентированной стратегии развития, поскольку он был вызван не изъянами самой системы, а просчетами, допущенными при ее реализации в современных условиях. Нельзя отрицать способность внешнеориентированной стратегии развития обеспечивать одновременно с экспортом рост сбережений и инвестиций, рас-

ширяя возможности для рационального импортозамещения. Дальнейшая же реализация НИС и Китаем экспортно-ориентированной стратегии в целях догоняющего развития связана, по нашему мнению, с переходом от производства продукции, уже освоенной развитыми странами с использованием преимущества низких издержек и дешевой рабочей силы, к созданию новых производств и технологий, увеличению инвестиций в человеческий капитал¹⁵.

3. Новая внешнеэкономическая стратегия восточноазиатских стран

Основной причиной финансового кризиса в восточноазиатских странах в 1997-1998 гг. стала непродуманная форсированная либерализация финансовых операций, приведшая на фоне падения экспорта и чрезмерных краткосрочных заимствований к значительному дефициту платежного баланса. Уроки азиатского кризиса убедительно говорят о том, что импортные потребности должны финансироваться экспортными доходами, а не краткосрочными кредитами. В этой связи на первый план выходят задачи технологического роста, повышения качества товаров и людских ресурсов, национального компонента в добавленной стоимости перерабатываемой экспортной продукции.

Чрезмерная зависимость от притока капитала, особенно от портфельных инвестиций и краткосрочных банковских кредитов, чревата возможным ухудшением состояния платежного баланса. В этой связи важно, чтобы привлекающийся капитал направлялся преимущественно на цели производительных инвестиций, а не на цели потребления или низкопроизводительных капиталовложений. В области финансов необходима институциональная реформа, способная обеспечить эффективное прогнозирование и контроль за финансовыми рынками. Как этого достичь — среди международных экспертов пока нет единого мнения. Общий вывод, как представляется, состоит в том, что необходима осторожность и постепенность, баланс сдерживающей и стимулирующей политики.

Кризисы наглядно показали, что неконтролируемые потоки капитала оказывают разрушительное воздействие на экономику стран со слабой, плохо регулируемой финансовой системой, для компаний которых характерны диспропорции между показателями заемного и собственного капитала. Наряду с основными индикаторами экономического положения страны — ростом ВВП и уровнем инфляции — следует уделять особое внимание показателю состояния платежного баланса как по текущим операциям, так и по движению капиталов и кредитов, соотношению краткосрочной задолженности и объема золотовалютных резервов. Конечно, можно допустить и наличие дефицита платежного баланса в случае, если он обеспечивается прямыми инвестициями в экономику, стабильными валютными резервами и доходами государственного бюджета, гарантирующими устойчивость экономики к спекулятивным атакам на мировых финансовых рынках.

Проблемы, переживаемые группой новых индустриальных стран Восточной Азии, заставляют более реалистично оценивать механизм достижения результатов “азиатского экономического чуда”, не перечеркивая положительный опыт их экономического развития, позволивший им в исторически короткие сроки решить задачу ускорения экономического роста и достижения качественно более высокого уровня благосостояния людей.

Масштабы и глубина азиатского финансового кризиса заставили весьма серьезно задуматься над политическими мерами, которые позволили бы избежать подобных явлений в будущем. На национальном уровне пришло понима-

ние того, что странам необходимо быть более осмотрительными при определении темпов и последовательности открытия своих счетов, обслуживающих движение капиталов. В этой связи необходимо проявлять большую гибкость при установлении режимов, регулирующих кредитно-денежную, налогово-бюджетную политику и обменные курсы. Важно также решить проблемы действенного контроля за деятельностью финансового сектора, законодательного обеспечения норм поведения частных компаний в финансовом и реальном секторах экономики, усиления транспарентности в управлении деятельностью корпораций.

На международном уровне, как представляется, необходимо проработать вопрос о реформе международной финансовой системы. Во-первых, речь идет о возможности своевременного выделения необходимых ликвидных средств для предупреждения любых крупных кризисов, с тем чтобы свести к минимуму их распространение и ослабить отрицательные последствия. Далее, необходимо серьезно рассмотреть вопрос об укреплении международного контроля и мер регулирования за массовыми потоками трансграничного капитала, особенно краткосрочными. И, наконец, важно согласовать ряд принципов для решения проблем выхода из долговых кризисов, достижения соглашения в этой области между странами-должниками и внешними кредиторами.

Финансово-экономический кризис в Азии и последовавшее за ним восстановление вызвали оживленную дискуссию и споры по вопросу о содержании экономической стратегии и политики НИС региона. Острота кризиса побудила некоторых наблюдателей заявить о том, что старая парадигма экономического роста в Азии нуждается в радикальном пересмотре и, возможно, требует создания новой парадигмы развития. Старая стратегия в значительной мере опиралась — и в этом были ее сильные стороны — на постоянный рост экспорта с ориентацией на внешние рынки, открытость экономики, высокий уровень внутреннего накопления и капиталовложений, устойчивый приток прямых иностранных инвестиций при различном уровне государственного вмешательства, к примеру в сфере налоговой и валютно-финансовой политики, колеблющегося от принципа “невмешательства” в Гонконге до “административного регулирования” в Республике Корея и Сингапуре. Важной особенностью “восточноазиатского чуда” являлась быстрая концентрация физического капитала в экономике этих стран. Особый упор был сделан на индустриализацию, ориентированную на экспорт. Тесное взаимодействие между правительством, частным корпоративным и финансовым секторами также способствовало устойчивому экономическому росту НИС, хотя масштабы этого взаимодействия в отдельных странах были неодинаковы.

Однако стабильно высокий экономический рост НИС породил в них самоуспокоенность и позволил распространиться клановой модели поведения в бизнесе. Такая самоуспокоенность и клановый капитализм привели к отсутствию надлежащего контроля и надзора в области финансового регулирования. Банковские кредиты стали зависеть во все большей степени от политических мотивов, что зачастую приводило к чрезмерному росту банковских кредитов в пользу привилегированных заемщиков. Негласные правительственные гарантии еще более стимулировали практику неразборчивого заимствования и кредитования. Непрозрачная корпоративная практика и весьма запутанный бухгалтерский учет скрывали реальное положение дел. Такая ситуация поощряла чрезмерное накопление краткосрочной частной задолженности. Правительства создавали неадекватные ей резервы для учета обязательств в отношении поддержания валютного курса. Существенными недостатками в НИС были несоот-

ветствующая политика регулирования задолженности и непрозрачность крупных оффшорных заимствований, ускользавших от внимания органов государственного регулирования.

Вместе с тем разразившийся в странах Восточной Азии финансовый кризис никоим образом не перечеркнул реальные достижения восточноазиатской модели экономического развития, направленной на развитие экспорта трудоемкой промышленной продукции, обеспечение высоких норм сбережений, либерализацию иностранных капиталовложений и достижение их высоких темпов прироста и т.д. Азиатский кризис не уничтожил основы устойчивого высокого роста в НИС, а обнажил необходимость их укрепления. Так, в ряде НИС, где внутренний спрос стал играть столь же важную роль, что и экспорт для экономического роста, высокий уровень внутреннего накопления является теперь скорее препятствием для восстановления экономики, а недостаток квалификации рабочей силы в промышленности с высокой добавленной стоимостью превратился в серьезную проблему, решение которой необходимо для поддержания национальной конкурентоспособности. Отсутствие надлежащего контроля и разумного надзора над финансовыми потоками, связанными с краткосрочными инвестициями, не дали НИС почувствовать преимущества открытости торговых и инвестиционных режимов их экономик. Иными словами, в условиях бурного экономического развития НИС не смогли должным образом ответить на вызовы глобализации и либерализации торговли и потоков капитала. Азиатский кризис обнажил основные структурные недостатки экономик этих стран и потребовал их скорейшего устранения.

Сходные оценки объективных противоречий неоиндустриальной стратегии развития НИС (ограниченность традиционной экспортной ориентации, недостаток эффективности и контроля за внешними заимствованиями, слабое использование достижений научно-технического прогресса и т.д.) даны в исследованиях отечественного экономиста-востоковеда, чл.-корр. РАН В.В. Михеева¹⁶. К аналогичным выводам в отношении переосмысления Китаем его количественно-экспансионистской модели развития внешнеэкономических связей приходит известный экономист-китаевед В.Я. Портяков¹⁷. Наши оценки перспектив азиатской неоиндустриальной модели развития также созвучны выводам известного специалиста по южнокорейской экономике С.С. Суслиной, отмечавшей, что "...произошел не крах азиатской неоиндустриальной модели вообще, а имел место циклический кризис ("кризис успеха"), обусловленный широкомасштабным движением международного краткосрочного капитала"¹⁸.

Конец 90-х годов отразил поиск Китаем и другими восточноазиатскими странами новой стратегии экономического развития, основанной на долгосрочном интенсивном устойчивом росте, эффективном размещении ресурсов и в меньшей степени на задействованных в прошлые годы факторах — высокой норме инвестирования и краткосрочном фискальном стимулировании. Новая внешнеэкономическая стратегия неразрывно связана с повышением уровня внутренней конкуренции в национальной экономике, стимулированием развития негосударственных форм собственности, включая частный сектор, с большей степенью открытости экономики внешнему миру. Речь идет о переосмыслении восточноазиатской модели развития последних десятилетий с учетом опыта преодоления азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и современных реалий глобализации и формирования "новой экономики", базирующейся на знаниях и информационно-коммуникационных технологиях.

Опыт экономического развития Китая и новых индустриальных экономик в конце XX века показал, что не существует единой модели развития,

имеются лишь общие особенности, присущие так называемому азиатскому экономическому чуду последних десятилетий, среди которых можно отметить высокую норму сбережений и инвестиций, экспортную ориентированность экономики, открытость рынков капитала, макроэкономическую стабильность, привязку национальной валюты к американскому доллару, сильное государственное стимулирование экономического роста.

Однако экономический рост на основе экстенсивных факторов — высоких показателей накопления, темпов роста рабочей силы и капиталовложений — в новых условиях себя исчерпал. Это, как представляется, и явилось, наряду со слабостью национальных финансовых систем, чрезмерным стремлением к получению рентных доходов, отсутствием новаторских подходов, неэффективностью рынков капитала, институциональной застойностью, а также ограниченными возможностями международных финансовых институтов по оказанию своевременной помощи, основной причиной внутреннего экономического кризиса в странах Восточной Азии. Речь, подчеркнем, не идет об отказе от старой парадигмы экономического развития. Первоочередные задачи, которые требуется решить для достижения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке, политическая и экономическая элита восточноазиатских стран видит:

— в переоценке сложившейся модели развития в сторону акцента на интенсивные факторы роста, обеспечивающие технологическую модернизацию “традиционных” отраслей промышленности и инфраструктуры, в том числе в сфере информационно-коммуникационных технологий;

— в повышении качества людских ресурсов и устойчивых инвестициях в них, включая повышение компьютерного образования;

— в содействии частному предпринимательству в наукоемких отраслях;

— в реформировании учреждений и политики в области финансового надзора, регулирования просроченной задолженности в банковско-финансовом секторе экономики, тщательном мониторинге и контроле за притоком краткосрочного капитала;

— в налаживании производства продукции и услуг, соответствующих международным стандартам качества;

— в достижении большей прозрачности в отношениях между государством и частным сектором.

Экономика некоторых НИС (Гонконга, Тайваня, Сингапура), благодаря проведению такой политики, смогла миновать кризис с относительно минимальными потерями. Дальнейшее ускоренное развитие НИС, как представляется, тесно связано с продолжением поддержки роста экспорта на основе формирования национальных конкурентных преимуществ и открытости экономики с учетом внутреннего спроса. Иными словами, адекватно изменяя правовую базу и механизмы регулирования экономики, НИС будут, по нашим оценкам, придерживаться курса на постепенную либерализацию, но скорость и порядок этих процессов в разных странах будет неодинаковыми.

В качестве одного из важнейших приоритетов своей внешнеэкономической стратегии Китай, в частности, выдвинул задачу минимизации односторонней зависимости от экономических партнеров, поддержания баланса интересов. Эту страну отличает осторожный взвешенный подход, нацеленный на максимальное использование положительных сторон интеграции национального хозяйства в мировую экономическую систему и сведения на нет негативных моментов этого процесса. Многие факторы объективно свидетельствуют о реальной интеграции КНР в мировую экономическую систему в 80—90-х годах. Об

этом говорят хотя бы уровень привлечения и использования иностранных инвестиций (не только от этнических китайцев за рубежом) в производственные отрасли экономики КНР, существенный вклад предприятий с участием иностранного капитала во внешнеторговую деятельность страны (реализация их продукции за рубежом составляла к концу 90-х годов около половины совокупного экспорта КНР). В целом практические шаги Пекина по взаимодействию с мировым хозяйством в 80—90-е годы близки к реализации им модели частичной интеграции национальной экономики в систему мировой торговли и инвестиций и постепенной либерализации ее внешнеэкономического механизма.

* * *

Несмотря на негативное влияние азиатского кризиса, трудно предполагать прекращение общей тенденции экономической либерализации в регионе Восточной Азии. При этом в странах региона твердо убеждены в необходимости укрепления национальных финансовых систем, включая юридическую и институциональную базы и методы регулирования операций на внутреннем рынке (с учетом последовательности либерализации платежного баланса по текущим операциям и счетам движения капиталов), а также в создании механизма надзора над финансовыми рынками на региональном и международном уровнях в целях избежания подобных кризисов в будущем. Корректировка национальной стратегии развития в восточноазиатских странах заключается в достижении большей сбалансированности задач экспортно-ориентированного роста и расширении производства и спроса на внутреннем рынке. Дальнейшее привлечение иностранных инвестиций в их экономику будет более тесно увязываться с их рациональным, с точки зрения развития национальной промышленности, размещением в базовых и высокотехнологических отраслях производства, с акцентом на инвестиции, начиная с нулевого цикла, а не на слияние и приобретение компаний.

Другим важным аспектом в области корректировки модели экономического развития стран Восточной Азии в целях поддержания их устойчивого роста и усиления международной конкурентоспособности является достижение большей взаимодополняемости таких традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, как производство текстиля и одежды, бытовой электроники, автомобилей и телекоммуникационного оборудования на основе увеличения объема инвестиций и притока финансовых ресурсов частного сектора на их модернизацию. Серьезным вызовом в этой области является предстоящее в 2004 г. вступление в силу Многостороннего соглашения по текстилю и одежде в рамках ГАТТ/ВТО и связанная с ним отмена квот на ввоз текстильной продукции и готовой одежды.

Итак, смогут ли азиатские НИС вновь выйти на траекторию высокого роста? Думается, смогут, если возьмут на вооружение надлежащую политику поддержания национальной конкурентоспособности и коренным образом пересмотрят взаимоотношения между хозяйствующими субъектами. Речь идет о том, чтобы перейти от трудоемкой и капиталоемкой индустриализации, ориентированной на экспорт, к новоиндустриальной политике, ориентированной на науку и новейшие технологии, основанные в том числе на достижениях в области информации и коммуникаций. Только такой переход сможет обеспечить приближение НИС к стадии зрелого, или постиндустриального развития и реализацию ими целей догоняющего развития.

1. Подробнее о сравнительной степени экономического развития различных стран и регионов мира см.: *Мировая экономика*. Под ред. А.С. Булатова. М., 2002. С.81-94.
2. Например, модель экспортной ориентации сочеталась с элементами импортозамещения. Так, в ряде экспортзамещающих отраслей производства НИС и КНР сохранялась высокая степень таможенной защиты от импорта аналогичной продукции из других стран.
3. См., например: Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries// *The Developing Economies*. 1962. № 1.
4. См.: *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу*. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. с кит. М., 2001. С.84-85.
5. См.: *Шабалин В.И.* Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. с кит. М., 2001 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2001. № 5. С.171.
6. См.: *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу*. Указ. соч. С.126-146.
7. *Международные экономические отношения*. Под ред. И.П. Фаминского. М., 2001. С.57-58.
8. К теоретикам данных концепций относятся, например, американский учёный Т.Сцитовский, английские экономисты Я.Литтл и М.Скотт (*Little I., Scitovsky T., Scott M.* *Industry and Trade in Some Developing Countries*. L., 1970).
9. См.: *Иноземцев В.Л.* Пределы "догоняющего развития". М., 2000. С.113-119.
10. См., например: *Андрианов В.Д.* "Новые индустриальные страны" в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1989. С.171.
11. *Суслина С.С.* Трансформация экономической модели Республики Корея в условиях глобализации и регионализации мирового рынка. Автореф. докт. дис. М., 2002. С.32-33.
12. Подробный анализ положительных и отрицательных сторон стратегии импортозамещения см.: *Эльянов А.Я.* Индустриализация развивающихся стран в интерьере мирохозяйственных связей и Россия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 1. С.13-19.
13. Там же. С.21.
14. *Широков Г.К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981. С.133-134.
15. Эти два типа стратегий развития промышленности и экономики в целом отечественные экономисты назвали стратегией "преследования" и стратегией "передовых рубежей" (см.: *Международные экономические отношения*. Под ред. И.П. Фаминского. М., 2001. С.252).
16. См.: *Михеев В.В.* Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М., 2001. С.91-95.
17. См.: *Портяков В.Я.* Китай на пути в мировое хозяйство: проблемы и поиски// *Проблемы Дальнего Востока*. 2000. № 2. С.56-65.
18. *Суслина С.С.* Указ. соч. С.28.

Общество

Китайская молодежь: отношение к семье и браку

© 2003

О. Почагина

Общества переходного типа, к каковым относится современный модернизирующийся Китай, характеризуются интенсивными трансформационными процессами, противоречиями, возникающими между формирующимися и сложившимися ценностями, нестабильностью социальной идентичности, поиском и усвоением молодыми поколениями новых ценностных ориентаций. Существует объективная зависимость таких ориентаций от социально-экономической природы общества. Процессы перехода к рыночной экономике, начавшиеся в конце 80-х годов, затронули социальную структуру китайского общества, привели к смене социальных ориентиров и переоценке традиционных ценностей, под которыми в данном случае подразумевается совокупность, идей, представлений и соответствующих им социально-психологических установок, стереотипов поведения, определяющих жизненные цели людей.

Свобода информационных потоков, коммерциализация массовой культуры и определенная конкуренция традиционных и "западных" ценностей на уровне массового сознания — таковы последствия реализации политического курса открытости внешнему миру. Все эти факторы неизбежно нашли свое отражение в ценностных ориентирах молодежи, процессах социальной преемственности. Поиск своего пути в новых социально-экономических условиях, ориентация на самореализацию, быстрое статусное продвижение и, одновременно, объективная сложность социальной адаптации обуславливают специфический характер социализации современных китайских подростков. В непростых условиях переходного периода особую значимость приобретают вопросы идентификации молодежи, поскольку формируемая в молодежной среде система ценностей станет в недалеком будущем основой социальной культуры КНР. В настоящее время в Китае проживает более 300 млн молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет¹, группа населения от 0 до 28 лет составляет около 600 млн человек, т.е. почти половину населения страны.

Почагина Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Совершенно очевидно, что современное общество отличается от традиционного количеством и сложностью исторических и социальных перемен. Чем интенсивнее идут процессы социально-экономической трансформации, тем разительнее отличия между представителями разных поколений. Молодежь, как правило, наследует далеко не все культурные ценности и социальные нормы, а только те, которые соответствуют новым социально-экономическим условиям.

Конфликтность отношений между поколениями на современном этапе связана с тем, что далеко не все традиционные ценности и поведенческие стереотипы отражают современные реалии, однако они продолжают существовать в жизни старших поколений и навязываются молодым традиционной системой семейного воспитания. При этом необходимо отметить, что с 80-х годов образование в Китае сориентировано на "сохранение лучших традиционных ценностей и формирование новых ценностей, отвечающих вызовам модернизации". Безусловно, достичь этого сочетания очень непросто. Стремление противостоять натиску моральных стандартов современного западного общества вынуждает правительство КНР четко очерчивать систему национальных нравственных и социальных ориентиров и усиливать работу в учебных заведениях по воспитанию "современного человека". По мнению вице-президента АОН Китая Ли Теина, без духовных основ и культурной традиции невозможно формирование единого общества, способного сохранять стабильность. В настоящее время в КНР сформулирована ценностная концепция развития. Суть ее состоит в том, что "будущая судьба Китая неразрывно связана с развитием, поэтому ценностные представления китайской нации должны следовать за эпохальными переменами и модернизацией"². Уделяется серьезное внимание проблеме единства государственных, коллективных и индивидуальных интересов — проблеме, которая составляет один из основных моментов в исследовании ценностных представлений китайской нации и тенденций их трансформации, особенно в молодежной среде.

Действительно, в современном китайском обществе наиболее острые конфликты и столкновения происходят именно в сфере нравственных представлений, которые являются неотъемлемой частью ценностных ориентаций. Модернизация поставила на повестку дня проблемы духовного наследования. Восприятие общества современной китайской молодежью сопровождается определенным протестом, связанным с неприятием традиционного образа жизни, обостренным сознанием "личных потребностей", стремлением противопоставить традиционной системе модернизированную систему ценностей, включающую в себя компоненты западной культуры. Налицо также и определенный вызов старшим поколениям, проявляющийся в одежде, прическах, музыке, танцах, либерализации сексуальных отношений и нормах поведения в целом.

Мне могут возразить, утверждая, что конфликт "отцов и детей" существует на протяжении всей истории человечества. Да, это так, но суть и глубина отношений между поколениями и степень их конфликтности изменились с переходом от традиционного к индустриальному и постиндустриальному обществу. В семье закладываются основы ценностного мира ребенка, общепринятых социокультурных нормативов. Семья в обществах всех типов является институтом социализации, однако ее роль в процессе становления личности и вклад в усвоение культурных ценностей и норм имеют свои отличия. Так, в традиционном обществе семья, семейно-родственная группа играют определяющую роль в социализации индивида. В индустриальном и постиндустриальном об-

щества к процессу социализации подключаются другие институты: дошкольные детские учреждения, учебные заведения, неформальные объединения, группы по интересам, трудовые коллективы.

Структура семьи в Китае во второй половине XX в. претерпела существенные изменения, что повлекло за собой трансформацию семейно-брачных, семейно-родственных отношений, гендерных ролей в семье и обществе. Семья из расширенной, в состав которой входило как минимум две супружеские пары (родителей и состоящего в браке старшего сына) плюс другие дети, не состоящие в браке, плюс дети старшего сына, превратилась в нуклеарную, состоящую из супругов и их не состоящих в браке детей. По данным Всекитайской переписи 2000 г., в КНР насчитывалось 348,37 тыс. семей, средний размер семьи составлял 3,44 человека. В 1990 г. этот показатель составлял 3,96 чел.² Количество нуклеарных семей постоянно растет, сейчас они составляют более 60% от общего их числа⁴.

Ребенок, живший в расширенной семье, с раннего детства вступал в семейно-родственные отношения со значительным количеством близких родственников, наблюдал и неосознанно усваивал стереотипы поведения и нормы взаимоотношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами. В современной городской семье ребенок, особенно если он единственный, лишен таких возможностей ежедневного общения, круг его контактов часто ограничивается родителями, у которых при нынешнем ритме жизни не хватает времени на полноценное общение с ним. Это, естественно, сказывается на его представлениях о семейной жизни. Рост в Китае юношеских субгрупп связан с возникновением у подростков чувства одиночества, непонятости в семье. В определенном смысле эти группы занимают место семейно-родственных групп, утрачивающих свое значение в современном обществе.

Образование, интересная работа, карьера, пространственная и социальная мобильность, потребительство, компьютеры, развлечения, деньги, сексуальная либерализация — таковы новые ценностные ориентации современной городской молодежи⁵. Реформы и политика открытости затронули глубинные основы китайского общества. Сегодняшние 20-летние — это по сути первое поколение китайской молодежи, выросшее в условиях реформ, открытости и либерализации. Их родители воспитывались и жили в полной зависимости от государства, в период господства системы, гарантировавшей “железную чашку риса”, занятость на одном предприятии или в коммуне, как правило, в течение всей жизни, крышу на головой. В сегодняшнем Китае ответственность за обеспеченность жильем, образование, состояние здоровья, занятость, пенсионное обеспечение каждый гражданин несет самостоятельно.

Ниже рассматриваются основные тенденции, связанные с изменением отношения городской молодежи к браку и семье, что чрезвычайно важно для понимания особенностей социализации будущих поколений, развития и функционирования института семьи в КНР в XXI веке.

Согласно учению Конфуция, семья играет структурообразующую роль в обществе и имеет важное значение в становлении его моральных устоев. Представления о семье в Китае не подвергались сомнению и изменению более двух тысячелетий. Закон КНР о браке 1950 г. объявил вне закона существовавшую ранее систему семейно-брачных отношений, заложив демократические (и в принципе абсолютно чуждые китайскому менталитету) основы института

брака и семьи — свободное вступление в брак, свободное расторжение брака, равенство мужчины и женщины в браке, единобрачие.

Как это ни парадоксально, но быстрое экономическое развитие ослабляет семейные и семейно-родственные связи. В условиях рынка молодых людей больше занимают не морально-этические вопросы, а проблемы: как выжить, как и какое получить образование, как заработать, куда вложить заработанные средства. Социально-экономические процессы последних двух десятилетий, реальные изменения, произошедшие в родительских семьях, либерализация взглядов на отношения полов, повышение образовательного уровня и статуса молодых женщин обусловили формирование новых (по сравнению с традиционными) представлений молодежи о браке и семейных узах.

Любовь и Интернет. В современном Китае созданию городской семьи предшествуют скорее не сватовство и переговоры семей о заключении брака, а знакомство молодых людей и период ухаживания. В крупных городах молодые люди открыто выражают свои чувства. На улицах и в парках Пекина и Шанхая, где наиболее заметны результаты политики модернизации, можно увидеть влюбленных, которые держаться за руки или целуются.

Средства массовой информации, художественная литература и фильмы, способствовавшие в последние десятилетия широкому распространению концепции любви, привели к росту сексуальной активности подростков и молодежи. Ожидание любви, свободное общение молодых людей ведет к трансформации традиционных взглядов, полностью отрицавших возможности добрачного полового общения между будущими супругами (невеста должна была быть целомудренна и чиста) и полового общения вне рамок брака (за исключением возможности посещения публичных домов мужчинами). Кроме того, интерес молодежи к сексуальным отношениям подогревается и возникшей секс-индустрией. Сейчас в КНР функционирует более 2000 секс-шопов с оборотом 20 млн долл. в год⁶.

Годы реформ и открытости характеризуются интенсивным формированием новых обрядов ухаживания, практически отсутствовавших в традиционном Китае. В сельской местности, например, оно представляет собой серию встреч в компании друзей или родственников. В городах молодежь пользуется большей свободой общения и ухаживание отличается некоторым разнообразием — прогулки в парках, посещение кинотеатров, дискотек, ресторанов, визиты к друзьям. Ухаживание сопровождается обменом подарками, что выделяет этот тип формирующихся отношений из ряда других. Подарки и цветы воспринимаются девушками как знаки внимания и доказательство любви.

С каждым годом все популярнее становится праздник Св. Валентина (14 февраля), католического покровителя влюбленных. Девушки и юноши обмениваются в этот день “валентинками” и подарками, открывают свои чувства друг другу. Седьмой день седьмого лунного месяца (праздник Пастуха и Ткачихи), который в традиционном Китае считался наиболее благоприятным для того, чтобы рассказать о любви своей избраннице и заручиться поддержкой звезд, постепенно утрачивает былые позиции. Современная молодежь чаще всего знакомится в учебных заведениях или в учреждениях и на предприятиях. В последние годы молодые люди стали активно посещать клубы, различные музыкальные концерты, интернет-кафе, расширив таким образом возможности для неформального общения.

С распространением в КНР компьютеров и Интернета (в 2002 г. в стране насчитывалось 45,8 млн его пользователей¹⁾) все большее количество молодежи завязывает с их помощью романтические отношения и даже вступает в браки "он-лайн". У некоторых такие отношения заканчиваются созданием реальной семьи, у других — единственной встречей в реальном пространстве, у третьих — только общением в виртуальном мире². Китайские специалисты полагают, что Интернет играет важную роль в распространении свободных взглядов на секс. Несмотря на то, что любовные связи в виртуальном пространстве всего лишь игра, она все же бросает серьезный вызов традиционной этике, семейным ценностям (верность, преданность, приоритет семейных интересов перед личными и иными интересами, солидарность), формируя у молодого поколения несерьезное отношение к браку и супружеским обязанностям, что, бесспорно, не может не вызывать беспокойства³.

Критерии выбора брачного партнера. С каждым годом в Пекине растет число брачных агентств, сейчас их насчитывается более 500. Молодежь отдает предпочтение не случайным знакомствам, а подбору будущих супругов сотрудниками брачного агентства. Услугами агентств пользуются около миллиона жителей столицы, это позволяет подобрать спутника жизни в соответствии с четко определенными критериями и представлениями о будущем супруге. Китайские социологи связывают этот бизнес с западным образом жизни. Однако, с нашей точки зрения, это не совсем так, поскольку традиционно в Китае был развит институт свах, которые подбирали супружеские пары в соответствии с интересами родственников будущих молодоженов. Традиционные свахи вытеснены брачными агентствами, которые выполняют в обществе ту же функцию, исходя, однако, уже из запросов индивидов и на основе электронных баз данных.

Особо подчеркнем, что уровень ожиданий, связанных с семейной жизнью и ее качеством, а также уровень требований, предъявляемых супругам, в последние годы значительно повысились. Занятость, распространение западных ценностей, боязнь заразиться венерическими заболеваниями и СПИДом — таковы официальные объяснения этого феномена. С нашей точки зрения, молодежь обращается в брачные агентства еще и из-за проблем с общением, психологическими трудностями в завязывании отношений со сверстниками. Выросшие в однодетных семьях, живущие в многоэтажных домах, ориентированные на успешную учебу и карьеру, не имеющие практически свободного времени молодые люди нередко замкнуты, застенчивы и нерешительны, что мешает налаживать межличностные контакты. Более того, в традиционном обществе имела место сегрегация полов (предубеждения против того, чтобы юноши и девушки проводили свободное время наедине), сдерживание выражения чувств, что в определенной степени все еще осложняет общение молодежи. Обращение в брачные агентства значительно облегчает процесс знакомства и начало отношений между потенциальными супругами. Подсознательно молодой человек или девушка страхуют себя таким образом от неудачи, возможного отказа от отношений и отрицательного опыта в общении. Сама собой отпадает необходимость узнавания интересов, вкусов, профессиональной принадлежности будущего супруга. В агентстве они сразу получают ответы на все интересующие вопросы. Более того, они узнают и те требования, которые предъявляет к будущему супругу их потенциальный избранник или избранница. Согласно материалам социологического опроса, проведенного в Гонконге в

супруга не имеет отношения к чувствам. Современные молодые китайцы с удовольствием участвуют в дискуссиях на темы любви, брака и семьи, они не принужденно делятся своими мечтами о любви и своих отношениях с представителями противоположного пола. Еще 50 лет назад это было немыслимо. До образования КНР 95% бракосочетаний были принудительными и сопровождалась обязательным выкупом невесты. За годы существования республики ситуация кардинальным образом изменилась: доминирующим стал свободный брак — более 70% браков заключаются по обоюдному желанию мужчины и женщины или с учетом мнения их родителей¹².

Добрачные сексуальные отношения и безбрачие. Традиционные представления о том, что каждый обязательно должен создать семью, постепенно слабеют вместе со снижением уровня социального давления на индивида, которое в традиционном обществе было по данному вопросу чрезвычайно сильным. Холостяки в традиционном Китае подвергались жесткому моральному осуждению, экономической и правовой дискриминации. Холостяк — полчеловека, неженатые мужчины в деревне подвергались остракизму и издевательствам. Нежелание создавать семью рассматривалось как безнравственное поведение, поскольку такой человек не думал о продолжении рода, что, согласно конфуцианским представлениям, являлось его долгом перед предками. Рождение внебрачных детей также осуждалось обществом и считалось позором для женщины и ее семьи.

В настоящее время определенная часть городской молодежи предпочитает не связывать себя узами брака. Любовные и романтические отношения далеко не всегда приводят к созданию семьи. Влюбленность, любовь и брачные отношения формируют в настоящее время разные типы взаимоотношений между полами. Молодежь откладывает вступление в брак по разным причинам. Так, например, в Шанхае 500 тыс. молодых людей, достигших брачного возраста, не состоят в браке. Средний возраст вступления в брак достиг рекордных показателей: у мужчин — 27, у женщин 25 лет¹³ (при брачном возрасте 22 и 20 лет соответственно). Отметим, что более позднее вступление в брак (по сравнению с традиционным обществом) — это тенденция, характерная как для города, так и для сельских районов КНР. Большинство молодых людей считают, что семью можно создавать, имея материальную базу и жилье в возрасте 25-29 лет, а некоторые полагают, что это лучше делать после 30.

Среди городской молодежи все популярнее становится идея о возможности иметь серьезные отношения без обязательного вступления в брак. Обратим особое внимание, что статья 8 Закона КНР о браке в 2001 г. была дополнена положением, требующим обязательной регистрации брака. Таким образом, в китайском семейном праве не признается законным так называемый гражданский или фактический брак. Данная поправка внесена в закон с целью максимального ограничения распространенной не только в городах, но и в сельских районах практики супружеских отношений без регистрации. В том случае, если лица, состоящие в подобного рода отношениях, обращаются в народные суды с имущественными или иными исками, они, в соответствии с новой редакцией закона, должны в первую очередь зарегистрировать брак, и только после предъявления свидетельства о браке народные суды принимают иски к делопроизводству.

Внесение этой поправки в закон прежде всего отвечает интересам государства, обеспокоенного ростом фактических браков и сложностями, возникаю-

щими в этих условиях с реализацией достаточно жесткой демографической политики. Объявление вне закона фактических браков — попытка изменить негативную ситуацию, заставив всех, вступающих в брачные отношения, официально оформлять их в органах регистрации, что позволит государству эффективнее контролировать рождаемость¹⁴.

Китайские социологи и психологи в крупных городах зафиксировали феномен, названный ими “брачной фобией”¹⁵. Причины, которые обуславливают нежелание молодежи создавать семью — разные. Все их объединяет, как считает профессор Шанхайского центра психического здоровья Чжан Хайинь, неправильное понимание института брака. Эгоцентризм становится характерной чертой современного общества. В традиционном обществе индивид всегда являлся частью родственной группы, ее интересы были приоритетными, интересы индивида рассматривались в рамках групповых. Особенно четко эта тенденция проявлялась в вопросах заключения браков, интересы родственной группы всегда доминировали. Брак считался уникальной возможностью увеличить экономический потенциал семьи, расценивался как способ повышения социального статуса. Признание в современном обществе интересов личности, выделение индивида из родственной группы, естественно, привело к всплеску эгоизма, эгоцентризма и нарциссизма.

Свободные сексуальные отношения без особых обязательств и ведения общего хозяйства более привлекательны для многих молодых людей, выросших в однодетных семьях. Необходимость нести финансовую ответственность, решать ежедневные бытовые проблемы, хранить верность одному партнеру, ограничивать личную свободу — таковы основные мотивы, по которым молодые люди не желают создавать семью. Распространяется мнение, что вступление в брак — это рискованное предприятие, которое может обернуться разводом и проблемами, связанными с ним. Такого рода пессимистическое отношение к браку характерно для молодых людей, уже имевших опыт сексуальных связей и переживших разочарование в отношениях с противоположным полом, что и породило у них сомнения в необходимости создания семьи.

Еще одна тенденция, обуславливающая нежелание молодых людей вступать в брак, — это позднее, по сравнению с традиционным обществом, созревание личности, психологическая неготовность к созданию семьи, к выполнению роли мужа/жены, неумение строить долговременные межличностные отношения, инфантилизм. Так, девушки, теоретически мечтающие о любви, семье и детях, при предложении вступить в брак испытывают неуверенность и нежелание ограничивать свою жизнь исключительно семьей и домом. В принципе психологи считают нормой некоторое беспокойство накануне свадьбы, поскольку она знаменует собой новый этап жизни. По всей видимости, у китайцев в этом случае играют негативную роль традиционные стереотипы семейной жизни и отношений в родительских семьях. Однако имеет значение и нежелание потерять только-только обретенную личную свободу, свободу выбора и жизненные перспективы.

Согласно материалам многочисленных социологических опросов, проводимых в КНР (как правило, в крупных городах), цифры характеризующие толерантное отношение молодежи к добрачным сексуальным связям колеблются от 19%¹⁶ до более чем 33%, причем молодые люди в возрасте до 20 лет и горожане относятся к добрачным связям терпимее, чем лица старше 30 лет и жители сельских районов. 50% молодых мужчин считают добрачные связи допус-

тимыми, аналогичный показатель среди женщин составляет лишь 28%. Более 23% молодых людей имели сексуальные отношения в период обучения в высших учебных заведениях¹⁷.

Согласно опросу 1300 человек, проведенному Академией общественных наук Китая среди студентов пекинских вузов и лиц в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих высшее образование и ученые степени, 88% респондентов отметили, что хотели бы создать семью, 96% считают брак важной частью жизни индивида, 59% полагают, что любовь должна быть основной мотивацией для создания семьи, 93% сообщили, что хотели бы иметь детей¹⁸.

Материалы исследований, проведенных в Гонконге, так же свидетельствуют, что взгляды молодежи на сексуальные отношения становятся с каждым годом все более либеральными. Так, 91% респондентов высказались за необходимость сексуального образования, включая знания о контрацепции, только 35% считают добрачные сексуальные отношения недопустимыми (в 1997 г.— 45%), 58% считают возможным прерывание нежелательной беременности до брака, 22% полагают, что можно иметь более одного сексуального партнера¹⁹. Согласно он-лайн-опросу, проведенному на сайте Sina.com в 2003 г. 17% респондентов в возрасте от 24 до 33 лет, участвовавших в опросе, имели более десяти сексуальных партнеров и почти 12% участвовали в групповом сексе. Профессор социологии Ли Иньхэ считает, что хотя в КНР не звучат лозунги “свободной любви”, однако практические достижения в этой сфере впечатляют. Она полагает, что через 20 лет Китай в этой области “догонит” западные страны²⁰.

Некоторые китайские специалисты расценивают сексуальные отношения без заключения брака, которые получают все более широкое распространение среди молодежи, как проявление безответственности и эгоизма, как фактор, пагубно влияющий на общественное развитие и ситуацию в обществе в целом²¹. Однако, общеизвестно, что в условиях свободы расторжения брачных уз официальное оформление брака автоматически не повышает ответственности молодых людей друг перед другом и не делает личность более зрелой. Старая китайская поговорка сравнивает вступление в брак с выбором обуви. Суть ее состоит в том, что не узнаешь впору ли тебе пара, пока не примеришь ее. Поговорка, с одной стороны, поощряет вступление в брак, сводя на нет опасения и страхи, а с другой вроде бы не осуждает многократную “примерку”, что было в принципе невозможно в традиционном обществе (женщина не имела права на повторный брак, обычный мужчина, как правило, был связан массой обязательств, значительно затруднявших расторжение брака).

Данную тенденцию можно рассматривать как следствие либерализации взглядов на взаимоотношения полов. Личность, которая освободилась от традиционного давления семьи и социума в сфере принятия решений относительно создания семьи, делает свой свободный выбор не обязательно в пользу брака. Это своеобразная плата за демократизацию семейных отношений и свободу личности. Часть современной молодежи считает возможным осуществлять “примерку” без официального оформления своих отношений. Если партнеры не устраивают друг друга, они расстаются без лишних процедур, а если их чувства и отношения проходят проверку временем и проблемами, они оформляют их. В так называемых пробных браках, с нашей точки зрения, нет ничего ужасного, т.к. оформление брака как таковое не способствует стабильности семьи.

Тем не менее, складывающаяся ситуация требует от родителей и образовательных учреждений особого внимания: необходимо, чтобы молодые люди своевременно получали достоверную и полную информацию об особенностях сексуальных отношений и были хорошо образованы в данной сфере, дабы избежать негативных последствий (венерические заболевания, ранние нежелательные беременности и т.п.). Дело в том, что в последние годы в КНР быстрыми темпами стали распространяться заболевания, передаваемые половым путем. В 2000 г., согласно официальной статистике, в стране насчитывалось более 8 млн больных венерическими болезнями, ежегодно число заболевших увеличивается на 40%, 500 тыс. китайцев больны СПИДом. Если раньше считалось, что проблема венерических заболеваний — это проблема Запада, то сейчас и в Китае настало время приниматься за ее решение. Газета “Чайна дейли” пишет о том, что система здравоохранения не справляется с распространением сифилиса и гонореи, а зам. директора Центра контроля за венерическими заболеваниями и проказой министерства здравоохранения КНР Чжан Гочэн полагает, что многие врачи не имеют достаточного опыта для борьбы с этими заболеваниями²². Эксперты считают рост венерических заболеваний следствием “сексуальной революции”, распространения внебрачных отношений и недостатков сексуального воспитания подростков.

Родители, по словам подростков, избегают разговоров на сексуальные темы, считая, что на интересующие вопросы им должны отвечать в школах и колледжах. Несмотря на то, что сексуальное образование включено в программу средней школы, учителя так же смущаются при подобных вопросах и отсылают подростков к учебникам без каких-либо обсуждений в классе. В школьном курсе акцент сделан на медицинские аспекты, вопросы же, связанные с методами контрацепции, не освещаются. Это вызвано опасениями, что такого рода информация будет провоцировать учащихся на ранние сексуальные контакты²³. Китайские специалисты, тем не менее, согласны, что проблема сексуального воспитания и образования существует. Они признают насущную необходимость улучшения методики и уровня преподавания. Проф. Гэн Вэньсю считает, что школьники должны изучать семейные традиции и ценности, получать представления о моральных нормах, связанных с отношениями противоположных полов. Недостаточное сексуальное воспитание ведет к тому, что подростки обращаются к другим источникам: газетам, порнографическим журналам, видеофильмам, интернет-сайтам. Так, в Гонконге в 2000 г. был проведен социологический опрос детей от 12 до 18 лет, согласно материалам которого 41% респондентов ответили, что они замечали порнографические страницы в газетах и журналах, 16,6% смотрят и читают их, причем 61,7% детей и подростков сказали, что их родители знают, что они читают порнографические материалы и статьи, связанные с насилием, у 9,6% литература такого рода имеется дома, 94,2% отметили, что порнографические материалы и статьи, связанные с насилием, доступны, 70,1% — считают любопытство основной причиной того, почему подростки и молодежь читают такого рода газеты и журналы²⁴. Согласно официальной статистике, число преступлений, совершенных молодыми людьми, составляет 70% от общего числа преступлений, причем 30% из них совершаются на сексуальной почве²⁵. Ведущий эксперт в области сексологии Лю Далинь полагает, что сексуальное воспитание необходимо начинать уже в начальной школе.

Распространение добрачных сексуальных отношений сделало актуальной еще одну — новую для Китая — проблему нежелательной беременности незамужних женщин-подростков. В связи с улучшением питания и повышением уровня и качества жизни половое созревание молодых поколений в КНР наступает раньше. Так, в соответствии с данными научно-исследовательского института планового деторождения г. Чунцина, в начале XXI века в Китае возраст полового созревания составляет 12-13 лет. Увеличение числа добрачных половых связей и случаев беременности подростков становится серьезной проблемой. В Чунцине в начале 2003 г. открыт первый в КНР Центр экстренной контрацептивной помощи подросткам и молодежи. Центр бесплатно предоставляет молодым незамужним женщинам противозачаточные препараты и контрацептивные средства. В случае нежелательной беременности Центр бесплатно оказывает услуги по прерыванию беременности. В Центре имеются горячие телефонные линии, по которым девушки могут получить необходимые консультации²⁶. Конечно, один центр в национальных масштабах проблемы не решает, но демонстрирует понимание ситуации и пути ее решения.

Бездетность и принятие решения о рождении ребенка. Приоритет карьерных соображений и рациональный подход к вопросам воспитания ребенка в условиях чрезвычайной занятости обоих супругов привели к тому, что в КНР сейчас насчитывается более 17 млн. супружеских пар (21% их проживает в крупных городах), которые не желают заводить детей. Такие семьи китайские социологи называют специальным термином “двойной доход и никаких детей”. Он отражает жизненную позицию супругов. Что касается социальной принадлежности супругов данной категории, то это — молодые служащие и бизнесмены. Так, по данным Союза женщин Шанхая, 10% потенциальных мам, занятых в бизнесе, на вопрос об их планах иметь детей отвечают отрицательно. Исследователи этой новой для Китая проблемы, которая зафиксирована и в других азиатских странах, считают, что одна из основных причин, по которой молодежь стремится оставаться бездетной, состоит в том, что они боятся лишиться личной свободы и не хотят брать ответственность за содержание и воспитание потомства, желают уделять больше времени себе, взаимному общению и друзьям. Исследование, проведенное в 2000 г. в Пекине, Шанхае, Чэнду и Гуанчжоу, показало, что около 20% девушек и молодых женщин, создав семью, не хотят иметь детей. Традиционные воззрения, что “дети — гарантия обеспеченной старости” и “чем больше сыновей, тем больше счастья”, уходят в прошлое и не влияют на принятие решений о рождении ребенка²⁷.

В традиционном обществе брак был для женщин практически единственным способом обеспечения средств к существованию, дети — единственным смыслом их жизни, до замужества они были зависимы от отца, потом — от мужа, после смерти мужа — от старшего сына. В современном обществе к традиционным ценностным ориентациям девушек (брак, семья, дети) добавились новые: получение образования, профессии, карьерный рост (теперь средства существования дает профессиональная деятельность), независимость от родителей и, по возможности, финансовая самостоятельность в браке.

Молодые женщины, потратившие много денег, сил и времени на обучение, карьерный рост, не могут позволить себе уйти в декретный отпуск, сведя таким образом все свои усилия на нет. Они боятся потерять квалификацию, остаться без работы, выпасть из деловой жизни. Их страхи имеют под собой

основания: несмотря на принятые законы, защищающие интересы молодых матерей, компании находят способы избавляться от них.

Молодые китайки, которые видят возможности совмещения карьеры и воспитания ребенка, часто считают, что у их детей незавидное будущее. Поскольку дети будут отданы на воспитание няням и не получают от матерей и отцов необходимого количества тепла и любви, они не смогут быть с родителями по-настоящему близкими людьми. Действительно, массовое вовлечение женщин в общественное производство объективно сокращает время, которое они уделяют семейным заботам, рождению и воспитанию детей. Сохранение неформальных связей нуклеарных семей с родительскими семьями супругов или семьями других родственников (братьев, сестер и т.п.) позволяет передавать родственникам ряд традиционных семейных функций, освобождая тем самым молодую семью для успешной карьеры, бизнеса или интенсивной трудовой деятельности ради быстрого роста материально благосостояния.

Анализируя феномен нового репродуктивного поведения части молодежи, можно выделить несколько его причин: 1) политика ограничения рождаемости, которая не могла не сказаться на отношении молодежи к детям; 2) активная пропаганда того, что каждый гражданин несет главную ответственность за свое обеспечение в старости и должен заботиться о ней заблаговременно (такая установка отражает все возрастающее влияние рыночной экономики); 3) специфические потребительские установки, которые трансформируют семейный быт, формируют в городах отличный от традиционного образ жизни молодой семьи; 4) средства массовой информации и реклама, формирующие определенный тип внутрисемейного потребления и отношения к детям; 5) в массовой культуре с каждым годом все активнее пропагандируется тема секса (печать и телевидение широко рекламируют гиперсексуальность). Сексуальность и секс представляются как неотъемлемые компоненты образа жизни. Идет процесс разъединения мотивов сексуальных отношений и деторождения в массовом сознании молодых людей. Сексуальность больше не связывается исключительно с продолжением рода, приобретая самостоятельное значение. Сексуальные отношения становятся самоцелью. Таким образом, репродуктивная функция взаимодействия полов, характерная для традиционного общества, начинает вытесняться рекреационно-гедонистической. Из-за распространения новых стандартов поведения, связанных с начинающейся в Китае "сексуальной революцией", секс и функция деторождения вступают в некоторое противоречие. Выбор между материальным благосостоянием, сексуальной свободой и детьми делается часто не в пользу последних. Будучи вырванными из устойчивой традиционной системы патриархальных установок, где рождение наследника было главной целью брака, долгом человека перед предками и обществом, репродуктивное поведение современной городской молодежи формируется исходя из соображений личного успеха, социальной мобильности, материального благосостояния, престижного потребления и накопления. В традиционном же обществе репродуктивное поведение определялось не только внутрисемейными интересами (увеличение количества рабочих рук в семье, продолжение рода, обеспечение в старости, культ предков), но имела и сильная семейно-групповая мотивация (увеличение численности семейно-родственной группы, потенциал расширения круга родственных связей).

Представления о семейной жизни. У представителей различных возрастных групп молодежи существует проблема несоответствия представлений

о семейной жизни. Так, некоторые мужчины более склонны к консервативной модели патриархального типа, им удобнее иметь послушную жену, воспитанную в традиционном духе, ориентированную исключительно на ведение хозяйства, воспитание детей и уход за мужем. Интересно, что к традиционным ценностям сейчас обращаются молодые мужчины — представители формирующегося среднего класса, что, по всей видимости, повышает их самооценку (они могут позволить себе содержать неработающую жену и детей). Молодые женщины, напротив, ориентированы на равноправные отношения в семье, совместное ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Другими словами, они ставят достаточно высокую планку для потенциальных мужей, что в определенной мере осложняет им поиск спутника жизни, а, впоследствии, и семейную жизнь.

По мнению китайских психологов, в современном обществе, особенно в последнее десятилетие, резко возросло количество людей, страдающих от стресса, эмоционального и психологического дискомфорта, что обусловлено ускорением темпа жизни, многочисленными противоречиями между новыми и традиционными представлениями, нормами, стереотипами поведения и мышления. В связи с этим в китайских городах появились службы психологической помощи, консультационные центры “семья и брак”, телефоны доверия. Наибольшей остротой характеризуются проблемы семьи и брака, включающие отношения между супругами, родителями и детьми. Традиционная семья существенно отличается от современной семьи, что, к сожалению, не осознается носителями и сторонниками традиционных семейных ценностей и порождает семейные конфликты.

Отношение к расторжению брака. “Продвинутые”, отличающиеся от родительских взгляды молодого поколения сказываются и на восприятии качества семейной жизни, мотивов и возможности расторжения брака. Растет число разводов, причем одной из основных причин, по которым расторгаются браки, является неудовлетворенность женщин сексуальной жизнью, что было просто немыслимо для традиционного и даже для социалистического общества 70-х годов XX в. За последние два десятилетия китайские молодые женщины значительно повысили свой образовательный уровень, выросли их личные доходы, они обрели новый социальный статус, почувствовали, наконец, его преимущества. Теперь китайки не просто хотят выйти замуж, они хотят найти достойного партнера, а в случае неудачного брака продолжить поиск, устроив личную жизнь в соответствии со своими представлениями о счастье. Молодежь пошла дальше своих родителей, которые, хотя и имели право на развод, но не часто им пользовались, т.к. находились под неусыпным надзором трудовых коллективов, комсомольских и партийных организаций, под давлением общественного мнения, негативно воспринимавшего расторжение брака. Современные молодые люди в этом смысле более свободны. Комментируя проблему продолжающегося роста разводов, профессор Академии общественных наук Китая Лю Чаншэн отметил, что это нормальное явление, которое отражает изменение взглядов горожан на брак в процессе развития общества. Люди придают все более важное значение качеству брака. Однако, по его мнению, непрерывный рост бракоразводных дел чреват также негативными последствиями для общества, к примеру, в воспитании детей и т.п.²⁸

Различия в представлениях о семейной жизни, обязанностях мужа и жены, характере отношений между ними, часто приводят к неудовлетворен-

ности семейной жизнью в молодых семьях и разводам. За десять лет, с 1981 по 1991 гг., доля разводов в Китае возросла с 3,7 до 8,7%. В 1995 г. она уже составляла 23,8%, а в 1996 г. — 25%. Ожидается, что в ближайшие годы показатель разводов будет продолжать расти²⁹. Ежегодно в брак в Китае вступают около 9 млн пар. В 2000 г., согласно официальной статистике, в брак вступили 8,48 млн пар, 1,21 млн пар расторгли супружеские отношения³⁰. Особенно велико количество разводов в крупных городах. Быть разведенным в Китае сейчас уже не считается предосудительным, как это было еще совсем недавно. Развод больше не считается унижительным актом и, как и бракосочетание, является важным дополнением свободы брака. Согласно статистике, в Пекине, провинциях Шаньси, Цзянси, Хэйлуунцзян более 70% разводов были инициированы женщинами. Эти цифры свидетельствуют об укреплении социально-экономического положения женщин, их равноправии и независимости, кардинальных изменениях общественных взглядов на брак. Трансформация взглядов на семью и брак выражается и в заключении повторных браков, восстановлении супружеских отношений разведенных.

Представления о внутрисемейных отношениях. Изменяется отношение к имущественным правам супругов. Молодые китайцы стали защищать свои имущественные права в браке. Статистика свидетельствует, что 1% из вступающих брак заключают брачный договор. Как правило, раньше молодые люди, вступающие в брак, не располагали значительным имуществом, сейчас в связи с поздним вступлением в брак и повторными браками ситуация меняется. Согласно материалам социологического опроса, проведенного в Пекине, Тяньцзине и Шанхае, 65% молодых людей и девушек, вступая в брак, хотят оформить брачный договор, чтобы избежать возможных имущественных проблем в будущем³¹. В последние годы вступающие в брак все чаще заключают такие договоры. Рост индивидуальных доходов сделал концепцию брачного договора реальностью. Статья 19 Закона КНР о браке признает законность имущественных договоров, заключенных супругами, и имущественные права личности, однако не делает такую практику обязательной при заключении брака³².

Современные внутрисемейные отношения характеризуются тенденцией к эгалитаризации, и это отражается на представлениях молодых людей о распределении ролей в семье. Молодое поколение не разделяет традиционных взглядов о том, что женщина должна заниматься исключительно домашним хозяйством и детьми. Оно полагает, что работа по дому, уход за детьми, их воспитание и образование — это обязанности, которые супруги должны выполнять вместе. Кроме того, муж и жена должны иметь общие духовные интересы, проводить досуг и отдыхать вдвоем или с детьми. Таким образом, идеальной моделью семьи, соответствующей современному обществу, считается модель, основанная на любви, принципах партнерства и разделения функций внутри семьи при совместном принятии супругами важных решений.

* * *

Модернизация оказала и продолжает оказывать значительное воздействие на институт семьи и брака. Представления молодежи о браке и семье подверглись серьезным изменениям, которые будут влиять на функционирование семьи в китайском обществе в XXI веке. Изменились представления о целях создания семьи. Если в традиционном обществе семья создавалась для продолжения рода, то в современном молодые люди, вступающие в брак,

стремятся обрести счастье, под которым понимают гармоничные семейные отношения, дающие возможности индивидуального развития и позволяющие им удовлетворить психологические и сексуальные потребности. Любовь стала частью концепции образа жизни и необходимым условием для создания семьи. Чувственность превращается в одну из поведенческих норм городской молодежи. Стали иными методы поиска брачного партнера и критерии его выбора, научно-технический прогресс затронул практически все сферы жизни молодежи. Значительно повысился уровень ожиданий, связанных с семейной жизнью и ее качеством. Появились такие новые для китайского общества явления, как сознательный отказ от брака, добрачные сексуальные отношения, пробные браки, бездетность (как сознательный выбор). Изменилось отношение к расторжению брака и повторным бракам, к внебрачным детям.

Подверглись трансформации и представления о гендерных ролях и внутрисемейных отношениях. Если в традиционном обществе структурообразующими были отношения отца и сына (если жена была неспособна родить сыновей, муж имел право расторгнуть с ней брак или взять наложницу), то в современном основными стали отношения супругов. Отношения родителей и детей играют второстепенную роль. Значительная часть молодых людей, выросших в нуклеарных семьях, считает нормой тесное взаимодействие супругов в экономической, эмоциональной сферах, совместное ведение хозяйства и принятие решений по важным для семьи вопросам.

Однако, несмотря на все перечисленные изменения в представлениях городской молодежи, семья в сознании молодых людей остается важной частью жизни человека. Около 90% хотят создать семью и иметь детей. Дети, в соответствии с традицией, продолжают рассматриваться как источник семейного счастья, при этом повысился уровень ответственности при принятии решения о рождении ребенка и изменилось понимание роли ребенка в жизни родителей.

С нашей точки зрения, многие из перечисленных новых тенденций являются не столько результатом влияния на китайское общество западного образа жизни (такая точка зрения распространена в китайских исследованиях), а объективными следствиями модернизации и связанными с ней социально-экономическими процессами. Изменяется место и роль человека в общественном производстве и обществе в целом, это не может не отражаться на институте семьи. Городская молодежь находится в эпицентре изменений, наиболее остро чувствует и быстрее реагирует на них. Она пытается адаптироваться, отказываясь принимать некоторые традиционные ценности, в том числе и в семейно-брачной сфере.

Анализ взглядов молодежи на семью и брак свидетельствует о том, что китайская городская семья все больше отдаляется от традиционной модели семьи и представлений о браке, развиваясь в соответствии с общемировыми тенденциями эволюции семейной организации (доминирование нуклеарного типа семьи, эгалитаризация внутрисемейных отношений, снижение роли экономической функции семьи, повышение статуса женщины, качества семейной жизни и т.п.).

---

1. Цифры получены на основе расчетов: в материалах Всекитайской переписи 2000 г. отсутствуют данные по возрастной группе 14-24 года, приводятся данные по возрастной группе 0-14 лет — 89,79 млн. человек. Кроме того, известно, что в рядах КСМК

- состоят 70 млн чел. (от 14 до 28 лет), что составляет 22% общей численности китайской молодежи. Согласно определению, разработанному ООН, молодежью считаются люди в возрасте от 15 до 24 лет.
2. Ли Теин. Формирование ценностных ориентаций китайской нации в XX в. // Современная китайская философия и западная философская синология. Эксперсс-информация: ИДВ РАН. М., 2003. № 1. С. 9.
  3. Communiqué on major figures of the 2000 population census (no. 1) National bureau of statistics. People's Republic of China. March 28, 2001.
  4. China Today. 2003. March 1.
  5. Time. 2002. October 23. Vol. 156. N 16; <http://www.hkfyg.org.hk/yrц/English/yp-ys-20-e.html>
  6. <http://news.bbc.co.uk/1/low/world/asia-pacific/369933-stm>
  7. <http://www.pcmag.co/uk/print/1133884>
  8. http://www.inq7.net/inf/2003/aug/21/text/inf_3-1-p.htm
  9. <http://english.peopledaily.com.cn/200101/20/61017.html>; Shanghai Star. 2003. June 24.
  10. <http://www.hkfyg.org.hk/yrц/english/yr-polls-81-e.htm>
  11. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. 1977. С. 231-232.
  12. Любовь, брак и семья у современных китайцев. Пекин, 1995. С. 2.
  13. Shanghai Star. July 7, 2002.
  14. Жэньминь жибао. 2001. 1 мая.
  15. Shanghai Star. July 7, 2002.
  16. People's Daily. May 8, 2002.
  17. <http://www.china.org.cn/english/2002/Sep/44656.htm>
  18. People's Daily. May 8, 2002.
  19. Youth Trends in Yong Kong 2000//<http://www.hkfyg.org.hk/yrц/English/yr-hkыt-00-e.html>
  20. <http://service.china.org.cn/link/wcm/67972/html>
  21. Ibid.
  22. <http://news.bbc.co.uk/1/low/world/asia-pacific/1009531.stm>
  23. Shanghai Star. June 24, 2003.
  24. <http://www.hkfyg.org.hk/yrц/english/yr-cim01-e.html>
  25. People's Daily. April 18, 2001.
  26. <http://china.kulichki.net/news/2003/02/00040/shtml>
  27. [China.org.cn/English/2002/Sep/44656.htm](http://china.org.cn/English/2002/Sep/44656.htm)
  28. Жэньминь жибао. 2002. 31 января.
  29. China aktuell. 1998. N 1. P. 16-17; Xu Anqi. The Status Quo: Characteristics and Trends of Divorce in China //Selected SASS Papers. Shanghai, 1996. P. 282-302.
  30. Наньфан чжоумо. 2000. 21 сентября.
  31. <http://english.peopledaily.com.cn/200012/12/57610.html>
  32. People's Daily Online. December 12, 2002.

История

Роль Кореи в политике США (1945-53 гг.)

© 2003

Д. Володин

Несмотря на установление в 1882 г. дипломатических отношений с США, Корея котировалась в американской внешней политике не очень высоко, особенно по сравнению со своими соседями — Китаем и Японией. Именно отсутствие у США сколько-нибудь значимых интересов в этой стране позволило американцам спокойно отнестись к объявлению Японией своего протектората над Кореей в 1905 г. Вместо этого США воспользовались случаем, чтобы провозвести своего рода политический размен и в обмен на невмешательство в корейские дела получили от японцев такую же свободу рук на Филиппинах¹. С этого момента и до конца Второй мировой войны Корея не рассматривалась как объект внешнеполитического интереса США. Вопрос о Корее вновь возник в американской повестке дня лишь в конце Второй мировой войны, когда пришло время решать проблему японских завоеваний в Азии.

Ряд авторов (К. Басс, Сун Сун Чо, Ким Хен Дон) полагают, что к середине 1945 г. США имели весьма расплывчатое представление о будущей политике в отношении Кореи, которая, по их мнению, принадлежала к значительному числу государств, претендовавших на получение независимости "в свое время". В основе такого решения лежала излюбленная идея Рузвельта, согласно которой освобождаемые от колониальной зависимости народы Азии должны быть поставлены под опеку великих держав, и им следует прививать демократические традиции. В случае с Кореей предполагалось, что ее международную опеку возьмут на себя страны, которые имеют реальную заинтересованность в ее будущем статусе.

Другие историки ставят под сомнение тезис об отсутствии у США стратегии в отношении Кореи. По мнению Брюса Камингса, "уже в начале осени 1943 г. аналитики из госдепартамента определили советский контроль над всей Кореей как вероятную угрозу безопасности США в Тихоокеанском регионе"².

Камингс считает, что США не просто имели четкую политику в отношении Кореи, но и сама эта политика существовала как бы на двух уровнях. На высшем уровне господствовала идея Рузвельта об опеке над Кореей, но это мнение не выходило за пределы его окружения, и "многие чиновники среднего звена, курировавшие Дальний Восток в госдепартаменте, пытались самостоятельно разработать политику США в отношении будущего Кореи".

Володин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института США и Канады.

Ряд специалистов увязывали появление Кореи в американских планах послевоенного устройства мира с переходом США от политики изоляционизма к глобальной стратегии.³ По мнению большинства авторов, решение США о вступлении в Корейскую войну стало логическим завершением выработки ими в послевоенные годы “доктрины сдерживания”. Автором этой доктрины считается Дж. Кеннан, который изложил ее в своей “длинной телеграмме”, посланной из посольства в Москве в Вашингтон 22 февраля 1946 г. С точки зрения Кеннана, компромисс с советской стороной был невозможен, поскольку “мы имеем политическую силу, фанатично преданную мысли, что с США не может быть постоянного *modus vivendi*, стремящуюся к разрушению внутренней гармонии нашего общества, разрушению нашего традиционного образа жизни, к слову внутренней основы нашего государства, чтобы советская власть была в безопасности”⁴. По мысли Кеннана, единственным выходом из этой ситуации могла быть постоянная готовность США отвечать силой на силу: “Невосприимчивая к логике разума, она (советская власть. — *Прим. авт.*) очень чувствительна к логике силы. По этой причине она может легко отступить, и обычно так и поступает, когда встречается с силой сопротивления в любой точке. Таким образом, если противник имеет достаточную силу и ясно дает понять о своей готовности ее использовать, ему редко приходится так поступать”⁵.

Телеграмма Кеннана послужила теоретической основой для подготовки в сентябре 1946 г. специальным советником президента Трумэна Кларком Клиффордом Доклада об “отношениях США с Советским Союзом”. По мысли Клиффорда, после окончания Второй мировой войны многие регионы стали уязвимы для расширения коммунистической экспансии. К таким регионам Клиффорд относил Балканы, Восточную Европу, Ближний Восток, Манчжурию и Корею. Клиффорд считал, что “если США не желают приносить в жертву свою будущую безопасность ради “согласия” с СССР сейчас, правительство в качестве первого шага к стабилизации в мире должно стремиться не допускать дальнейшей советской агрессии. Чем больше будет территория, контролируемая Советским Союзом, тем большие военные силы потребуются для пресечения дальнейшей советской экспансии”⁶. Поэтому задача США должна заключаться, с одной стороны, в недопущении расширения советской экспансии в таких районах, как Западная Европа, Ближний Восток, Китай и Япония, а с другой — в сохранении всех воздушных и морских баз в Атлантике и на Тихом океане.

“Доктрина Трумэна”, впервые прозвучавшая 12 марта 1947 г., стала логическим продолжением идей Кеннана и Клиффорда. Трумэн заявил, что политика США должна заключаться в поддержке свободных народов, которые противопоставят попыткам подчинения со стороны вооруженного меньшинства или внешнему давлению.

Однако на том этапе ни администрация, ни госдепартамент, ни военное руководство США еще не рассматривали сдерживание применительно к Корее. Подготовленный Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) 29 апреля 1947 г. документ “О помощи США другим странам с точки зрения национальной безопасности” отводил территориям в западной части Тихого океана последнее место в списке американских внешнеполитических приоритетов. В нем отмечалось, что “если нынешнее идеологическое противостояние в Корее приобретет вооруженный характер, Корея сыграет незначительную роль или вообще не сыграет никакой роли в поддержании нашей национальной безопасности. С этой точки зрения помощь Корее надо предоставлять, если остаются средства после значительной помощи странам, которые имеют первостепенную важность для США”⁷.

Ситуация резко изменилась в результате событий в Китае. К концу 1948 г., когда победа коммунистов в этой стране была близка, в госдепартаменте возобладала точка зрения, что значение Кореи выходит за рамки собствен-

но Корейского полуострова. 17 декабря 1948 г. Макс Бишоп, курировавший в нем регион Северо-Восточной Азии, составил секретный меморандум, в котором отметил, что "если коммунистический контроль над всем Корейским полуостровом станет свершившимся фактом, Японские острова будут окружены с трех сторон сплошной стеной коммунистической территории...и нам придется столкнуться с возрастающими трудностями в стремлении удержать Японию в сфере влияния США"⁸.

Все это привело к тому, что начиная с 1949 г. рассматриваются возможности распространения доктрины сдерживания на Корейский полуостров. 27 июня 1949 г. командование сухопутных войск США составило секретный перечень вариантов на случай "полномасштабного вторжения КНДР" как возможную реакцию на вывод американских войск из Южной Кореи. Документ определял три возможные реакции США: немедленную эвакуацию американцев из Кореи (после вывода американских войск в Южной Корее осталось 400 американских военных советников), постановку проблемы в Совете Безопасности ООН для немедленного рассмотрения, инициирование "полицейской операции" с санкции ООН с целью восстановления закона, порядка и границы по 38-ой параллели. Примечательно, что третий вариант был назван "ненадежным" и его рекомендовалось принять только в том случае, "если все другие методы потерпят фиаско".

Новым толчком к дальнейшей эволюции доктрины сдерживания послужило успешное испытание Советским Союзом в августе 1949 г. атомной бомбы. 31 августа 1949 г. президент Трумэн поручил госсекретарю и министру обороны подготовить документ о пересмотре американской внешней политики с учетом новых возможностей СССР. Госсекретарь США Дин Ачесон поручил эту работу руководителю отдела планирования госдепартамента Полю Нитце. Результатом ее стал документ СНБ-68, в основе которого лежала идея о необходимости масштабного увеличения военных возможностей США.

Трумэн, судя по его мемуарам, согласился с главным положением Кеннана-Нитце: противостояние носит глобальный характер и необходимо отвечать силой на силу в любой точке земного шара. Кроме того, он указывал еще две причины вступления США в Корейскую войну: пассивность свободного мира в этом вопросе могла привести к Третьей мировой войне, так как Вторая мировая война начиналась с похожих эпизодов; в случае бездействия в данном вопросе под угрозой оказывались основы и принципы ООН⁹. Как считало американское руководство, безучастность США в этом конфликте могла похоронить всю конструкцию ООН так же, как похоронили ее предшественницу — Лигу Наций — территориальные захваты Германии и Японии при попустительстве мирового сообщества в 1930-е годы.

По мнению Стивена Амброуза, решение американской администрации вступить в корейский конфликт диктовалось, в первую очередь, стремлением Трумэна распространить доктрину сдерживания в том виде, в котором она была изложена в директиве СНБ-68, на Азию. "Кризис в Греции и Чехословакии позволил Трумэну выбить деньги из Конгресса для сдерживания в Европе. Для того, чтобы выбить деньги из Конгресса для сдерживания в Азии, ему нужен был еще один кризис"¹⁰. Среди других причин Амброуз выделял стремление Трумэна убедить американский народ и демократическую партию, что он не идет на уступки коммунистам; поддержать позиции Чан Кайши на Тайване; сохранить американские базы в Японии; перевооружить Америку и НАТО¹¹.

Значение Корейской войны для американских вооруженных сил видно из следующих цифр. Еще до того, как Корейская война закончилась, военные расходы достигли своего пика — 50 млрд. долларов. Численность американских вооруженных сил, которые в июне 1950 г. насчитывали 1 461 000 человек, выросла за два года более чем вдвое.

Значительную долю ответственности за развязывание Корейской войны возлагают на американского госсекретаря Дина Ачесона. Выступая 12 января 1950 г. в национальном пресс-клубе, он заявил, что американский оборонный периметр проходит вдоль Алеутских островов к Японии и затем тянется к Филиппинским островам (таким образом, Тайвань и Южная Корея в этот периметр не вошли). В отношении территорий, которые не вошли в оборонный периметр США, Ачесон заявил следующее: "В случае угрозы другим территориям в Тихом океане, должно быть ясно, что никто не может защитить эти территории от военного нападения". И далее: "если такая атака случится, главная надежда должна быть на саму страну, которая подверглась агрессии, а также на обязательства всего цивилизованного мира, вытекающие из Устава ООН"¹². Сам Ачесон отвергал мысль о том, что спровоцировал своим заявлением северокорейскую атаку. По его словам, он лишь повторил мнение Д. Макартура и Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ).

Точку зрения Ачесона фактически подтвердил Джордж Кеннан. 5 марта 1948 г. у него, тогда советника госдепартамента, состоялась беседа с Макартуром, в которой генерал обрисовал новую роль Тихоокеанского региона в структуре американской национальной обороны. Как заявил Макартур, отныне стратегические границы США проходят не по западному побережью американского континента, а по восточному побережью Азии. Новая линия обороны включала в себя Алеутские острова, Окинаву, острова Рюкю, Филиппины¹³. Макартур, также не желая разделить славу одного из главных виновников Корейской войны, постарался возложить всю ответственность на ОКНШ, который "составил план стратегической обороны в Азии, основанный на предположении, что ни при каких обстоятельствах США не будут участвовать в военной защите Корейского полуострова"¹⁴.

По мнению Б. Камингса, то, что ни Макартур, ни Ачесон не включили Корею в периметр американской обороны в Азии не означало, что они бросали ее на произвол судьбы. Главная мысль Ачесона, которую он озвучил в своей речи, заключалась в том, что страны внутри оборонного периметра должны защищаться автоматически (например, Япония — "эта линия, которую мы можем удержать и будем удерживать"). Для некоторых стран за пределами оборонного периметра (например, Корея) главная надежда в случае атаки будет на сами эти страны и на немедленное обращение за помощью к ООН. Делая это заявление, Ачесон, по мнению Б. Камингса, руководствовался двумя мотивами: во-первых, США не могут затыкать дырки и трещины по всей периферии коммунистического мира; во-вторых, Ачесон боялся своей поддержкой спровоцировать на активные действия радикально настроенных лидеров Южной Кореи и Тайваня. Позднее, популярно объясняя свою позицию, Ачесон говорил, что политика сдерживания в чистом виде означала бы, что "нам пришлось бы создавать оборону неадекватными средствами, пытаюсь каждый раз угадать, где мяч пересечет линию"¹⁵.

Вынесение Кореи за периметр американской обороны в Северо-Восточной Азии частично было связано с предположениями американской администрации, что экспансия мирового коммунизма начнется с других районов мира. По словам Ачесона, "в течение нескольких месяцев, в то время как трещина (между СССР и США. — Прим. авт.) снова усилилась после Берлинской блокады, мы провели учения на угрожаемых участках, где Советы попытаются испытать нашу решимость. Корея была в этом списке, но не среди фаворитов. Берлин, Турция, Греция, Иран — все казались местами, где баланс складывался в пользу Советов"¹⁶.

Тем не менее, когда война разразилась, Ачесон, как и Трумэн, пришел к выводу о необходимости американского вмешательства. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, США считали, что атака была задумана Советским Союзом, и только военное вмешательство Соединенных Штатов

могло остановить ее. Во-вторых, США расценили северокорейскую атаку как прямой вызов Америке, признанной международным сообществом в качестве защитника Южной Кореи. В-третьих, Корея представляла огромную важность для безопасности оккупированной Соединенными Штатами Японии¹⁷.

Первой реакцией США на начало Корейской войны стало, как и предсказывал Ачесон, использование механизмов ООН. Уже 25 июня 1950 г. созданный по просьбе США Совет Безопасности ООН принимает специальную резолюцию, адресованную трем сторонам. От Северной Кореи требовали немедленного прекращения боевых действий и отвода своих войск к 38-й параллели. Комиссии ООН по Корее поручалось представить как можно быстрее свои рекомендации по данной ситуации, осуществлять наблюдение за выводом северокорейских войск к 38-й параллели и информировать СБ ООН о ходе выполнения этой резолюции. Всех остальных призывали оказать любую помощь ООН в выполнении этой резолюции и отказаться от предоставления помощи властям КНДР¹⁸.

Однако уже 25 июня Трумэн инструктирует военачальников о подготовке необходимых приказов для использования американских частей, если ООН призовет к действиям против Северной Кореи. Поскольку, как заявил президент США, он не ожидает, что северокорейцы обратят внимание на ООН, то это означает, что ООН придется использовать силу, если она хочет, чтобы ее приказы выполнялись¹⁹.

Необходимость американского вмешательства стала очевидна уже на следующий день, 26 июня 1950 г. В этот день Дуглас Макартур, на которого было возложено оказание помощи армии Южной Кореи, доложил Трумэну, что "южнокорейские части не в состоянии сопротивляться решительному северокорейскому наступлению вследствие чрезвычайного превосходства противника в танках и самолетах... наша оценка, что полный крах неминуем"²⁰. В этих обстоятельствах Трумэн поручает Макартуру использовать американский флот и авиацию, чтобы оказать помощь своему союзнику. Выступая на следующий день, Трумэн заявляет, что "атака на Корею не оставляет никаких сомнений, что коммунизм перешел от подрывной деятельности для захвата независимых государств к использованию вооруженного вторжения и войны"²¹. Считая эту атаку спланированной акцией со стороны СССР и Китая, Трумэн поручает ввести 7-й флот в Тайваньский пролив, чтобы не допустить коммунистического вторжения на остров.

В тот же день, 27 июня, представитель США в ООН Уоррен Остин заявил, что атака на Южную Корею означает атаку на саму ООН, и призвал принять строжайшие меры, чтобы восстановить международный мир. Принятая вслед за этим резолюция призвала членов ООН предоставить всю необходимую помощь, чтобы отразить вооруженную атаку и восстановить мир в регионе²².

28 июня северокорейские войска захватывают Сеул. В этих условиях 30 июня 1950 г. Трумэн разрешает использовать для поддержки РК американские сухопутные войска. Принятая 7 июля 1950 г. новая резолюция СБ ООН рекомендовала, чтобы "все члены ООН, предлагающие свои вооруженные силы и другую помощь... предоставляли бы ее под командование США"²³. Командующему силами ООН, которого должны были назначить американцы, разрешалось использовать в ходе этой операции флаг ООН.

К середине июля 1950 г. на Корейский полуостров были переброшены три американские дивизии. 1 августа 1950 г. генерал-лейтенант 8-й армии Вэлтон Уокер приказал американским войскам отойти и занять позиции к югу от реки Нактонган. В результате был создан так называемый "Пусанский периметр" глубиной около 75 километров, который помог стабилизировать линию фронта²⁴.

Несмотря на то, что на этом первом, неблагоприятном для США этапе войны, главные усилия американцев были направлены на недопущение раз-

грома Южной Кореи, практически сразу начались попытки выработки ими долгосрочной политики в этом конфликте.

Вопрос сводился к следующему: пересекать или не пересекать 38-ю параллель. Поводом к дискуссии послужило готовящееся специальное послание Трумэна Конгрессу о ситуации в Корее. Спор разгорелся между отделом планирования госдепартамента, который выступал против пересечения американскими войсками 38-й параллели и предлагал включить это в будущую речь Трумэна, и отделом госдепартамента по странам Северо-Восточной Азии во главе с Джоном Эллисоном, который выступал против каких-либо публичных заявлений по этому поводу. 1 июля Дж. Эллисон направил своему непосредственному начальнику Дину Раску, заместителю госсекретаря по странам Дальнего Востока, докладную записку, в которой выделил четыре причины нецелесообразности публичных заявлений США об отказе пересекать 38-ю параллель. Во-первых, говорилось в докладной, это негативно скажется на боевом духе Республики Корея. Во-вторых, это нереалистично в данной ситуации. В-третьих, по мысли Эллисона, не может быть постоянного мира и стабильности в Корее, пока существует разделение по 38-й параллели. Наконец, отмечалось в записке, самое важное состоит в том, что вторая резолюция СБ ООН (резолюция от 27 июня. — *Прим. авт.*) оставляет достаточно широкие толкования для любого действия, которое может быть сочтено нужным, когда произойдет окончательное восстановление мира и стабильности в регионе²⁵. Д. Раск согласился с мнением Эллисона.

Новый толчок дискуссии был дан 13 июля, когда телекомпания Си-Би-Эс сообщила о заявлении Ли Сын Мана, который утверждал, что агрессия Северной Кореи "уничтожила 38-ю параллель, и мир и порядок в Корее не может быть установлен, пока раскол по 38-й параллели сохраняется". После этого представитель американских вооруженных сил заявил, что войска США вмешались только с целью выдавить захватчиков к северу от 38-й параллели. Герберт Фейс из отдела планирования госдепартамента призвал американское руководство публично дистанцироваться от заявления Ли Сын Мана. Дж. Эллисон, наоборот, настаивал на том, чтобы не делать никакого заявления, которое тем или иным образом обяжет правительство США не пересекать 38-ю параллель или будет подразумевать, что мы согласны на любое соглашение, которое восстанавливает довоенное *status quo*²⁶. Мнение Дж. Эллисона поддержал и советник госсекретаря Джон Фостер Даллес: "Нам не следует сейчас связывать свои руки публичным заявлением... нам следует сохранить свободу действовать таким способом, который покажется лучшим, когда придет время практического решения"²⁷.

В конце концов победила точка зрения Дж. Эллисона. В своем послании Конгрессу от 19 июля о ситуации в Корее Трумэн ничего не сказал о 38-й параллели, а вступление США в войну объяснил как вопрос морального принципа, поскольку "Соединенные Штаты предоставляют помощь государствам, созданным и поддерживаемым ООН и незаконно атакованными агрессорами"²⁸. По мнению Трумэна, угроза международного коммунизма, которая стоит за атакой Пхеньяна, требует, чтобы США усилили свою обороноспособность. Это должно быть достигнуто тремя путями. Во-первых, необходимо как можно быстрее послать в Корею дополнительные войска, оружие и снаряжение. Во-вторых, необходимо значительно увеличить размер и снабжение наших вооруженных сил, помимо тех увеличений, которые требуются в Корее. В-третьих, США должны помочь свободным государствам, связанными с нами общей оборонной, увеличить их военные возможности²⁹. Для этих целей Трумэн запросил у Конгресса ассигнования в размере 10 млрд. долл., которые с незначительными изменениями были одобрены законодателями.

Несмотря на молчание Трумэна о 38-й параллели, что было истолковано как поддержка линии Эллисона-Раска, отдел планирования госдепартамен-

та продолжал выступать против вынесения боевых действий к северу от 38-й параллели. В докладной записке от 22 июля отмечалось, что "риски начала крупного конфликта с СССР или коммунистическим Китаем... кажется, перевешивают политические выгоды, которые могут быть получены от таких дальнейших военных действий". Кроме того, по мнению отдела планирования, будет затруднительно получить резолюцию Совета Безопасности на военные действия ООН к северу от 38-й параллели³⁰.

25 июля отдел планирования отходит от своей первоначальной позиции в пользу линии Эллисона: "Решения в отношении наших действий, когда войска ООН приблизятся к 38-й параллели, должны быть отложены до тех пор, пока военные и политические события не обеспечат дополнительную информацию"³¹.

Таким образом, в течение всего июля отдел планирования шел на уступки, проделав эволюцию от первоначальной абсолютной оппозиции любому пересечению 38-й параллели к позиции выжидания. С конца июля 1950 г. в госдепартаменте не было ни одного высокопоставленного чиновника, за исключением Дж. Кеннана, который последовательно выступал бы против вступления войск ООН в Северную Корею³².

Министерство обороны США было также не против военной попытки объединить Корею, но только при двух условиях: Соединенные Штаты мобилизуют достаточные ресурсы как для того, чтобы "выполнить свои военные цели в Корее", так и для того, чтобы усилить свои военные позиции в районах стратегической важности. Советский Союз не вмешается в конфликт и не начнет всеобщей войны в Корее³³.

В течение августа дипломаты и военные согласовывали свои позиции, пока, наконец, в начале сентября не появилась директива СНБ 81/1 "Действия США в отношении Кореи", выводы которой были одобрены президентом и переданы Макартуру 15 сентября 1950 г. Хотя в документе говорилось, что "окончательные решения, затрагивающие будущие действия в Корее не могут быть приняты в данный момент", ОКНШ, тем не менее, предписывалось "поручить командующему силами ООН в Корее составить планы для возможной оккупации Северной Кореи. Однако осуществление таких планов должно иметь место только с безусловного одобрения президента Соединенных Штатов и будет зависеть от предварительных консультаций и одобрения членов ООН"³⁴.

15 сентября 1950 г. американский 10-й корпус численностью 70 тыс. человек при поддержке с воздуха и с моря высадился в Инчхоне, в тылу у северокорейских войск. В течение одиннадцати дней американцы захватили южнокорейскую столицу и соединились с частями 8-й армии, которая 23 сентября вырвалась из "Пусанского периметра". К концу сентября войска ООН вышли к 38-й параллели.

Быстрый успех, с которым закончилась Инчхонская операция, сыграл, по-видимому, главную роль в решении США отважиться на попытку объединить Корею силой оружия. 27 сентября министр обороны Дж. Маршалл направил на утверждение Трумэну директиву, позволяющую командующему силами ООН в Корее выполнить главные военные аспекты документа СНБ 81/1. По словам Маршалла, одобрение ее президентом позволяло командующему силами ООН в Корее проводить необходимые военные операции к северу от 38-й параллели для уничтожения северокорейских сил³⁵. Директива была утверждена Трумэном 27 сентября и в тот же день передана Макартуру.

7 октября 1950 г. ГА ООН приняла резолюцию, призывающую к созданию "единой и независимой" Кореи. 9 октября части 8-й американской армии пересекли 38-ю параллель (южнокорейские войска сделали это неделей раньше). 19 октября была захвачена северокорейская столица Пхеньян, а к 28 октября южнокорейские войска достигли реки Ялу³⁶.

В конце октября среди военнопленных, захваченных 8-й американской армией, впервые начинают попадаться китайцы. Сообщения об этом сразу по-

падают в американскую прессу, но это не привлекает большого внимания, поскольку таких пленных было немного, а коммунистические власти Китая объявляют их "добровольцам". Поэтому США продолжают свое наступление. Лишь 24 ноября, когда "заключительное" наступление 8-й армии и 10-го корпуса наталкивается на встречное контрнаступление китайских войск, численность которых Макартур оценивает в 200 тыс. человек, американское наступление останавливается³⁷.

Участие Китая приводит к резкому изменению курса США в корейском конфликте. На созванном экстренно 28 ноября совещании СНБ главные представители внешнеполитических и военных кругов США высказываются перед президентом в пользу сворачивания войны. По словам госсекретаря Ачесона, американское руководство "должно использовать все доступные политические, экономические и психологические средства, чтобы ограничить войну... нам не следует переходить на китайскую территорию и использовать китайские националистические силы. Каждое из этих действий увеличивает опасность войны с Китаем"³⁸. Омар Брэдли, выступая от имени Объединенного комитета начальников штабов, заявил, что не следует ввязываться в войну с Китаем³⁹.

Несмотря на первоначальные успехи китайских войск и захват Сеула 4 января 1951 г., им не удается достичь решающего успеха. В конце января американские войска начинают серию контрнаступлений, в результате которых к середине марта отвоевывают Сеул. Американским войскам удалось даже снова пересечь 38-ю параллель, однако руководство США не хочет вторично искушать судьбу. 11 апреля 1951 г. командующий силами ООН в Корее генерал Макартур, выступавший за расширение войны за пределы Кореи и использование атомного оружия, был смещен Трумэнном с занимаемого поста и заменен генералом Риджуэем. Отставка Макартура расчистила дорогу к мирным переговорам, которые начались 10 июля 1951 г. и продолжались два года. 27 июля 1953 г. было заключено Соглашение о перемирии.

Действия США перед началом Корейской войны и в ходе ее позволяют сделать два вывода. Во-первых, то, что Корея не вошла в оборонный периметр США на Дальнем Востоке вовсе не означало, что США решили отдать ее коммунистам. В данном случае политическое и военное руководство США считало, что в силу меньшей значимости этой страны для Америки по сравнению с Японией и более реваншистской позиции сеульского руководства целесообразнее опереться на механизм ООН и не связывать себя безусловной поддержкой Южной Кореи. Сам по себе механизм ООН не являлся серьезным препятствием для проведения американской политики, что было доказано еще в ноябре 1947 г., когда США смогли выбить из ГА ООН нужную им резолюцию по Корее.

Второй вывод касается решения США объединить Корею военным путем. В ходе изучения официальных документов становится очевидным, что дискуссия по этому вопросу была начата в высших политических кругах США в июле 1950 г. К концу июля доминирующей стала точка зрения о том, что представители американской администрации не должны делать никаких конкретных заявлений по этому вопросу. В начале сентября 1950 г. Макартура поручили разработать конкретные планы оккупации Северной Кореи, но и тогда у США оставался еще выбор. Лишь после того, как контрнаступление США в середине сентября закончилось успехом, Трумэн 27 сентября 1950 г. разрешил американским войскам перенести боевые действия за 38-ю параллель. Вмешательство в конфликт китайских добровольцев заставило США взять курс на сворачивание войны.

---

1. Buss C. The United States and Republic of Korea. Background for Policy. Stanford: Hoover Institution Press, 1982, p. 56.

2. Cumings B. Introduction: The Course of Korean-American Relations, 1943-1953 // Child of Conflict. The Korean-American Relationship, 1943-1953 / Ed. By Cumings B. S-L.: University of Wash. Press, 1983, p. 3.
3. Hayes P., Zarsky L., Bello W. American Lake. Nuclear Peril in the Pacific. L.: Penguin books, 1987, p. 19; Nossov M. American Policy in Korea // Korean Peninsula in North-east Asian Regional Affairs / Ed. by Zagorsky A. M.: IMEMO, 1997, p. 46.
4. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950 / Ed. by Etzold T.H., Gaddis J.L. N.Y.: Columbia University Press, 1978, p. 61.
5. Ibidem.
6. Ibidem, p. 65.
7. Ibidem, p. 78.
8. Cumings B. Op. cit., p. 26.
9. Ibidem.
10. Ambrose S. Rise to Globalism. American Foreign Policy Since 1938. L.: Penguin books, 1988, p. 116.
11. Ibidem.
12. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. N.Y.: New American Library, 1970, p. 466.
13. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950 / Ed. by Etzold T.H., Gaddis J.L. N.Y.: Columbia University Press, 1978, p. 229.
14. MacArthur D. Reminiscences. N.Y.: McGraw-Hill, 1964, p. 324.
15. Cumings B. Op. cit., p. 47.
16. Acheson D. Op. cit., p. 527.
17. Ibid., p. 528.
18. United States Policy in the Korean Crisis. Department of State publication 3922. W.: GPO, 1950, p. 16.
19. Truman H. Memoirs. Vol. 2, p.335.
20. Ibid., p. 337.
21. United States Policy in the Korean Crisis... p. 18.
22. Ibid., p. 24.
23. Ibid., p. 67.
24. www.korea.army.mil/pao/backgrounder/bg4.htm.
25. FRUS, 1950. Vol. VII. Korea. W.: GPO, 1976, p. 272.
26. Ibid., p. 395.
27. Ibid., p. 387.
28. Truman H. Public Papers of the Presidents of the United States. January 1 to December 31, 1950. W.: GPO, 1965, p. 531.
29. Ibid., p. 532.
30. FRUS, 1950. Vol. VII. Korea. W.: GPO, 1976, p. 453.
31. Ibid., p. 473.
32. Stueck W. The March to the Yalu: The Perspective from Washington // Child of Conflict. The Korean-American Relationship, 1943-1953 / Ed. By Cumings B. S-L.: University of Wash. Press, 1983, p. 200.
33. Ibidem.
34. FRUS, 1950. Vol. VII. Korea. W.: GPO, 1976, p. 716.
35. FRUS, 1950. Vol. VII. Korea. W.: GPO, 1976, p. 793.
36. www.korea.army.mil/pao/backgrounder/bg4.htm.
37. Eisenhower D. Mandate for Change. 1953-1956. L.: Heinemann, 1963, p. 176.
38. FRUS, 1950. Vol. VII. Korea. W.: GPO, 1976, p. 1243.
39. Ibid., p. 1244.

Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект.

© 2003

Е. Катасонова

(Окончание. Начало в ПДВ №5, 2003)

После опубликования в Японии содержания беседы Н.С.Хрущева и Н.А.Булганина с японскими парламентариями премьер-министр Японии И. Хатояма заявил, что в целях выхода из тупика в японо-советских отношениях он намерен обсудить ход японо-советских переговоров с японским представителем С.Мацумото, и выработать возможные варианты решения проблемы. Для этого он так же запланировал провести встречу с лидерами оппозиционных партий.

Следует отметить, что министерство иностранных дел Японии, общество по вопросам внешней политики, состоявшее из депутатов Демократической и Либеральной партий, Комитет по изучению внешней политики Демократической партии поддерживали так называемую концепцию министра иностранных дел М.Сигэмицу, согласно которой восстановлению официальных дипломатических отношений между Японией и СССР должно предшествовать разрешение вопроса о репатриации задерживаемых в Советском Союзе японцев и возвращение так называемых северных территорий.

Свои опасения в связи с указанной позицией высказал полномочный представитель на переговорах в Лондоне С. Мацумото. Выступая в здании японского Общества Красного Креста перед членами Национального совета содействия ускорению репатриации японцев, задерживаемых за границей, он недвусмысленно дал понять, что в Японии есть силы, которые ведут дело к прекращению японо-советских переговоров. И выразил свое беспокойство в связи с тем, что в случае приостановки переговоров вопрос о репатриации также будет отложен на неопределенное время.

Организатор указанного мероприятия — Национальный совет содействия ускорению репатриации из-за границы стал в эти годы одной из самых влиятельных организаций, поскольку он возглавил мощное общественное движение и имел прямой выход на руководство Японии.

Незадолго до возобновления лондонских переговоров в январе 1956 года Япония по-прежнему делала ставку на урегулирование вопроса о военнопленных до восстановления дипломатических отношений с СССР. Предполагалось, что во второй фазе переговоров С.Мацумото займет более жесткую позицию в этом вопросе. Указывалось также, что правительство И.Хатояма менее склонно пойти на уступки СССР из-за недавнего советского вето на просьбу Японии о приеме ее в члены ООН.

Если в сентябре японцы намекали на то, что они, возможно, удовлетворятся освобождением пленных и возвращением небольших островов Хабомаи и

Шикотан, то теперь они были намерены настаивать на освобождении всех японских военнопленных и возвращении Японии Южного Сахалина и всех Курильских островов.

Особую остроту вопрос о переговорах с СССР встал в связи с намеченными на апрель 1956 года выборами в японских парламент. Правящая Либерально-демократическая партия по-прежнему выступала за нормализацию отношений с СССР на основе заключения мирного договора при условии урегулирования всех спорных вопросов.

В ноябре 1955 года при ее создании путем слияния Демократической и Либеральной партий руководство новой единой партии по новому сформулировало национальные задачи Японии. Если целью кабинета С.Иосиды было достижение наиболее выгодных условий послевоенного развития на основе следования Японии в фарватере американской политики, то теперь японская политическая элита пыталась отстоять право Японии на проведение более самостоятельной политики, не выходящей в то же время за рамки тесных союзнических отношений между Японией и США. Отсюда вытекали и главные направления международной деятельности новообразованной Либерально-демократической партии ЛДП и ее лидера.

Первое из них заключалось в исправлении перекосов, возникших в процессе формирования послевоенной политики Японии, которая еще не избавилась от черт, свойственных побежденному государству.

Вторым направлением был активный выход на мировую арену и обеспечение Японии более высокого международного статуса. Это воплотилось в активном курсе на восстановление дипломатических отношений с СССР, в стремлении к вступлению в ООН, в попытках нормализации отношений с КНР.

В этой связи новое объединение консерваторов приняло специальный политический курс в отношении японо-советских переговоров, который являлся одновременно и программой правительства Японии. Он предусматривал:

- предъявление Советскому Союзу требований о немедленной и полной репатриации японцев из СССР; о безоговорочном возвращении Японии островов Хабомаи и Шикотан, а также Итурупа и Кунашира, вопрос о принадлежности других бывших японских территорий должен быть решен заинтересованными государствами на международной конференции; о включении в мирный договор пункта относительно невмешательства одной страны во внутреннюю политику другой.

- получение от СССР обещания о поддержке приема Японии в ООН.¹

Изложенного курса правительство И.Хатояма, как известно, придерживалось в ходе японо-советских переговоров в Лондоне, которые тем не менее не привели к ожидаемым результатам. В этой связи И.Хатояма активно зондировал почву для нормализации японо-советских отношений без заключения мирного договора.

17 января 1956 года неофициальный представитель премьер-министра И.Хатояма Симидзу посетил советского представителя в Японии А.И.Домницкого и сообщил ему, что японский лидер и его сторонники в парламенте единственным путем быстрого завершения лондонских переговоров в создавшихся условиях считают декларирование Советским Союзом прекращения состояния войны с Японией при одновременном освобождении задерживаемых в СССР японских граждан и обменом посольствами с последующим решением всех остальных спорных вопросов путем переговоров.

В качестве практического решения предлагалось, что И.Хатояма примет А.И.Домницкого, который передаст ему подтверждения советского руководства о его согласии с предложением японской стороны.

31 января Симицзу вновь посетил А.И. Домницкого и сообщил ему, что в настоящее время И.Хатояма не может обратиться непосредственно к Н.А.Булганину. Тем не менее такое обращение советского премьера будет уместно, если лондонские переговоры в очередной раз зайдут в тупик, что, как ожидалось, могло произойти к середине февраля 1956 года

Симицзу также сообщил советскому представителю, что американский посол в Токио Аллисон предупредил И. Хатояма, что "США не намерены были допустить в переговорах между Советским Союзом и Японией второго дипломатического поражения, аналогичного тому, что произошло в ФРГ".²

Как и предполагали аналитики, в феврале 1956 года советско-японские переговоры вновь зашли в тупик. 10 февраля 1956 года японцам был вручен новый проект статьи по территориальному вопросу, где говорилось о возможности передачи Японии островов Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан). Однако С. Мацумото практически проигнорировал этот документ, отметив, что новое предложение советской стороны не отличается от того, что было высказано Я.А. Маликом на предыдущем заседании, и, что японская сторона никоим образом не может с ним согласиться.

В последующей беседе 6 марта японской делегацией было прямо заявлено, что общественное мнение Японии еще не созрело до завершения переговоров, и что для подписания мирного договора понадобится, очевидно, еще месяца два. Данное заявление можно было расценить и как подготовку к перерыву в переговорах, и как средство нажима на советское руководство. На это указывали и последующие события.

12 марта министр иностранных дел Японии М.Сигэмицу заявил в бюджетной комиссии палаты советников, что "у него нет данных, которые свидетельствовали бы об изменении Советским Союзом своей основной политики в отношении Японии в результате недавнего съезда КПСС в Москве. Сигэмицу добавил, что министерство иностранных дел Японии внимательно следит за возможным влиянием съезда на советскую позицию на переговорах в Лондоне о мирном урегулировании, но пока не отмечает никаких признаков изменения этой позиции".³

При этом японский министр иностранных дел особо подчеркнул, что Япония по-прежнему будет придерживаться ранее взятому политическому курсу, направленному на немедленную репатриацию японцев, безоговорочное возвращение островов Хабомаи и Шикотан, а также южной группы Курильских островов, и решение судьбы Южного Сахалина и северной группы Курильских островов на международной конференции бывших союзных держав.

10 марта 1956 года зашедшее в тупик обсуждение территориальной проблемы было прервано на неопределенный срок по инициативе японской делегации. 20 марта после 23-х совместных заседаний обеих сторон С.Мацумото взял паузу под предлогом необходимости проведения консультаций с японским правительством. На самом же деле, это был политический маневр японских политиков для оказания нажима на СССР в интересах удовлетворения японских территориальных требований, отчасти уже учтенных советской стороной. 21 марта генеральный секретарь японского кабинета Н. Рютаро, комментируя это событие, заявил, что "по мнению Японии, Советский Союз избегает полного разрыва в мирных переговорах между двумя странами". Он также выразил сожаление по поводу того, что "временное прекращение переговоров, которое, как он сказал, было предсказано министром иностранных дел М.Сигэмицу 15 марта, будет означать задержку в деле репатриации японцев, все еще задерживаемых в СССР...". Он заявил, что "Япония намерена продолжать переговоры об их возвращении вне рамок мирных переговоров".⁴

И такой случай представился в связи с визитом в СССР японского министра земледелия и лесоводства И.Коно в мае 1956 года. Приезд в Москву японской делегации советское правительство использовало для того, чтобы вывести из тупика переговоры о нормализации двусторонних отношений. С этой целью И.Коно был принят Председателем Совета Министров СССР Н.А.Булганиным. Между ними состоялся довольно откровенный обмен мнениями по вопросам советско-японских отношений. Одной из главных тем стала проблема репатриации.

Н.А.Булганин напомнил И.Коно о прошлогодней встрече его и Н.С.Хрущева с японской парламентской делегацией. "Мы тогда сказали, — заявил советский руководитель, — что с канцлером ФРГ К.Аденауэром мы договорились за пять дней и начали репатриацию немцев. С вами мы год разговариваем. Давайте не пять дней, а положим больший срок. Нормализуем отношения, обменяемся посольствами и отправим домой отбывающих наказание японских граждан. С таким вариантом я согласен.

Но, когда нам говорят — нет, вы сначала отпустите наших граждан, а потом мы заключим соглашение — это для нас не подходит. Это уже касается нашего престижа, а постановка вопроса звучит как ультиматум. Мы не можем пойти на это и не пойдем, — возразил Н.А.Булганин и вновь вернулся к переговорам с Германией. — Когда мы беседовали с К. Аденауэром, то он и его коллеги также пытались сначала решить вопрос об освобождении немецких граждан. Но мы сказали "нет", — подчеркнул он. — Мы не можем положить наш престиж на лопатки. Мы сказали — давайте подпишем соглашение и тогда начнем отправлять немецких граждан".³

В целом же визит в СССР министра земледелия и лесоводства Японии И.Коно, основной целью которого были рыболовные переговоры, успешно прошедшие в Москве с 29 апреля по 14 мая 1956 г., сыграл важную роль в развитии советско-японских отношений. Он увенчался заключением Конвенции по рыболовству и Соглашения о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море.

При этом был достигнут определенный компромисс, заключавшийся в том, что указанные документы вступали в силу только после заключения мирного договора или восстановления дипломатических отношений. Такой дипломатический ход, предпринятый советской стороной, имел своей целью побудить японские политические круги к активным действиям в этом направлении. И.Коно, со своей стороны, также обещал использовать свое влияние для достижения этой цели. С ним была достигнута предварительная договоренность о возобновлении не позднее 31 июля 1956 года переговоров о нормализации советско-японских отношений.

Вскоре после возвращения И.Коно на родину через советского представителя в Японии было передано официальное согласие японского правительства на возобновление переговоров. Главой японской делегации назначался министр иностранных дел Японии М.Сигэмицу. В качестве места переговоров на сей раз предлагалась Москва.

21 июля 1956 года японскому правительству по тому же каналу была подтверждена ответная готовность советской стороны возобновить переговоры с Японией, причем не позднее 31 июля 1956 года, как это следовало из предварительной договоренности, достигнутой в беседах с И. Коно в Москве. Однако до наступления этой даты Токио охватили жаркие политические баталии как по составу будущей делегации и ее полномочий, так и о путях урегулирования японо-советских отношений.

Острая фракционная борьба раздирала саму правящую Либерально-демократическую партию. Она по-прежнему четко распадалась на две группировки. С одной стороны выступала группа членов бывшей Демократической

партии во главе с И.Хатояма, так называемая основная группировка. Ей противостояла группа С.Иосида, включавшую в себя ряд ведущих политических деятелей бывшей Либеральной партии.

Группировка С. Иосида, представлявшая в большинстве своем интересы влиятельных кругов крупной буржуазии, тесно связанных с американцами, выступала против "поспешности", за проведение так называемой "осторожной политики" в японо-советских переговорах и выдвигала в качестве предварительного условия урегулирования японо-советских отношений удовлетворение Советским Союзом японских требований, в первую очередь, по территориальную проблему.

Подобную позицию занимал и ряд деятелей бывшей Демократической партии, в частности, министр иностранных дел М.Сигэмицу. Он подробно изложил ее в статье, опубликованной в августовском номере журнала "Эйма син" за 1956 год (журнал вышел в середине июля). В ней М. Сигэмицу признавал, что отношения между Японией и СССР "несомненно, должны быть рано или поздно восстановлены". При этом тем не менее он подчеркивал: "Мы должны, в первую очередь, стабилизировать и укрепить положение внутри страны, а в международной области прочно утвердиться в лагере государств свободного мира, прежде чем переходить к вопросу о восстановлении отношений с Советским Союзом".⁴

Группа И.Хатояма, представлявшая те круги японской буржуазии, которые стремились путем нормализации отношений с СССР добиться ослабления зависимости Японии от США, напротив, выступали за скорейшее урегулирование японо-советских отношений. Ее представители выражали опасения, что выдвигаемые японцами требования могут привести к очередному срыву японо-советских переговоров. Они считали, что Япония должна пойти на уступки, в частности ограничить пока свои требования по территориальному вопросу возвращением островов Хабомаи и Шикотан.

Ряд политических деятелей из группы И. Хатояма в частных беседах и официальных выступлениях неоднократно высказывались за то, чтобы между Японией и СССР первоначально было достигнуто соглашение о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений, а после этого разрешены все остальные спорные вопросы. Эта так называемая "формула Адэнауэра", с успехом использованная в советско-германских переговорах, постепенно находила все больше сторонников и в Японии.

В связи с приближением установленного срока возобновления японо-советских переговоров, намеченных на 31 июля 1956 года, разногласия между группой И.Хатояма и группой С.Иосида значительно усилились. Это нашло свое выражение, в первую очередь, в борьбе между указанными группировками в правящей партии и правительстве по вопросу о составе японской делегации и ее полномочиях. Группа И.Хатояма стремилась ввести в состав делегации своих сторонников и, по возможности, отстранить от участия в них представителей группы "осторожной политики". В этих целях И.Хатояма намеревался даже пойти на реорганизацию правительства с тем, чтобы вывести из его состава противников быстрой нормализации отношений с СССР, и в частности, министра иностранных дел М.Сигэмицу.

Сторонники же "осторожной политики", в свою очередь, развили активную деятельность, стремясь не допустить осуществления намерений группы И.Хатояма как в вопросе реорганизации правительства, так и в вопросе формирования делегации. В результате этих действий группировка И.Хатояма, в значительной мере ослабленная неудачей Либерально-демократической партии на выборах в верхнюю палату парламента в мае 1956 года, а также обострившейся фракционной борьбой, вынуждена была пойти на уступки.

В качестве ответственных лиц на переговорах с СССР были назначены министр иностранных дел Японии М.Сигэмицу и бывший глава японской делегации на советско-японских переговорах в Лондоне С.Мацумото. Первый из них слыл сторонником "осторожной политики" в вопросе нормализации японо-советских отношений и проведения "жесткого курса" на мирных переговорах, тогда как второй являлся сторонником быстреей нормализации отношений между двумя странами.

В связи с назначением М.Сигэмицу главой делегации на переговорах с СССР бывший премьер-министр Японии С.Иосида обратился к нему с открытым письмом, в котором призвал министра иностранных дел занять твердую позицию на предстоящих переговорах. В этом письме, в частности, проводилась мысль о том, что еще не урегулированные между Советским Союзом и Японией проблемы следует решать не в ходе предстоящих переговоров, а на международной конференции с участием бывших союзных держав.

Активными противниками возобновления советско-японских переговоров выступили американцы, которые стремились не допустить нормализации японо-советских отношений. В этих целях была организована пропагандистская кампания в японской прессе, а также среди правительственных, деловых и общественных кругов Японии в поддержку территориальных требований Японии к СССР.

1 июня 1956 года в Токио прибыл заместитель помощника государственного секретаря США У.Себолд, который принял меры к активизации деятельности оппозиционных И.Хатояма группировок в Либерально-демократической партии. У. Себолд при встрече с С.Иосида даже поставил вопрос о необходимости свержения кабинета И.Хатояма.

Противники компромисса с СССР стали активно добиваться отставки правительства И.Хатояма. За их спиной стояли, прежде всего, финансовые и промышленные круги, деловые интересы которых были связаны с США и которые опасались охлаждения японо-американских отношений.

В результате разногласий в правящей элите Японии, японское правительство вплоть до выборов в верхнюю палату не смогло выработать окончательного курса по вопросу о нормализации отношений с СССР на предстоящих переговорах в Москве, опасаясь усиления разногласий в партии и ослабления в связи с этим позиций Либерально-демократической партии на выборах. Решение же исполнительного комитета Либерально-демократической партии (принято на чрезвычайном заседании комитета 18 июля 1956 года) предписывало неизменно придерживаться прежнего курса. Как и ранее основная ставка делалась на сравнительно длительные переговоры с тем, чтобы добиться максимальных уступок со стороны СССР.

Рекомендовалось настаивать на нормализации отношений между двумя странами на основе заключения мирного договора. Тем не менее не исключался и вариант, при котором, столкнувшись с твердой позицией Советского Союза в территориальном вопросе, Япония, в конечном итоге, пойдет на подписание соглашения о восстановлении дипломатических отношений, отложив решение территориального вопроса на будущее.

Подобные сценарии были обусловлены все более усилившимися в Японии настроениями в пользу быстреей нормализации отношений с СССР, что диктовалось, в первую очередь, необходимостью окончательного разрешения вопроса о рыболовстве и других. Об этом, в частности, свидетельствовал успех на выборах в верхнюю палату японского парламента левых партий, выступивших за быстреею нормализацию отношений с СССР. Для правящей партии становилось все более трудным игнорировать настроения общественности.

Провал же переговоров между Японией и СССР мог привести к дальнейшему ослаблению позиции правящей Либерально-демократической партии.

31 июля 1956 года начался второй этап советско-японских переговоров, и вновь вместе с территориальной проблемой был поднят вопрос о репатриации. Такой ход переговоров прогнозировался в Москве. Для этого случая заранее были выработаны директивные указания, определяющие позиции советской делегации по этим вопросам. В рабочем плане ведения переговоров давались указания вести дело к заключению мирного договора и нормализации межгосударственных отношений, а в случае невозможности этого предложить японцам восстановить дипломатические отношения между двумя странами.

Как и ожидалось, в своем выступлении глава японской делегации министр иностранных дел М.Сигэмицу наряду с территориальными притязаниями, почти сразу же отвергнутыми советской стороной, настаивал на включении в повестку дня вопроса о репатриации.

М.Сигэмицу обосновал это требование тем, что "это — проблема гуманности", а ее разрешение "облегчило бы заключение мирного договора", "содействовало бы упрочению основ, на которых будут строиться отношения между Японией и Советским Союзом".⁷ Одновременно с этим глава японской делегации подверг критике советскую позицию по этому вопросу, назвав ее "политической заложничества".

Эти обвинения были отвергнуты советской стороной. Глава советской делегации на переговорах министр иностранных дел СССР Д.Т.Шепилов заявил, что включение в повестку дня переговоров вопроса о репатриации лишь усложнит переговоры. Кроме того он напомнил японской стороне, что "репатриация японских граждан давно завершена. Советский Союз дал разрешение на выезд на родину свыше миллиона человек. В СССР содержится лишь небольшая группа лиц, осужденных за военные преступления. По соглашению между Обществами Красного Креста Советского Союза и Японии, подписанному в ноябре 1953 года, осужденные советскими судами японские поданные репатрируются по мере отбытия наказания, а некоторые и досрочно.

Так, в марте 1954 года было репатрировано 415 человек, в апреле 1955 года — 86, в августе — 36, в декабре 1955 года — 43, в марте 1956 года — 18 и в июне 1956 года — 60 человек. В Советском Союзе оставалось немногим более 1 тыс. человек, причем в ближайшее время предусматривалась репатриация еще 114 человек".⁸

В Японии расценили этот ответ как свидетельство того, что "советская позиция не изменилась со времени мирных переговоров в Лондоне, когда глава советской делегации Я.Малик заявил, что задерживаемые японцы будут освобождены только после заключения мирного договора".⁹

Однако, несмотря на эти первые оценки, на следующем заседании 3 августа 1956 года японская делегация вновь подняла вопрос о репатриации. М.Сигэмицу отметил, что по японским данным, в СССР, якобы, находятся 11.177 человек, и попросил представить о них сведения. Он добавил, что другие страны давно передали японских военных преступников соответствующим японским органам.¹⁰

В ответ на это утверждение японской стороны советский представитель указал, что с декабря 1946 по апрель 1950 года в Японию было репатрировано свыше 1 млн. японцев, а в СССР остается немногим более 1 тыс. человек, осужденных советскими судами. Касаясь списка, представленного японской делегацией, он отметил, что в нем фигурируют лица либо пропавшие без вести, либо умершие после пленения.

Советская делегация попыталась доказать несостоятельность и другого утверждения японской стороны относительно передачи осужденных за воен-

ные преступления японцев в японскую систему исполнения наказаний. Ссылаясь на данные агентства Синьхуа от 4 июля 1956 г., советская сторона утверждала, что "из 111 человек, содержавшихся на Филиппинах, 59 человек приговорены к смертной казни, 20 — к тюремному заключению на срок от 32 лет до пожизненного заключения; из 423 японцев, осужденных в США, 155 человек приговорены к пожизненному заключению, а 258 человек — к различным срокам заключения. Отбывают наказание за военные преступления японские поданные в Голландии, Австралии, Англии и других странах. Между тем Советское правительство отпускает многих преступников досрочно. После нормализации советско-японских отношений одновременно будет решен вопрос и о немедленном освобождении остальных".¹¹

В переговорах наступил момент, когда японская делегация после тщетных попыток защитить свою позицию, исчерпав всю аргументацию, пришла к выводу о необходимости завершения переговоров и подписания договора. Причиной такого изменения позиции М.Сигэмицу были, кроме всего прочего, и внутривластные, конъюнктурные соображения.

Тем не менее, М.Сигэмицу предпочел не торопиться с подписанием договора, а взять новую паузу с целью обсудить этот вопрос с государственным секретарем США Дж.Даллесом. Для этого был найден хороший предлог — его срочный отъезд на лондонскую конференцию по Суэцкому каналу. По-видимому, он по-прежнему рассчитывал на то, что США вновь попытаются воспрепятствовать нормализации японо-советских отношений, поскольку несогласованными оставались не только территориальная проблема, но также вопросы о репатриации японских граждан, о приеме Японии в ООН, о восстановлении дипломатических и консульских отношений. При этом, если по вопросу о завершении репатриации Япония все еще настаивала на его решении до вступления в силу мирного договора, то в отношении проблемы восстановления дипломатических отношений она предпочитала обратный порядок, предполагая начать консультацию после вступления в силу мирного договора.

Однако, как и рассчитывал М.Сигэмицу, в действие вступила американская сторона. На встрече с японским министром 19 августа в Лондоне государственный секретарь США Дж.Даллес от имени американского руководства заявил, что, если Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории Советского Союза, то США навечно сохраняют за собой острова Рюкю (Окинава).¹²

За несколько дней до этого заявления госдепартаментом США это условие было доведено до сведения японского посла в Вашингтоне, а американское посольство в Токио поставило в известность МИД Японии. Затем эти предупреждения США были еще в более жесткой форме со ссылкой на условия Сан-Францисского мирного договора повторены Дж. Даллесом во время последующих встреч с М.Сигэмицу в Лондоне. Вмешиваясь в ход советско-японских переговоров, США преследовали свои четко выраженные цели: по мере возможности помешать нормализации японо-советских отношений, а в случае, если им все-таки не удастся воспрепятствовать заключению японо-советского мирного договора, оставить территориальный вопрос между СССР и Японией неурегулированным с тем, чтобы и в будущем иметь возможность влиять на развитие советско-японских отношений.

Жесткий нажим американцев, направленный на срыв советско-японских переговоров, задел национальные чувства японцев. Почти все японские газеты осудили заявление Дж.Даллеса. Тем не менее, следует констатировать, что это заявление лишней раз подчеркивающее подчиненное положение Японии, ставило японское правительство в чрезвычайно трудное положение в силу наличия острых разногласий внутри правящей Либерально-демократичес-

кой партии, усугублявшихся напряженной борьбой за пост премьер-министра и за руководящие места в партийной иерархии.

Правительство И.Хатояма и верхушка Либерально-демократической партии подверглись резкой критике со стороны ряда партий и части представителей деловых кругов. Социалистическая партия вновь стала требовать ухода в отставку премьер-министра И.Хатояма. Ее лидеры призывали провести новые выборы в парламент, призывая избирателей отдать голоса депутату от социалистической партии. Она обещала сформировать новое правительство и принять меры к скорейшей нормализации отношений и Советским Союзом и КНР. Внутри правящей либерально-демократической партии также стали более настойчиво раздаваться голоса с требованием ухода премьера И.Хатояма.

Учитывая эти настроения, И.Хатояма 11 сентября 1956 года выступил с предложением провести новые консультации в Москве на уровне глав правительств по вопросу нормализации советско-японских отношений без подписания мирного договора. Накануне обнародования этого решения премьер-министр Японии в ряде своих заявлений изъявил готовность пойти на нормализацию японо-советских отношений при удовлетворении советской стороной следующих условий, а именно: подписание соглашения о прекращении состояния войны между Японией и СССР, восстановление дипломатических отношений и обмен посольствами, репатриация японцев из СССР, вступление в силу подписанного в мае 1956 года японо-советского соглашения о рыболовстве, оказание Советским Союзом поддержки Японии в вопросе о приеме в ООН.

Разрешение же территориального вопроса, по мнению И.Хатояма, могло быть отложено на будущее при условии, что советская сторона согласится на продолжение переговоров по территориальному вопросу после нормализации отношений между двумя странами.

Эти основные условия продолжения японо-советских переговоров были изложены в письме на имя Председателя Совета Министров СССР Н.А.Булганина. Кроме того в нем также было высказано пожелание, чтобы те пункты, по которым уже была достигнута договоренность во время переговоров в Лондоне и в Москве были приняты без обсуждения во время предстоящих переговоров на уровне глав правительств двух стран.

13 сентября правительство СССР дало согласие на это предложение Японии. Ответ Н.А. Булганина премьеру И.Хатояма был вручен 15 сентября 1956 года. Однако, несмотря на положительную реакцию Москвы, выступившей также и с дополнительным разъяснением своей позиции по территориальному вопросу, предстоящая поездка японского премьера в СССР вызвала острые разногласия в политических кругах Японии. Не меньшие споры возникли и в связи с выдвинутым японским премьером планом урегулирования японо-советских отношений с отсрочкой решения территориального вопроса.

Против этой поездки выступило значительное число членов Либерально-демократической партии, главным образом из группы бывших членов либеральной партии, возглавляемой бывшим министром финансов Х.Икэда (так называемая группа сторонников С.Иосида, постоянно выступающая за проведение "осторожной политики" в японо-советских отношениях). Представители этой группы особенно Х.Икэда открыто высказывались в прессе против поездки И.Хатояма в Москву, призывая японское правительство не идти ни на какие уступки СССР.

Сторонники линии И.Хатояма считали, что при существующей политической обстановке в Японии провал японо-советских переговоров приведет не только к немедленной отставке его кабинета, но и к отстранению Либерально-демократической партии от власти. Учитывалось и то, что включение мирного договора на условиях отказа японского правительства от требований возвра-

щения Южно-Курильских островов неизбежно вызовет резкую критику сторонников "осторожной позиции" в отношении СССР и может вызвать критическое отношение в японском обществе.

Достаточно напомнить, что даже социалисты, выступая за быстреее урегулирование отношений с СССР, не отказывались от требований о возврате бывших японских территорий и предлагали отложить решение данного вопроса на будущее. План же И.Хатояма, по мнению его сторонников, будет одобрен большинством японского населения. Он предусматривал нормализацию отношений между Японией и СССР. При этом консервация территориальной проблемы оставляла надежду на ее разрешение в будущем.

17 сентября исполнительный комитет Либерально-демократической партии большинством голосов официально одобрил так называемую "новую политику" в отношении японо-советских переговоров, которая предусматривала немедленную и безоговорочную репатриацию японцев из СССР, а также возвращение островов Хабомаи и Шикотан и продолжение переговоров о возвращении Южно-Курильских островов.

3 октября 1956 года Социалистическая партия опубликовала специальное заявление, в котором указывалось, что утверждение правительством визита И.Хатояма в Советский Союз полностью отвечает требованиям партии, так как в результате этого появлялись перспективы как для установления дипломатических отношений между двумя странами, так и для осуществления быстреей репатриации японцев из СССР.

Компартия Японии также поддержала поездку И.Хатояма в Москву. 13 сентября в центральном органе партии газете "Акахата" была опубликована статья относительно урегулирования японо-советских отношений. В ней заключение мирного договора рассматривалось как наилучший способ решения проблемы, тем не менее возможность мирного урегулирования на основе предложений Хатояма, так же не исключалась.

Тем временем разногласия внутри Либерально-демократической партии нарастали. Разработанная партией новая политическая линия основывалась на требованиях немедленного возвращения Японии группы островов Хабомаи и острова Шикотан и продолжения после восстановления дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров относительно полного восстановления прав Японии на все Южно-Курильские острова.

18 сентября лидеры правительства и либерально-демократической партии провели совещание по вопросу о целесообразности переноса поездки в Москву И.Хатояма. При этом большинство участников этих консультаций высказалось за возобновление японо-советских переговоров только после того, как будет окончательно разработан политический курс в отношении СССР и преодолены внутрипартийные противоречия.¹³

Противники нормализации советско-японских отношений потребовали еще раз выяснить точку зрения Москвы по территориальному вопросу. С этой целью руководство Либерально-демократической партии 17 сентября приняло решение направить в Москву С.Мацумото. На следующий день 18 сентября политический комитет партии определил задачи этой поездки следующим образом: "Посылка в Москву С.Мацумото предпринимается не в порядке проведения предварительных переговоров, связанных с поездкой премьера Хатояма в Советский Союз, а только для того, чтобы прозондировать мнение советской стороны, и что вопрос о поездке Хатояма Москву должен быть вновь рассмотрен после отчета Мацумото".¹⁴

29 сентября по просьбе японской стороны А.А.Громыко и С.Мацумото обменялись письмами, в которых выражалось согласие сторон после восстановления дипломатических отношений продолжить переговоры о заключении

мирного договора, включающие обсуждение территориального вопроса. В свою очередь, в Москве началось согласование других нерешенных проблем, которые должны были быть включены в повестку дня предстоящих переговоров.

На на последнем этапе согласований представитель Японии С.Мацумото сделал ряд замечаний по существу совместной декларации. В частности, в пункте 5-ом, касающемся освобождения и репатриации осужденных в СССР граждан Японии, японская сторона предлагала внести дополнительный абзац с указанием того, что "Советский Союз по просьбе Японии будет проводить расследование в отношении японских граждан, судьба которых не известна".

С. Мацумото пояснил эту просьбу тем, что японская сторона имеет в виду 10.177 японцев, которые, по имеющимся в Японии данным, должны находиться в СССР. Японские представитель указал, что списки этих лиц в свое время были переданы Я.А.Малику во время переговоров в Лондоне и что просьба продолжить их розыск высказывалась М.Сигэмицу во время переговоров с Д.Т.Шепиловым.

Советская сторона, будучи заинтересованной в нормализации дипломатических отношений между двумя странами, в целом проявляла понимание японской позиции в вопросе репатриации японских граждан и демонстрировала конструктивный подход к указанной проблеме.

В результате 19 октября 1956 года в Москве была подписана Совместная советско-японская декларация, провозгласившая прекращение состояния войны и нормализацию дипломатических отношений между двумя странами. Наличие серьезных разногласий сторон по территориальной проблеме не позволило заключить мирный договор, однако вопрос о репатриации был решен окончательно. Согласно 5-й статье Декларации Советский Союз обязался освободить и репатриировать в Японию всех осужденных японских граждан, а также продолжить работы по их поиску по запросам японской стороны.¹⁵

После опубликования Декларации Министерство внутренних дел СССР приступило к проведению подготовительных мероприятий по репатриации из СССР японских подданных.¹⁶

13 декабря вышел в свет Указ Верховного Совета СССР об амнистии граждан Японии. А 23 декабря последняя партия японских военнопленных покинула пределы СССР.

---

1. АВП РФ ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 104-106.

2. Там же, л. 2.

3. ГА РФ ф. 4459, оп. 27, д. 19400, л. 10 6.

4. ГА РФ ф. 4459, оп. 27, д. 17400, л. 156.

5. АВП РФ ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 1, л. 8-9.

6. АВП РФ ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 106.

7. АВП РФ ф. 0536, п. 12, д. 186, л. 18.

8. АВП РФ ф. 0536, п. 12, д. 185, л. 13.

9. ГА РФ ф. 4459, оп. 27, д. 17403, л. 301.

10. АВП РФ ф. 0536, п. 12, д. 185, л. 23-24.

11. АВП РФ ф. 1536, п. 12, д. 186, л. 25-27.

12. История Японии. М., 1998. С. 564.

13. Там же, л. 164.

14. Там же.

15. Правда. 1956. 20 октября.

16. Там же, л. 220.

Энциклопедия духовной культуры Китая

Представляемая вниманию читателей статья является введением к циклу публикаций, составленных по материалам энциклопедии "Духовная культура Китая", подготовка которой осуществляется в Институте Дальнего Востока РАН.

Редакция ПДВ

Духовная культура Китая и симфония культур О готовящейся энциклопедии "Духовная культура Китая"

© 2003

М. Титаренко

Подготовленная коллективом ведущих ученых китаеведов ИДВ РАН двухтомная энциклопедия "Духовная культура Китая" должна стать первым в российской и западной синологии энциклопедическим изданием, отражающим процесс формирования и развития китайской духовности с момента становления цивилизации на территории Китая до наших дней. Этот уникальный труд, суммирующий итоги научных изысканий всей российской и западной синологии, а также работы наших китайских коллег, надо полагать, станет неординарным событием в интеллектуальной жизни России. Авторами энциклопедии являются ведущие российские китаеведы, работающие в ИДВ РАН, Институте востоковедения РАН, ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Санкт-Петербургском филиале ИВ РАН, Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН, других научных учреждениях и вузах России; ряд статей и глосс написан учеными КНР.

Впервые в таком значительном объеме на русском языке будут представлены материалы, раскрывающие богатейшие сокровища духовной культуры Китая и поднимающие для обозрения широкого круга читателей глубинные слои китайской духовности, которые ранее были доступны лишь узким специалистам-синологам. Не будет преувеличением сказать, что "Энциклопедия" призвана очертить главные черты духовного лика китайской цивилизации, оказавшей и оказывающей по сей день огромное воздействие на развитие

культур стран Восточной Азии и мировой культуры в целом и сделать эти интеллектуальные богатства доступными сознанию наших соотечественников.

Китайская цивилизация прошла все стадии исторического развития, а потому в определенном смысле может служить эталоном генезиса восточных типов цивилизации и представлять их в диалоге культур Востока и Запада. На всем протяжении своего существования она характеризуется необычайной устойчивостью, чему способствует ряд факторов.

1. Китайская цивилизация сложилась на одном географическом пространстве и на основе одной этнической общности огромного ханьского этноса (внутренние племенные и языковые различия при доминанте ханьцев лишь подчеркивали единство). Это способствовало воспитанию устойчивого чувства любви к своей исторической родине и развитию традиций внутриэтнической солидарности.

2. Китайская цивилизация мировоззренчески, идеологически и политически конституировалась и самоидентифицировалась как Срединное Государство (Чжун го) Поднебесной — ойкумены. Пространственные, временные и исторические ритмы и циклы его жизни организованы так, что если в нем возникали центробежные тенденции, то они всегда уравнивались центропритягательными, сфокусированными на социоприродный центр, который воплощает идею национальной самоидентификации и задает ориентиры цивилизационному саморазвитию и устойчивости.

3. Китайская цивилизация выработала такие методы восприятия, синтеза и "органического переваривания" — "хуа" — инкультурных достижений, которые обеспечивают обогащение собственной культуры при сохранении ее самобытности и идентичности. При этом она проявляет способность к самообновлению. Со времен Конфуция (551-479 до н.э.) основная константа самосознания человека Срединного Государства выражается в принципе "совершенствования себя", распространяемого на все уровни социальной организации (от семьи до Поднебесной), и "любви к учебе" — строгому соблюдению правил благопристойности и долга.

Именно Конфуцию принадлежат слова, отражающие ныне важнейший критерий общечеловеческих норм общежития: "Не делай другим того, чего не желаешь себе".

Нынешнее состояние и перспективы международного экономического, политического и культурного развития показывают, что "китайский фактор" и опыт китайской цивилизации играют все более важную роль в междивизиационных отношениях, в поддержании здорового междивизиационного диалога и выработке норм поведения в глобализирующемся человеческом сообществе.

Географическое положение Китая и его роль в современном мире предопределяют неизбежность его участия в формировании евразийского мировоззрения и соответствующей ему системы ценностей. Евразийский фактор отчетливо просматривается в историческом развитии Китая, например, в провозглашенном в 80-90-х годах прошлого века принципе *янью* ("усвоения заморских дел" — соединения духовно-нравственной культуры Китая с "заморской технологией и техникой"), в разрабатывавшемся Сунь Ятсеном в начале XX в. принципе творческого заимствования иностранного опыта — *хуаси* ("китаизация западного"), в построении в настоящее время "социализма с китайской спецификой" на основе открытости, реформ, модернизации и активного использования традиционных ценностей. Последнее наиболее ярко получило отражение в использовании конфуцианских идей об обществах "большого единства" (*датун*) и "среднего достатка" — *сяожан* — как общенациональных консолидирующих и мобилизационных идей.

В связи с этим познание опыта развития духовной культуры Китая имеет принципиальное значение и для России, вырабатывающей в сложнейший для нее период идею национальной самоидентификации.

Россия находится на стыке крупнейших цивилизаций. Она сомкнула Восток и Запад на "Оси Истории", задающей циклы формирования и развития цивилизаций. Ей досталась драматическая роль связующего центра живого организма Евразийского континента. История не раз уже показала, что от духовного самочувствия России в значительной мере зависит духовное, а вместе с ним интеллектуальное и физическое самочувствие всех континентальных цивилизаций. Вследствие этого знание духовных культур других цивилизаций в их внутренней сущности и внешнем эстетическом выражении является необходимым условием органичного и гармоничного (симфоничного) единения цивилизаций и обеспечения здорового развития русской и российской цивилизации.

Для России знание духовной культуры Китая и взаимодействие с ней имеет особое значение. Во-первых, эта культура укоренена космографически и этнически, она глубоко традиционна, прошла долгий путь непрерывной эволюции, внесла существенный вклад в арсенал мировых духовных ценностей. За ней духовный опыт тысячелетий, владение способами коллективного воспроизводства духовных универсалий. Открытие подлинного лика этой культуры способно помочь России высветить азиатские корни и черты в собственном духовном лике. Идея человеколюбия и основанная на ней гармония отношений между людьми, гармония человека и окружающего его естественного мира, гармония человека и государства — эти фундаментальные мировоззренческие ценности являются общими и для российского евразийства, и для национальных идеологий наших азиатских соседей. В этом контексте замечательно звучат слова из древнекитайского трактата "Чжун юн" ("Следование Середине"): "Человеколюбие — суть человечности". В русской культурной традиции эта идея обогащается идеей о сострадании как неотъемлемой части подлинного человеколюбия.

Во-вторых, китайская духовная культура позволяет продвинуться по пути конкретизации идеи *нового евразийства*. Современное российское евразийство — объективный планетарный факт, географическая, гуманитарная и социальная реальность. Россия охватывает части европейского и азиатского пространств и соединяет их в Евразию, она включает в свою сферу элементы европейской и азиатской культур. Идея евразийства существовала с момента рождения России, однако ее смысл и осознание были неким сократальным достоянием небольшого круга мыслителей и в своем истинном смысле удерживалась на уровне подсознания народа или выражалась в религиозных формах, подминалась пришлыми спекулятивными политическими доктринами, вместе с тем подвергаясь третированию европоцентристски ориентированной властью и значительной частью элиты. В настоящее время идея евразийства в обновленном виде выходит на поверхность самосознания россиян и властей предрежащих.

Для России идея нового евразийства может стать ключом к раскрытию духовной тайны русской цивилизации, к познанию ее телеологии и принципообразующих основ. Она концентрированно отражает наиболее общие, жизненно важные интересы всех наций континента, всех социальных слоев и конфессий, утверждает принципы взаимопомощи и сотрудничества людей, сплоченных общей исторической судьбой.

Идея нового евразийства имеет не только чисто русские и российские, но и глобальные характеристики. Евразийство дает альтернативу поглощению одних культур, цивилизаций и этносов другими, представляет парадигму со-

временных межцивилизационных отношений, обеспечивающих жизнь культур и цивилизаций, сохранение этнического и цивилизационного многообразия. Оно дает возможность преодолеть извечную поляризацию по линиям Восток — Запад, Север — Юг, показывает единство и различие национальных традиций и формирует способы их созвучия.

В мировоззренческом измерении евразийство создает планетарное поле, в котором каждая культура обретает возможность сохранить свое место среди других культур, по-новому увидеть собственные традиции, обрести свой путь существования и развития, принять участие в выработке нового умственного словаря человечества. Таким образом может быть устранена в условиях глобализации почва для межкультурных конфликтов и обретена на новом уровне симфония культур.

В этом поле и должна осуществиться встреча культур Китая и России, шагом к чему призвана стать настоящая энциклопедия.

О содержании и структуре энциклопедии.

До сих пор энциклопедии, целиком посвященные духовным аспектам китайской (ханьской) цивилизации, существовали только на китайском языке¹. Отличия данной энциклопедии от сходных по тематике китайских изданий обусловлены главным образом двумя обстоятельствами. Во-первых, издание принципиально ориентировано на читателя, воспитанного в русскоязычном и европейском культурном пространстве. Учитываются не только особенности китайской духовной культуры, но и специфика культурной ситуации в странах СНГ, духовные и интеллектуальные потребности и интересы определенных слоев общества, сложившиеся в Российской Федерации образовательные стандарты, программы и принципы преподавания гуманитарных дисциплин. Во-вторых, в энциклопедии впервые предпринята целенаправленная попытка совместить формат специализированной энциклопедии в строгом понимании этого слова и справочника (энциклопедического словаря).

Все это предопределило освещаемую в издании проблематику, значительная часть которой впервые представлена в справочном издании на европейском языке, а также особенности композиции и архитектоники издания, принципов изложения и подачи материала.

Проблематика энциклопедии

Интерес к китайской духовной культуре в нашей стране принял массовый характер в конце 70-х — 80-е годы. Он был в значительной степени связан с увеличением числа и тиражей востоковедческих публикаций. Культура Востока в определенной мере удовлетворяла духовные и интеллектуальные потребности, считавшиеся маргинальными по отношению к официально установленным.

Общественный интерес к феноменам восточной культуры резко вспыхнул в конце 80-х годов XX столетия. Ошеломляющий наплыв недоступной прежде разнородной информации открыл для людей с разными интересами и жизненными установками широкую возможность поиска своего места в многочисленных духовно-культурных “экологических нишах”, удовлетворения интереса к самым разным аспектам и уровням мировой цивилизации и собственной национальной культуры. Общность или типическое сходство между многими такого рода “нишами” стала в разной степени отчетливо осознаваться ближе к концу 90-х годов XX в. Начали все более явно обозначаться магистральные направления культурного процесса, маркируемые массовым интересом к тем или иным областям мировой культуры. Одно из таких направлений проявилось в устойчивой тенденции к повышению в общественном сознании статуса куль-

турных феноменов, рожденных дальневосточной традицией, прежде всего китайской цивилизацией.

Вместе с тем мотивы обращения к такого рода феноменам весьма многообразны. Условно можно разделить их на несколько категорий.

1. *Поиск осуществимого личностного и социального идеала, духовных ориентиров, путей решения проблем, связанных с задачей выживания человечества.* Этот поиск, стимулированный ослаблением авторитета прежних идейных и культурных норм и стандартов, нередко приводит к древним китайским памятникам и к личностям их создателей. Такой выбор подкрепляется тем обстоятельством, что в традиционной китайской мысли обнаруживаются аналоги принципов и моделей современных экологических теорий, и часто сопровождается увлечением не только китайскими философскими системами, но и психопрактикой (*цигун*), особенно даосскими психотехниками, поддержания и укрепления здоровья, физического и духовного самосовершенствования, нетрадиционными парамедицинскими теориями, боевыми искусствами, религиозными учениями и т.д.

2. *Стремление найти новые эффективные средства для достижения личного жизненного успеха, повышения функциональных возможностей тела и психики, обретения чувства уверенности в себе и своих силах.* Подобная мотивация обычно сопряжена, помимо интереса к психотехникам, медицине и боевым искусствам, с увлечением китайской геомантией *фэн шуй*, астрологическими аспектами традиционного китайского календаря и мантическим планом классической "Книги перемен" — "И цзина".

3. *Профессиональный интерес представителей медицины, психологии, естественных наук к доказавшим свою эффективность (прежде всего в области медицины) парадигмам постановки и решения теоретических и практических проблем, применявшимся древними цивилизациями.*

4. *Заинтересованность обществоведов, политологов, гуманитариев других специальностей, представителей различных общественно-политических движений в выявлении секретов исторической устойчивости культурной традиции, социальных и культурных институтов, примеры которой дает китайская цивилизация, механизмов возрождения государственной мощи Китая, а также в определении параметров этнокультурной психологии китайцев, моделей и мотивов принятия ими практических решений, в том числе политических и коммерческих.*

5. *Самоопределение в рамках собственной духовнокультурной традиции, требующее сопоставления в плане "сходств и различий" с другими мощными и устойчивыми традициями.*

6. *Тяга к новым формам и возможностям эстетического переживания, которые несут с собой виды и жанры китайского художественного творчества, необычные для западной культуры "искусства" (например, искусство чайной церемонии, каллиграфия, формализованные комплексы в боевых искусствах, традиционные гимнастики и т.п.), желание разнообразить тривиальные формы быта.*

Перечисленные выше мотивационные установки могут пересекаться и накладываться друг на друга, по-разному комбинироваться, неодинаково проявлять себя. Но так или иначе, именно они главным образом обуславливают интерес к духовной культуре Китая на пространстве СНГ. С учетом этих мотиваций особенно большое место в энциклопедии отведено общетеоретическим и методологическим аспектам китайской духовной культуры, представленным в разделе "Философия и традиционная наука". Отдельные отрасли традиционной китайской науки и популярные ныне китайские "искусства" освещаются с

разных сторон — как в указанном разделе, так в статьях и глоссах разделов “Культура духовного и психо-физического самосовершенствования”, “Религия”. С разными аспектами традиционных для Китая эстетических и художественных представлений, переживаний, видами и жанрами художественного творчества читатель может ознакомиться и в статьях и глоссах раздела “Философия и традиционная наука”, посвященных китайской эстетике, и в разделах “Литература Китая”, “Искусство Китая”. Особенности традиционного мировоззрения, методологическая универсальность моделей, разработанных в китайской философии, и в то же время их способность к развитию, практическая применимость наглядно показаны в разделе “Военная мысль Китая”.

Впервые в отечественной синологии в обобщающем издании отдельной рубрикой представлена китайская педагогическая традиция (раздел “Педагогическая мысль”). Раскрытию многих особенностей китайского мировосприятия и китайской культуры для не Китаеведов должно способствовать ознакомление с материалами раздела “Язык и письменность”. Главным образом для специалистов и студентов гуманитарного профиля, практических работников в области международных отношений предназначены разделы “Китайская историография”, “Политическая и правовая культура Китая”, “Экономическая мысль Китая”. Важный срез духовной жизни китайцев освещен в разделе “Традиционные общественные нравы, культура повседневности и обрядность”, в котором показано, как установки культурного сознания, общекультурные идеалы и системы ценностей преломлялись в повседневной жизни китайского общества.

С учетом обозначенных выше интересов различных групп читателей проблематика энциклопедии не ограничивается только традиционными формами духовной жизни: в ее статьях и глоссах представлены современные виды китайского художественного (включая искусство театра и кино) и интеллектуального творчества, показана связь традиции с сегодняшним днем.

Помимо очерченного выше комплекса мотивов, проблематика издания обусловлена также *особенностями подхода создателей энциклопедии к феномену китайской духовной культуры*. Этот подход носит *цивилизационный* характер и нацелен на освещение *китайской духовной культуры этапа цивилизации*. С одной стороны, этот подход подразумевает ограничение исторической ретроспективы временем существования развитой письменной традиции, существования городов, государственных структур и т.п., с другой — он имеет в виду раскрытие духовных аспектов *китайской цивилизации как локальной межэтнической общности*, в течение длительного исторического периода поддерживающей устойчивые внутренние культурные связи, в результате чего были выработаны определенные принципы социальной организации и регуляции, культурные институты, формы духовной жизни. Вместе с тем, такой подход предполагает, в частности, вторичность для проблематики энциклопедии тех культурных феноменов, которые развивались вне контекста письменной традиции или носят для этапа цивилизации архаический и маргинальный характер.

Проблематика издания определяется также *особенностями духовного аспекта китайской цивилизации*. В синологических трудах чаще всего в той или иной форме выделяются следующие специфические черты китайской духовной культуры.

1. *Гомогенность, длительность и непрерывность развития*. Этот фактор обусловил остроту внимания в данной энциклопедии исторической ретроспективе.

2. *Тесное историческое взаимодействие “книжного” и “народного”, или “общенародного” слоев национальной духовной культуры, между которыми существовала активная обратная связь*. Данное обстоятельство сделало

необходимым описанием конкретных способов и форм обратной связи между двумя слоями культуры: они обозначены главным образом в глоссах, посвященных общекультурным категориям, идейным и религиозным направлениям, а также в статьях разделов "Литература", "Культура духовного и психофизического самосовершенствования", "Религия", "Традиционные общественные нравы, культура повседневности и обрядность".

3. *Особый статус философии как основы общекультурного мировоззрения и образования, ее выражение во всех сферах интеллектуальной и художественной практики; универсальная роль нумерологических построений и цзинистики для теоретической систематизации знания и познания во всех областях при отсутствии развитых формальнологических построений.* Это обуславливает апелляцию к философской проблематике в большинстве разделов энциклопедии, преобладание в ее материалах перекрестных ссылок на статьи и глоссы раздела "Философия и традиционная наука", преимущественную теоретическую насыщенность названного раздела и обширность его глоссария по сравнению с другими разделами.

4. *Ориентированность на каноны — своды основополагающих текстов, формирующих парадигму осмысления мира и человеческой жизни, важная культуросозидающая роль комментаторства и экзегезы, устойчивость авторитета традиционного канона даже в условиях коренных изменений социально-экономического строя и официальной идеологии.* Каноническим основаниям традиционных теорий и культурной практики уделяется значительное внимание во всех разделах энциклопедии.

5. *Идейный и религиозный синкретизм.* Данная особенность китайской духовной культуры обусловила необходимость освещения форм и способов взаимодействия различных идейных и религиозных течений в Китае, прежде всего конфуцианства, даосизма и буддизма, практически во всех разделах энциклопедии. Особое место этой проблематике отведено в разделах "Философия и традиционная наука", "Культура духовного и психофизического самосовершенствования", "Религия", "Традиционные общественные нравы, культура повседневности и обрядность".

6. *Пронизывающая все аспекты духовной жизни идея гармоничного устроения личности и социо-природного космоса, достижения их динамического, гомеостатического внутреннего равновесия.* Конкретные проявления этой культурной установки освещаются главным образом в обобщающих статьях, а также в глоссах, посвященных идейным и религиозным течениям, методам духовного и психофизического совершенствования, устроения отношений в семье и социуме.

7. *Понимание истории как системы закономерных циклов, восходящее к традиционным представлениям о циклическом космосе и периодической смене деградировавшей династии новой, которая получает "небесный мандат" на правление.* Эта особенность китайской культуры отражена не только в разделе "Историография", но и в тех разделах, в которых так или иначе затрагиваются проблемы исторического процесса и эволюции общества: "Философия и традиционная наука", "Политическая и правовая культура" и других.

8. *Мощные механизмы адаптации инокультурных влияний, позволившие китайской цивилизации выйти из кризиса конца XIX-XX в., не утратив самоидентичности.* Соответственно, практически во всех разделах энциклопедии представлены способы, формы и результаты рецепции китайской цивилизацией идей, мировоззренческих установок, институтов, видов культурной практики, возникших в других культурах.

9. *Обусловленность традиционного интеллектуального и художественного творчества особенностями иероглифической письменности, в кото-*

рой главным средством передачи информации является иероглиф, сочетающий в себе понятие и изображение, имеющее чувственно-эстетическое содержание. Проблематика, связанная с влиянием иероглифики на китайскую культуру, освещается главным образом в разделах "Язык и письменность", "Искусство" (статья "Каллиграфия"), "Философия и традиционная наука" (статья "Особенности понятийного аппарата китайской философии" и глоссы, посвященные терминам), "Традиционные общественные нравы, культура повседневности и обрядность".

Некоторые перечисленные выше характеристики могут быть отнесены и к традиционным духовным культурам других народов, по крайней мере на отдельных этапах их истории, но специфику китайской цивилизации определяет устойчивость именно комплекса таких черт.

Композиция энциклопедии, принципы изложения и подачи материала

Построение разделов настоящей энциклопедии объясняется главным образом тем обстоятельством, что в ней предпринята попытка *совмещения разных форматов энциклопедического издания*: соответствующего западному пониманию термина "энциклопедия" и принятого в отечественной традиции.

Более привычный для западной культуры тип специализированной энциклопедии, которая представляет собой своего рода систематизированную подборку развернутых статей по определенной тематике, позволяет четко провести проблемный принцип подачи материала и дает выигрыш в плане последовательности и связности изложения. В отечественной же культуре подобный формат чаще применяется в популярных энциклопедических изданиях, в основном предназначенных для юношества, а специализированную энциклопедию по преимуществу принято понимать как максимально фундаментальный и подробный энциклопедический словарь, который должен быть удобен для использования прежде всего в качестве справочного пособия.

Главной причиной сведения обоих подходов к жанру специализированной энциклопедии стали задачи, которые ставились перед настоящим изданием. В первую очередь это освещение китайской духовной культуры с учетом мотивов общественного интереса к ней, в контексте современной культурологической проблематики и актуальных практических вопросов взаимодействия культур; систематичность изложения, принимающая во внимание отечественные культурные и научные стандарты; создание достаточно удобного в употреблении справочника, в том числе библиографического, по основным отраслям китайской духовной культуры. С этой целью в каждый раздел включены два подраздела: первый содержит развернутые статьи — обобщающие теоретические материалы и очерки истории тех или иных культурных феноменов, видов и форм духовной культуры, второй носит название "Глоссы" и построен по принципу энциклопедического словаря, в котором в алфавитном порядке представлены имеющие отношение к теме персоналии, термины, памятники, школы, течения и т.п. Соотношение объемов подразделов внутри раздела и состав глоссария обусловлены в первую очередь представлениями их авторов и составителей о приоритетности тех или иных сведений, наиболее адекватных способах изложения и подачи материала по соответствующей тематике. Поэтому, в частности, в разных разделах преобладают обобщающие статьи либо глоссы, среди статей — проблемно-теоретические материалы или исторические очерки, в глоссариях — персоналии либо термины и т.п.

Существенной новацией в плане изложения материала и неожиданностью для читателя может оказаться дублирование названий глосс в разных

разделах. Это объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что традиционная китайская культура носила синкретический характер не только в плане идеологии (комбинирование и совмещение установок и принципов разных идейных и религиозных течений, прежде всего конфуцианства, даосизма и буддизма), но и с точки зрения нерасчлененности, комбинированного характера тех видов интеллектуального и художественного творчества, которые на Западе принято разделять (например, философию и литературу, философию и историческую науку, политико-экономическую мысль и т.п.). В Китае великий поэт мог быть выдающимся мыслителем, философ — историографом, математиком или астрономом, представитель религиозной мысли — врачом и т.д. Поэтому в глоссариях разных разделов могут фигурировать одни и те же персоналии: творчество того или иного представителя китайской духовной культуры освещается в разных аспектах, в каждом случае — в той части, которая касается тематики соответствующего раздела.

Во-вторых, в силу особенностей китайского языка ключевые понятия китайской духовной культуры могут употребляться в различных смыслах в разных видах интеллектуального и художественного творчества, что представляется парадоксальным с точки зрения современных представлений о терминологии. Так, слово *вэнь* фигурирует в глоссарии раздела “Философия и традиционная наука” и в статьях раздела “Литература”: в первом случае доминирующий смысл в спектре значений *вэнь* уточняется как “письменность/культура”, во втором — как “изящная словесность”.

Учет традиций отечественной системы образования, привычных для читателя номинаций видов, направлений и жанров духовной, интеллектуальной и художественной практики применительно к подаче материала нашел выражение в рубрикации энциклопедии (прежде всего в названиях статей). Это может выглядеть небезупречным с точки зрения современного китаеведения: за нормативными для нашей культуры обозначениями могут скрываться своеобразные феномены китайской культуры, имеющие мало общего с западными аналогами. Так, весьма специфична китайская философская традиция, игравшая в Китае особую роль. Понятийный инструментарий и мыслительные модели философии носили там универсальный характер и использовались во всех традиционных видах интеллектуального и художественного творчества. Фундаментальные особенности китайской философской традиции даже неоднократно приводили некоторых авторитетных ее исследователей к сомнениям в самой правомерности использования по отношению к ней термина “философия” в западном его понимании. Отдельные аспекты философского творчества, ныне обозначаемые как онтология, этика, эстетика, гносеология и т.п., соединились в сложные синкретические образования и не всегда легко вычлениваются в китайской мысли. Однако именно в этих категориях обычно осмысляет философскую традицию человек, получивший образование в нашей стране. Поэтому в соответствующем разделе энциклопедии такого рода категории используются в названиях тех статей, авторы которых, отталкиваясь от привычной для читателя системы понятий, стремятся показать специфику китайского теоретического мышления.

Вместе с тем, особенности освещаемого материала делают не всегда правомерным следование обычным рубрикациям, вынуждая создателей энциклопедии вносить в них определенные коррективы. Так, в Китае собственно философия была практически не отчленена от того, что в современной культуре принято относить к сфере науки. Поэтому эти области интеллектуального творчества, автономные с точки зрения западной традиции, были объединены в одном разделе, глоссы даны общим списком и только обобщающие статьи соответствующей тематики разнесены по разным подразделам (“Китайская фи-

лософия” и “Традиционная наука в Китае”). Подобные соображения принимались во внимание и при определении рубрик в некоторых других разделах.

Сложность осмысления китайского духовного наследия в привычных категориях, дискуссионный характер целого ряда теоретических проблем, возникающих в процессе такого осмысления, побудили создателей энциклопедии ознакомить читателя также с *проблематикой синологии* в той части, которая затрагивает наиболее общие и фундаментальные вопросы изучения духовной культуры Китая. В первую очередь это касается раздела “Философия и традиционная наука”. При всем стремлении авторов и составителей объективно представить наиболее репрезентативный фактический материал, они неизбежно придерживаются тех или иных, часто несходных, теоретических и идейных концепций и подходов, которые проявляют себя в отборе материала, ракурсах его освещения, выделении в нем главного и второстепенного, определениях и резюмирующих формулировках и т.п. Представленные в энциклопедии сведения об исторических этапах и основных тенденциях изучения китайской духовной культуры мировой наукой должны способствовать лучшему пониманию заинтересованным читателем теоретических позиций сиологов, того материала, с которым он встречается в китаеведческих трудах, в том числе в настоящем издании, формированию у читателя более отчетливого и независимого представления об освещаемых в энциклопедии феноменах.

С учетом мотивов и направлений общественного интереса к китайской культуре в некоторых статьях (например, в разделе “Культура духовного и психофизического самосовершенствования”) непосредственно сопоставляются духовные феномены и установки, рожденные китайской и европейской традициями, взаимодействие китайской и иных духовных культур рассматривается не только в историческом аспекте, но и с точки зрения текущих культурных процессов.

Издание носит во многом экспериментальный характер. Оно призвано продолжить выполнение задач, реализация которых была начата при подготовке энциклопедического словаря “Китайская философия” (М.: “Мысль”, 1994): выработка методологической и концептуальной основы синологико-культурологических справочных изданий на русском языке, апробация способов подачи материала по этой тематике, определение оптимальных подходов к его освещению и систематизации. Редколлегия энциклопедии надеется, что это издание будет способствовать упрочению контакта между культурами России и Китая, росту взаимопонимания между народами двух стран.

-
1. Книга В.В. Малявина “Китайская цивилизация” (М.: “Издательство Астрель”, Издательско-продюсерский центр “Дизайн. Информация. Картография”, 2000) не является в этом смысле исключением. При всей ее информативности и безусловной полезности это не академическое, а популярное издание (в частности, там отсутствуют перечни рекомендуемой литературы по затронутой тематике). К тому же она освещает достижения также материальной культуры Китая, лишь вскользь затрагивая некоторые важные феномены духовной культуры, и значительно уступает настоящей энциклопедии в объеме (50, 96 усл. печ. л. против 130).

Научная жизнь

Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы

23-25 сентября 2003 г. в Институте Дальнего Востока Российской академии наук состоялась XIV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организованная Научным Советом по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделением международных отношений РАН совместно с Институтом Дальнего Востока и Ассоциацией китаеведов Российской академии наук.

"Китай: шансы и вызовы глобализации" — основная тема, которой была посвящена конференция.

Работа секций велась по пяти направлениям: "XVI съезд КПК: новая парадигма политики и социальных отношений в Китае", "История и историография Китая, традиции и современность", "Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия", "Глобализация и проблемы отношений Китая с Россией, США, Японией, Индией и другими странами", "Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации".

В работе конференции наряду с российскими китаеведами и востоковедами из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Хабаровска, Барнаула, Казани приняли участие ученые из различных научных центров Китайской Народной Республики (Академии общественных наук Китая, Шанхайской академии общественных наук (АОН), Пекинской административной академии, Цзиньиньской АОН, и др.), представители посольства КНР в РФ, исследователи из Белоруссии, Казахстана, Монголии, Индии, Литвы, Латвии, Мальты, Германии, США, Франции, Японии.

Конференцию и ее первое пленарное заседание открыл академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН, профессор М.Л. Титаренко. В своем выступлении он отметил актуальность темы конференции, обсуждение которой позволит выявить глубинные тенденции развития Китая в XXI в. Китай достаточно эффективно и всесторонне адаптируется к процессу глобализации, сам пытается влиять на этот процесс, на его содержание и формы, стремится воспользоваться глобализацией как шансом для интеграции в мировую экономику, завоевания емких рынков для своих товаров, освоения передовых методов управления современной экономикой и приобщения к новейшим технологиям. Новаторский подход и сверхзадачи, которые поставили перед собой Китай и его руководство, состоят в том, чтобы, включившись в процесс глобализации и постиндустриальной капиталистической рыночной экономики, создать в рамках этой системы материк социалистической экономики — социализма с

китайской спецификой. Опыт вхождения Китая в глобализацию, его умение воспользоваться благоприятными шансами для стимулирования процесса модернизации и реформ, его стойкость и стратегия поиска ответов на вызовы времени весьма поучительны для России, и не только для нее, подчеркнул в заключение своего выступления М.Л. Титаренко.

Академик РАН С.Л. Тихвинский приветствовал участников и гостей конференции, отметив что она дает хороший повод задуматься над нарастающей с каждым годом актуальностью глобальных проблем (нехватка ресурсов, перенаселенность, разрушение окружающей среды и др.), которые требуют внимательного изучения и решения. Необходима выработка новой парадигмы развития человечества, суть которой — высоконравственное общество и приоритет духовных ценностей над материальными. Антиглобалистское движение, считает С.Л. Тихвинский — это форма протеста людей, осознающих бедственное положение, в котором находится большая часть населения планеты, выступающих против того, чтобы культурные ценности человечества были сведены исключительно к рынку.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Полномочный министр Посольства КНР в РФ Чжоу Ли. Он особо отметил, что процесс глобализации не может одинаково влиять на государства, находящиеся на разных этапах развития. “Дивиденды” глобализации не могут быть распределены равномерно между развитыми государствами и развивающимися странами. Развитые государства, как правило, имеют явные преимущества, обладая капиталами, техникой, управленческими кадрами. Они активно стимулируют процесс глобализации и являются самыми крупными благополучателями. Развивающиеся страны, наоборот, находятся в довольно невыгодном положении. Чжоу Ли подчеркнул, что только путем усиления экономического сотрудничества всех стран можно развивать и продвигать вперед процесс установления справедливого, рационального нового международного экономического порядка и тем самым способствовать глобализации мировой экономики в интересах процветания всего человечества. Китай активно участвует в процессе глобализации, стремясь получить от него выгоды и избежать потерь. Вступив в ВТО, КНР осознает свою ответственность и принимает активное участие в укреплении и развитии мирового рынка. Чжоу Ли пожелал конференции успеха и интересных дискуссий.

На пленарном заседании было заслушано несколько научных докладов. В докладе проф. Т. Ямады (Ун-т Эйр, Япония) “Японские исследования политической истории современного Китая после второй мировой войны” были проанализированы достижения и тенденции, сложившиеся в изучении политической истории современного Китая в Японии после второй мировой войны, обозначены новые направления исследований. Образование КНР оказало большое влияние на японские исследования современной китайской истории во второй половине XX в. Независимо от политических пристрастий исследователи ставили своей задачей объяснение причин прихода КПК к власти в Китае. Оценивая японские исследования за последние пятьдесят лет, Ямада считает, что исследователи находились под слишком сильным влиянием результатов развития Китая. Он полагает, что необходимо попытаться найти проявление сохраняющейся преемственности в изменяющемся Китае и определить будущее развитие КНР “через перемены в преемственности”. По мнению Ямады, “нынешнее и будущие явления будут иметь ограничения, налагаемые исторической структурой прошлого”. Признавая структурные изменения при переходе от эпохи Мао к эре Дэн Сяопина, невозможно, считает он, отрицать преемственность в рамках политической структуры Китая XX в. Тем не менее, в

ближайшем будущем трудно рассчитывать на перспективу демократизации Китая в том виде, как это происходило на Западе, полагает Т. Ямада.

Профессор Л. Ларуш (Шиллеровский ин-т, ФРГ— США) изложил свое "Видение перспектив на XXI век". Крушение СССР обусловило новую стратегическую ситуацию, в которой США стали выступать в качестве практически единственной мировой сверхдержавы, статус которой не может оспорить никакое другое государство. США, считает Ларуш, должны признать моральную ответственность за благосостояние других наций, чего требует приобретенная ими сила. США обязаны заниматься решением мировых проблем, но авторитет и ответственность за то, что происходит на международной арене, должны основываться не на военной силе, а на сотрудничестве суверенных и равноправных наций. Ларуш предложил вместо концепции многополярного мира, которую он считает источником опасности, концепцию глобального сообщества суверенных государств с равными правами и возможностями на основе ойкуменистического принципа "выгоды для другого".

Д.э.н. Шабалин В.И. (ИДВ РАН) в докладе "К вопросу об экономическом факторе в отношениях России—Китая—США" пришел к заключению, что Россия, Китай и США в своих двусторонних отношениях "связаны" формулой "стратегического партнерства в XXI в.". России и Китаю для того, чтобы на деле более успешно реализовать договоренность о стратегическом партнерстве и взаимодействии в XXI в., следовало бы предпринять крупные шаги в сфере экономического сотрудничества, выходящие за рамки сиюминутного коммерческого интереса. Для этого необходимы не только политическая воля обеих сторон, но и решение ряда вопросов, во многом связанных с проблемой капитальных вложений. Во-первых, речь идет о трансформации торгово-посреднической схемы экономических связей в производственно-инвестиционную модель экономического сотрудничества. Во-вторых, вряд ли, как считает В.И. Шабалин, целесообразно строить двусторонние экономические отношения исключительно на рыночных принципах. Рынок не охватывает всего содержания механизма экономического сотрудничества, оно не может успешно осуществляться без государственного регулирования, которое должно играть в ряде случаев приоритетную роль.

Проф. Цзинь Чунци (Центр партийной литературы при ЦК КПК, КНР) в своем выступлении затронул проблемы обеспечения устойчивого развития Китая, обратив особое внимание на вопросы народонаселения и трудоустройства, окружающей среды и ресурсов. Экономика КНР развивается высокими темпами: в первом квартале 2003 г. прирост ВВП составил 9,9%, в первом полугодии из-за эпидемии атипичной пневмонии темпы роста несколько снизились и составили 8,1%. Цзинь Чунци особо подчеркнул, что одной из важнейших задач является поддержание высоких темпов развития экономики.

Второй день работы конференции был посвящен свободному обмену мнениями на тему "Глобализация и китайский фактор в мировой экономике". Участникам "круглого стола" для обсуждения были предложены следующие вопросы:

Международная конкурентоспособность китайской экономики: оценка и перспективы.

Внешние угрозы и вызовы экономике Китая.

Китай как один из основных факторов роста мировой экономики: что здесь правда, а что — вымысел.

В работе "круглого стола" приняло участие около 70 ученых, в том числе и представители Китая. 15 человек выступили с вопросами и комментариями. Подводя итоги работы "круглого стола", член-корр. РАН В.В. Михеев в своем заключительном слове сформулировал следующие выводы:

1. Китай сегодня находится примерно на 30-м месте в мире по конкурентоспособности.

2. Налицо тенденция повышения конкурентоспособности Китая в последние годы. Это, в частности, отражается в доле Китая в мировом ВВП (4,3%) и экспорте (около 5%). В случае успешного выполнения стратегических экономических задач Китай может удвоить эти показатели в ближайшие два десятилетия.

3. Вместе с тем, на мировых рынках Китай сталкивается с возрастающей конкуренцией развитых стран, ему становится все труднее находить новые ниши в международном разделении труда. Пока Китай представляет собой региональную, а не глобальную державу. По оценкам китайских участников дискуссии, КНР потребуется еще не менее 20 лет для того, чтобы стать действительно влиятельным фактором развития мировой экономики. Оценки российских ученых более оптимистичные, они считают, что Китай уже активно влияет на конъюнктуру многих мировых рынков, в частности, рынка грузоперевозок, не говоря уже о текстильной продукции.

4. Главные стратегические вызовы связаны с проблемой обеспечения устойчивого развития, прежде всего, его экологической составляющей, а также с обеспечением растущего спроса КНР на энергоносители.

5. Участники дискуссии наметили ключевые направления научных исследований на перспективу, связанные с изучением вызовов и угроз Китаю и скрытых опасностей для его социально-экономического развития.

Пленарное заседание 25 сентября открылось докладом проф. Яо Хуаня (Пекинская административная академия, КНР) "XVI съезд КПК: новые формы отношений между политикой и обществом в Китае". С его точки зрения, нельзя однозначно охарактеризовать влияние западной культуры на Китай в качестве позитивного или негативного. Западное культурное наследие докладчик разделил на три пласта, не пояснив, к сожалению, свою классификацию конкретными примерами. Первый, по его мнению, это достижения западной культуры, которые можно и нужно использовать в интересах развития китайского общества; второй — специфические западные ценности, характерные исключительно для западной цивилизации, и третий — неприемлемые для Китая западные идеологические ценности. КНР должна иметь свой подход к социокультурной сфере, не игнорируя опыт социально-политических реформ, имевших место в других странах. Необходимо сочетать национальные традиции с достижениями мировой культуры, отметил в заключение докладчик.

Проф. Д.Шуркхуу (Институт изучения международных отношений МАН, Монголия) в докладе "Монгольско-китайские экономические отношения и сотрудничество в новом веке глобализации" высказал мнение о том, что экономические отношения между Монголией и Китаем значительно улучшились, однако, несмотря на это, имеется ряд вопросов, требующих внимания и решения. Так, с 1990 г. КНР по объему инвестирования капиталов и количеству компаний в Монголии опережает все страны мира. Однако качество прибыли и размеры инвестиций Китая слабо сопоставимы с товарооборотом и объемом торговли между двумя странами. В монгольско-китайских отношениях плохо развито сотрудничество в области финансов и банковского дела, необходимо осуществить модернизацию системы платежей, улучшить межгосударственное банковское обслуживание. Из-за слабого контроля на пограничных пунктах двух стран достаточно часто случаются нарушения, приводящие к контрабандным поставкам товаров и уклонению от уплаты пошлин. А это, в свою очередь, негативно сказывается на развитии торговых отношений. Тем не менее, отметил проф. Шуркхуу, у Монголии и Китая имеется значительный потенциал для развития долговременных торговых отношений и сотрудничества

в областях горнодобывающей промышленности, дорожного строительства и в сфере туризма.

Д.и.н. Н.Л.Мамаева (ИДВ РАН) выступила с докладом на тему "XVI съезд КПК и проблема адаптации партии к вызовам времени". Она считает, что научно обоснованный вывод социологов КНР об изменившейся социальной структуре китайского общества дал КПК основание сформулировать новые походы в области партийного и политического строительства. Выявленная тенденция роста численности среднего класса и одновременный рост бедных слоев поставили руководство КПК перед необходимостью учитывать в партийной и государственной политике интересы указанных социальных групп. Новацией является представленная на съезде в качестве руководящей идеи партии концепция "тройного представительства". Хотя она формулируется привычными категориями и штампами, тем не менее, считает Н.Л.Мамаева, учитывая все обстоятельства формирования концепции, новые характеристики практики партийного строительства, устойчивость в политическом сознании отдельных категорий коммунистических учений, можно сделать вывод о новом качестве принятой съездом руководящей идеи. Она открывает "клапан дальнейшего освобождения сознания от стереотипов прошлого". Съезд показал, как далеко ушла партия от негативной практики принятия решений одной личностью и обозначил новый уровень коллективного руководства.

Д.э.н. В.Я.Портяков (ИДВ РАН) в докладе "Об экономической роли государства в Китае" сделал акцент на том, что до настоящего времени эта проблема в комплексном виде не анализировалась ни в российском, ни в западном китаеведении. Он обратил особое внимания участников конференции на тот факт, что для количественной оценки роли государства в экономике нередко используется показатель доли собранных налогов в ВВП. На взгляд докладчика, в случае с Китаем данный показатель заметно занижает реальную экономическую роль государства. "За кадром" остаются огромные неналоговые поборы местных администраций с крестьян, недооценивается роль государства в инвестиционном процессе. В самом Китае в последнее время при оценке роли государства в экономике стали активно обращаться к показателю степени маркетизации народного хозяйства. Причем, при всех различиях в методиках расчетов китайские исследователи единодушно полагают, что этот уровень в КНР значительно ниже, чем в развитых странах и регионах, выше, чем в основных развивающихся странах, и соответствует среднему уровню маркетизации стран с переходной экономикой.

Проф. Чжан Байцзя (Институт истории партии при ЦК КПК) в докладе "Формирование модели внешней политики Китая в период реформ и открытости (1992-2002) особо отметил тот факт, что внешняя политика КНР в эти годы была поставлена на службу реформ и открытости. Расширилось понимание закономерностей и хода исторического развития, усложнившейся структуры современных международных связей. После 1992 г. Китай стал заинтересован в установлении отношений с большинством стран мира, был взят курс на урегулирование всех существовавших пограничных проблем, произошло значительное расширение поля международных отношений, возросла роль личности во внешней политике. Китай, подчеркнул Чжан Байцзя, превращается в великую мировую державу, однако у него еще недостаточно опыта в этой области. КНР должна принимать большее участие в решении проблем в горячих точках планеты, в процессах стабилизации и сохранения безопасности в АТР, в сотрудничестве с "восьмеркой", в решении вопросов, связанных с ядерной безопасностью.

Периоды расцвета и упадка в истории Китая тесно связаны с внешней открытостью или изоляцией страны. В докладе директора Института России пров. Цзилинь (КНР) Ван Шицзя "Внешняя открытость в истории Китая" бы-

ли сделаны некоторые обобщения на основе изучения исторических закономерностей в ходе исследований периодов открытости. Докладчик счел возможным выделить четыре периода внешней открытости (Цинь-Хань, Тан, Сун, Юань, и Мин) за две тысячи лет до Опиумных войн. Он особо подчеркнул, что внешняя открытость Китая уходит своими корнями в Циньскую эпоху, развивалась в Сунскую. При Юаньской (монгольской) династии активизировались экономические, культурные и научные связи с Западом. Во время правления Минской династии велась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками открытости. Полная изоляция страны наступила только в Циньскую эпоху. Таким образом, заключил докладчик, изначально Китай не был закрытой страной, китайская цивилизация была в основном открытой для мира.

В заключение были заслушаны выступления руководителей секций. Руководитель секции "Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия" член-корр. РАН В.В. Михеев подчеркнул разнообразие обсуждавшихся в ходе работы секции вопросов. Продолжалось обсуждение узловых вопросов экономического развития Китая и их соотношения с процессами глобализации. В центре внимания было состояние некоторых проблемных отраслей (банковский сектор, сельское хозяйство) и регионов страны, а также те аспекты глобализации китайской экономики, которые связаны с российско-китайскими отношениями.

Руководитель секции "Глобализация и проблемы отношений Китая с Россией, США, Японией, Индией и другими странами" д.и.н. Б.Т. Кулик сообщил, что работа секции привлекла внимание участников конференции, в ней приняли участие более 30 российских и иностранных ученых. В докладах и выступлениях была показана последовательность и преемственность внешней политики КНР, направленной на выполнение фундаментальной задачи: обеспечить максимально благоприятные международные условия для превращения Китая в мощное высокоразвитое государство. В сфере международных отношений КНР сохраняет приверженность идее многополярного мира, высказывается за "многообразие мировых цивилизаций", отношения между которыми должны строиться не на столкновениях, а на совместном развитии и сотрудничестве.

Руководитель секции "XVI съезд КПК: новая парадигма политики и социальных отношений в Китае" д.и.н. Н.Л. Мамаева сообщила, что в ходе работы секции был предпринят комплексный анализ внутривнутриполитической ситуации в КНР, которая характеризовалась с разных сторон и на историческом фоне политики реформ и открытости. Стержневой темой, вокруг которой развернулась дискуссия, стала тема "Правящая партия и власть", включившая, по сути дела, исследования конкретных направлений постепенной и поэтапной реформы политической системы КНР.

Руководитель секции "Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации" д.и.н. Н.Е. Боревская отметила динамичность работы секции. Спектр обсуждавшихся тем был весьма широк и охватывал философию, идеологию, культуру, религию, лингвистику и этнографию Китая. Большой вклад в работу секции внесли гости из КНР, они глубоко проанализировали влияние глобализации на развитие современной китайской культуры, а также глобальное значение целей построения общества *сяокан*.

Руководитель секции "История и историография Китая, традиции и современность" д.э.н. В.Я. Портяков особо отметил, что свободный обмен мнениями участников работы секции выявил целесообразность более глубокого изучения ряда тем, в том числе с привлечением новых источников и публикаций. В частности, речь идет об истории КНР в дореформенный период, о краткой "оттепели" в советско-китайских отношениях в конце 1978 — начале 1979 гг., о периоде

своеобразного расцвета общественной мысли в Китае после III пленума ЦК КПК XI созыва и до принятия в середине 1981 г. "Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР".

На закрытии конференции академик РАН, профессор М.Л. Титаренко в своем заключительном слове подчеркнул, что XIV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир" стала поистине международной трибуной для обмена мнениями китаистов. "Круглый стол" способствовал творческому обогащению ученых, обмену мнениями среди китаеведов и политологов по актуальнейшим проблемам современного Китая. Дискуссии в рамках "круглого стола", выявив различные точки зрения и разные методологические подходы, способствовали более глубокому осознанию места и роли Китая в мировой экономике. Конференция явилась новым шагом в изучении Китая, о чем убедительно свидетельствуют более 110 опубликованных тезисов докладов,² представленных в ее Оргкомитет. М.Л. Титаренко поблагодарил Организационный комитет, зарубежных гостей и всех участников конференции за активную работу, которая, по его словам, характеризовалась духом академизма, атмосферой заинтересованного научного сотрудничества.

М.Л. Титаренко сообщил, что темой XV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир" станет "Российско-китайское стратегическое взаимодействие в условиях глобализации". В рамках отдельной секции планируется уделить особое внимание обсуждению проблемы российско-китайского сотрудничества как фактора развития восточных регионов РФ и западных районов Китая. М.Л.Титаренко пригласил присутствующих принять участие в этой конференции, которая состоится осенью 2005 г.

© 2003

*О. Почагина,
кандидат исторических наук*

1. С полными текстами отчетов руководителей секций можно ознакомиться на сайте ИДВ РАН www.ifes-ras.ru
2. Китай: шансы и вызовы глобализации. Тезисы докладов XIV Международной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы". М., ИДВ РАН, 2003. В 2-х ч.

Литературное творчество Ван Мэна Международная научная конференция

24-26 сентября 2003 г. в г. Циндао прошла международная конференция, приуроченная к юбилейной дате крупнейшего современного китайского писателя Ван Мэна — пятидесятилетию его литературного творчества. Совместно с Министерством культуры, Министерством образования и Союзом китайских писателей конференцию провел Китайский университет Хайян ("Океанский"), один из ста крупнейших "ключевых" вузов страны, перед которыми руководство страны поставило задачу вывести мыслительный потенциал Китая на мировой уровень ("проект 211"). Ван Мэн возглавляет входящий в этот университет Литературный институт.

Представленные на конференцию тексты докладов были собраны в весьма солидный (50 докладов на 330 страницах) сборник, свободно предоставленный всем участникам. Малотиражный рабочий документ, он впоследствии будет издан в более весомом количестве экземпляров и распространен по всей стране.

Конференция достаточно четко сформулировала то, что люди, серьезно и глубоко понимающие современную китайскую культуру, осознали уже давно: пройдя долгий путь, на котором встречались как взлеты, так и падения, Ван Мэн стал не просто писателем, даже не "первым среди равных", а знаковой для Китая фигурой, некой "совестью нации", "знаменосцем", как с юбилейной экспрессивностью было высказано в докладе Чжао Мэй и Жэнь Фукана (Ассоциация деятелей литературы и искусства Тяньцзиня). Сущность ванмэновых литературных и социальных усилий Чэнь Цзюньтао (Китайская Академия общественных наук) оформил в тройственную формулу — "Искатель. Одинокий путник. Созидатель". "Одинок" он, по мнению докладчика, потому, что нет в Китае равной ему фигуры (и сам Ван Мэн явно осознает это, часто беря в свои герои столь же одиноко бредущего по жизни индивида).

С максимальной ясностью роль Ван Мэна была раскрыта в докладе Вэн Фэнцяо из Научно-исследовательского института литературы Ван Мэна, образованного в 2002 г. в рамках Университета Хайян. В китайской литературе XX века докладчик увидел 3 основных модели "модернизации", в совокупности представляющих собой процесс поиска самоидентичности уже не в замкнутых национально-государственных рамках самодостаточности, а в мире, выход в который на разных этапах распаивался с разной степенью открытости, преодолевая границы.

Первую модель докладчик связал с "литературой 4 мая" как начальным "импульсом современности", определившим направление поиска в сторону "европеизации" национальной культуры. Знаковой фигурой этой модели назван Лу Синь.

Вторая модель, обозначенная как “почвенничество”, связана в докладе с именем Мао Цзэдуна, который в 30-е годы сформулировал иное направление развития китайской культуры и в 50-70-е годы однозначно определял его. В рамках этой модели всячески акцентировался “китайский стиль”, “китайский дух”. Это была “тупиковая” линия, замечает докладчик, и она привела к таким итогам, как “образцовые революционные спектакли” периода “культурной революции”.

“Литературу нового периода”, появившуюся в Китае с 80-х годов, докладчик определяет как третью модель модернизации — “перестройку”, отказавшуюся от крайностей “исторически ограниченных” первых двух моделей. Она характеризуется сочетанием “модернизации” с национальными чертами, стоит на национальной почве и в то же время открывается миру. “История выбрала Ван Мэна, чтобы по-новому “совместить” две модели модернизации китайской литературы, равно не обладавшие системной завершенностью”. Ван Мэну было предназначено отбросить сковывающие движение рамки крайностей как “движения 4 мая”, так и “эпохи Мао”, отказаться от антагонизма “нового” и “старого”, “китайского” и “западного”, “традиционного” и “современного”, “передового” и “отсталого”, даже “революционного” и “контрреволюционного”, внедрить многообразие в тяготеющую к унификации литературу последних десятилетий, “перестроить” ее.

Направлена эта “перестройка” в сторону “субъективности”, зародившейся еще в период “движения 4 мая”, но затем отброшенной в “эпоху Мао”. Через элементы “потока сознания” (в докладе эта любимая Ван Мэном художественная форма именуется “восточным потоком сознания” и восходит не только к западным заимствованиям, но и к развитию стиля национальной классической поэзии) писатель погружается в психику персонажей, формируя в своей прозе личность, созвучную общемировым художественным критериям. В этом заключен исторический вклад Ван Мэна в процесс вхождения китайской культуры в эпоху глобализации.

Этот доклад вызвал живой интерес аудитории и не встретил никаких принципиальных возражений — ни публичных, ни кулуарных. Мысль о глобализации не только экономической, но и культурной сферы не вызывает в Китае столь масштабного отторжения, как в некоторых иных странах. В этой идее “есть резон” — так отозвался о докладе профессор Пекинского университета Янь Цзянь, считающийся одним из ведущих исследователей творчества Ван Мэна и возглавлявший Оргкомитет конференции.

Огромная университетская аудитория не пустовала, внимательно выслушивая почти 6 десятков докладов (не все из них вошли в изданный сборник), разграниченных на 9 тематических групп: общий анализ, конкретные проблемы прозы, философские аспекты литературы Ван Мэна, взгляды писателя на литературный процесс и особенно на национальную классическую литературу (у него есть специальные работы по роману “Сон в красном тереме”, по классической поэзии), уйгурская тематика (писатель, “перевоспитывавшийся” в Синьцзяне в годы “культурной революции”, активно включает эти региональные сюжеты в художественную структуру своей прозы) и другие. Галерку забивали студенты, а в партере сидели сто с лишним участников: видные писатели (среди которых были Чжан Сяньлян, Ван Аньи, Те Нин, Чжан Канкан, Чжан Цзе, Лу Яньчжоу), литературоведы и критики, исследователи прозы Ван Мэна из почти десятка стран и регионов (и даже такая экзотическая фи-

гура, как индийский инженер Бхатъя Джитендра, который увлекся китайской литературой по английским переводам и стал перелагать ее на хинди).

Во многих докладах присутствовала идея объемности прозы Ван Мэна, противостоящей не столь давней монотонности, унификации: "Реализм, но не только. Традиционность, но и авангардизм. Намеки, символы стали у него конструктивными элементами... Значение новаторства Ван Мэна в том, что его проза повернула китайскую литературу к открытости, к свободе, к многообразию" (*Дун Цинбин*, Пекинский педагогический университет).

Большую роль в создании своеобразной ауры произведений Ван Мэна играет юмор в самых разных его аспектах — от легких улыбок с оттенком иронии до язвительных сатирических выпадов. Этот элемент прозы писателя был проанализирован в докладе *Вольфганга Кубина* (Германия, Боннский университет).

Стилистике языка прозы Ван Мэна было посвящено несколько докладов. *Лян Лифан* из Университета Альберты (Канада) обратила внимание на параллелизм как специфическую риторическую фигуру художественной речи Ван Мэна, показала, каким образом языковыми средствами создается атмосфера, рисуются персонажи. Она особо отметила символику и притчевость прозы писателя.

Притча как форма смысловой многоплановости у Ван Мэна встала в центр докладов *Янь Цзяяня* (Пекинский университет) и *С.А.Торопцева* (Россия, ИДВ РАН). В первом была проанализирована целая серия произведений, созданных в этой стилистике. Во втором на примере повести "Чалый" было показано, как притчевый контекст раздвигает неприхотливый сюжет до широких романтизированных обобщений, превращая художественный текст в современный миф.

Россия была представлена на конференции еще одним докладом — аспирантки ИДВ РАН *Е.К.Шулуновой* — "Ван Мэн в России (исследования, переводы)". В нем была обозначена весьма широкая панорама выхода китайского писателя к российскому читателю на протяжении последних двух десятилетий.

В свое время массовость изданий его произведений в нашей стране настолько впечатлила Ван Мэна, что он шуточно заметил: "Подумываю, не писать ли мне для читателей в России".

Неразрывная связь прозы Ван Мэна, да и самого автора, с нашей страной очевидна. Многие его персонажи поют русские и советские песни, слушают музыку Чайковского, Римского-Корсакова, рассуждают о Чехове. Ван Мэн, впервые приехав к нам в 1984 г., признавался, что воспринимал страну как что-то давно знакомое и близкое. Впоследствии он опубликовал книгу путевых впечатлений "В Советский Союз с душевным волнением".

Когда накануне открытия конференции, уже поздно вечером, писатель узнал, что автор этих заметок привез официальное поздравление от Общества российско-китайской дружбы, он настоял на том, чтобы организаторы уплотнили распечатанную по минутам торжественную церемонию открытия, предоставив возможность зачитать адрес, который вызвал живую и теплую реакцию в зале.

Воздействию иностранной литературы на творчество Ван Мэна посвятил доклад *Фань Син* (Уханьский университет). Ранний Ван Мэн многое взял из русской и советской литературы — чеховское неприятие пошлости, идеализм и романтизм как стилистические характеристики политических тенденций его прозы. До сих пор одним из наиболее любимых его писателей остается

Айтматов ("Больше всего уважаю Чингиза"). 80-е годы сблизили Ван Мэна с западной литературой, подтолкнувшей его к психологизму, к большей творческой раскрепощенности, активизировавшей природный юмор писателя (он прибегает даже к приемам "черного юмора") в такой степени, что трудную тему "культурной революции" сумел изобразить как абсурд некоего "современного мифа".

Чжан Чжичжун из Столичного педагогического университета провел параллели между творчеством Ван Мэна и чешского писателя Милана Кундеры, сформулировав их общность как "сплав весны, революции, литературы плюс любви", отношение к творчеству как к "пиру души", "карнавалу", свойственные обоим авторам. Однако, если жизненную философию Кундеры докладчик охарактеризовал как экзистенциалистскую, то ванмэнову — как эмпирическую.

По философским вопросам бытия Ван Мэн высказывается достаточно много, и в докладах это нашло адекватное отражение. Дун Цзянь (Нанкинский университет) рассматривает суммирующие взгляды Ван Мэна его недавнюю книгу "Моя философия жизни" не как изложение кредо философа, а как откровение писателя, созвучное его художественному творчеству. Ключевым элементом тут он считает "непохожесть" как характеристику индивидуальной личности — ванмэновых персонажей и самого их автора. При этом докладчик подчеркивает, что эта индивидуальность не имеет ничего общего с "индивидуализмом Ху Ши": Ван Мэн с юности — "молодой большевик, и его индивидуализм — это левый индивидуализм, революционный индивидуализм", не определяющий личность в отрыве от общества. Однако, подчеркнул докладчик, писатель не допускает крайностей и, например, в романе "Сборные картинки" ("Метаморфозы", как принято у нас переводить) показывает ограниченность такого "революционного индивидуализма".

Романам Ван Мэна на конференции было уделено большое внимание, начиная от самого раннего "Да здравствует юность" (начало 50-х годов) до созданной в 90-е "Тетралогии сезонов" ("Сезон любви", "Сезон утрат", "Сезон метаний", "Сезон карнавала"), где, по формулировке Хэ Чжэньбана (Литературный институт имени Лу Синя при Союзе китайских писателей), автор дал панораму изобилующего рытвинами пути страны на протяжении многих десятилетий от насыщенной идеалами жизни в начальном романе через зарождение трагедии и "заморозки теплого времени" в двух следующих — к "трудностям, о которых забыть невозможно" в последнем романе тетралогии. Историческое прошлое как предмет художественных размышлений весьма любимо Ван Мэном, однако писатель не стремится к внешне точной, но безоценочной реконструкции, а дает личностную интерпретацию — "поднимается над фактом", "преодолеывает узкие рамки истории" (Чэнь Сяомин, Пекинский университет).

Социальная и политическая ангажированность прозы Ван Мэна подчеркивалась во многих докладах. По его собственным словам, он не мыслит художественных героев "вне политической жизни" (хотя, надо признать, в его отдельных рассказах, например, "Он придет", этот фон не просматривается совершенно, но такие произведения не лежат в "мейнстриме" его творчества и на конференции не вспоминались). Доклад двух авторов Тань Тань и Ся Ишэна из Ассоциации деятелей литературы и искусства провинции Хунань так и назывался "Революция — ключевое слово рассуждений Ван Мэна о мире". При этом опять-таки чувство меры не изменяет писателю, и докладчики подчеркивают, что "в тетралогии Ван Мэн проводит мысль о том, что револю-

ция — дело небольшой группы людей, а массам требуется просто жизнь. Если каждый начнет делать революцию, то это будет означать гибель революции". Го Ли (Китайский университет Хайянь) в докладе, в целом посвященном художественной речи Ван Мэна, отчасти объясняет политичность его прозы чертами натуры: экспрессивность языка как следствие изначально заложенной социальности (в юности Ван Мэн жаждал стать политическим деятелем).

Однако даже в докладе Фу Шухуа (Тайюаньский педагогический институт), посвященном неразрывности в прозе Ван Мэна частного бытия и общественно-политического фона, подчеркивалась приоритетность "ценности индивида" в творчестве Ван Мэна. Дун Цинбин из Пекинского педагогического университета констатировал, что именно Ван Мэн "впервые в китайской литературе изобразил подлинного человека".

Психологизм есть та характеристика прозы Ван Мэна, где человек предстает не в своем внешнем, социальном облики, а во внутренней структуре. При этом писатель часто прибегает к элементам "потока сознания", весьма шокировавшим читающую публику в начале 80-х годов, а теперь рассматриваемым с большим пиететом как не просто художественная форма, а инструмент "разрушения привычной модели реалистического повествования, ввода красок в монотонность искусства" (Сунь Ю). "Одним из самых чарующих писателей в Китае" назвал Ван Мэна этот же исследователь его творчества.

В этом слиянии авторитетной общественно-значимой личности с писателем высокого художественного уровня и есть непреходящее значение Ван Мэна, что со всей очевидностью показала конференция. В китайских общественных науках оформляется новая дисциплина, уже получившая наименование "вансюэ" ("ванмэноведение"). Издательство "Жэньминь вэньсюэ", как сообщила его представитель Ян Лю, выпускает "Литературный архив Ван Мэна" (Ван Мэн вэнь цунь) в 23 томах. И это — достойный итог прошедшего творческого полувека Ван Мэна — значительного писателя и весомого общественного деятеля Китая. С чувством самоудовлетворения он вступает в "редкостный возраст", как традиционно именуется в Китае семидесятилетие, приходящее к нему в 15 октября 2004 года.

© 2003

С.Торопцев,
доктор исторических наук

В Обществе российско-китайской дружбы

45-летний юбилей Общества российско-китайской дружбы Хабаровского края

© 2003

Г. Куликова

В дни золотой осени 2003 г. Хабаровское краевое отделение Общества российско-китайской дружбы торжественно отметило свой 45-летний юбилей.

Большой актовЫй зал Хабаровского государственного педагогического университета был переполнен. На праздник дружбы пришли ветераны, участвовавшие в освобождении Северо-Восточного Китая от японской агрессии, специалисты, помогавшие Китаю в создании основ новой жизни после победы революции, представители различных предприятий и учреждений, коммерческих компаний и фирм, являющихся коллективными членами общества и самое главное — большое количество молодежи — школьников и студентов российских и китайских, обучающихся и стажирующихся в вузах Хабаровска.

В президиуме — председатель Хабаровского краевого отделения общества В.В.Романов, вице-губернатор Хабаровского края С.А.Чиханецкий, консул Генерального консульства КНР Хэ Гоань.

Выступая с отчетным докладом, профессор В.В.Романов рассказал о том, что решение о создании Хабаровского краевого отделения Общества было принято 29 августа 1958 г. на собрании общественности края.

Тогда, выступая перед участниками собрания, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А.П.Шитиков, являвшийся также заместителем Председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, созданного в Москве 29 октября 1957 г., подчеркнул, что одной из главных задач создаваемой организации должно быть установление и развитие дружеских связей и контактов трудящихся Хабаровского края с соседней китайской провинцией Хэйлуцзян.

Первым председателем Хабаровского краевого отделения Общества советско-китайской дружбы был избран А.С.Боковенко — заведующий отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС, в состав правления вошли руководители и представители предприятий, научных и учебных заведений края, представители творческой интеллигенции.

В отчетном докладе на юбилейном заседании профессор В.В.Романов рассказал о том, какими широкими и разносторонними в первые годы существования Общества были контакты края с китайскими соседями. За период с 1958 по 1965 г. Китай посетило более 20 делегаций и 50 туристических групп из Хабаровского края, в край приезжали более 50 делегаций из Китая.

Говоря об истории сотрудничества с китайскими партнерами, докладчик с удовлетворением отметил "второе рождение" организации, когда после периода осложнений в двусторонних межгосударственных отношениях, в 1984 г. в Хабаровске вновь состоялась краевая конференция общества, избравшая председателем краевой организации А.М.Сухова — начальника Амурского речного пароходства и принявшая решение о возобновлении контактов с провинцией Хэйлунцзян.

За прошедшие годы Хабаровское краевое отделение Общества российско-китайской дружбы проделало большую работу по привлечению широкого актива к движению за дружбу и сотрудничество с Китаем. Были установлены прямые связи и контакты между Хабаровском и Харбином, Биробиджаном и Хэганом, Вяземским районом и Фуюанем, Ленинским районом и Тунцзяном, Амурзетом и Жаохэ.

Регулярными стали встречи активистов обществ российско-китайской и китайско-российской дружбы приграничных районов, в которых принимают участие представители администрации г. Хабаровска, Бикина, Вяземского, Хабаровского районов и района имени Лазо.

Краевое общество российско-китайской дружбы активно участвует в развитии торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества Хабаровского края с провинцией Хэйлунцзян. При содействии общества было открыто воздушное сообщение между Хабаровском и Харбином; между городами Хабаровском и Цзямусы по рекам Амур и Сунгари стало действовать водное сообщение, на стройках края ежегодно работают китайские рабочие; в летний период в Вяземском, Бикинском и Хабаровском районах и в районе имени Лазо китайские специалисты помогают выращивать новые для этих районов сорта овощей и фруктов.

Общество содействовало также установлению контактов Хабаровского педагогического и технического университетов с аналогичными вузами Харбина; между лицеями и школами Хабаровска, в которых школьники изучают китайский язык, установлены контакты со школами г.Харбина и других приграничных с Россией районов провинции Хэйлунцзян, в которых изучается русский язык.

В отчетном докладе большое внимание было уделено работе, которую все в более широких масштабах проводит Хабаровское краевое отделение Общества российско-китайской дружбы по ознакомлению общественности края с историей, культурой своего соседа — Китая, с тем, каких успехов добилась страна в ходе проведения политики модернизации и реформ, с ходом российско-китайского сотрудничества; с тем, как много делается активистами общества для привлечения молодежи к движению за дружбу с Китаем.

В течение последних лет совместно с Генеральным консульством КНР в Хабаровске, газетой "Приамурские ведомости" и туристической компанией "Старый город" по инициативе Хабаровского краевого отделения стали регулярно проводиться конкурсы на лучшее знание Китая, его истории, культуры и сегодняшней действительности.

Проводимые под разными названиями конкурсы: "Что Вы знаете о Китае" в 1997 г.; "Мир за Великой стеной" в 2000 г.; "Юи — иероглиф дружбы" и "Харбин-Хабаровск" в 2003 г. неизменно привлекали (и привлекают) большое количество участников.

Участвуя в конкурсах, тысячи жителей Хабаровского края, его городов и сельских районов значительно расширили свои знания о Китае, о состоянии нашего двустороннего сотрудничества, что безусловно содействовало лучшему взаимопониманию и дружбе с ближайшими соседями.

Особое внимание Хабаровское краевое отделение Общества уделяет работе с молодежью. Под руководством председателя Общества профессора В.В.Романова, до недавнего времени бывшего ректором Хабаровского государственного педагогического университета, при активнейшем участии руководителей Хабаровского Союза обществ дружбы с зарубежными странами Н.Л.Фоминой и З.П.Руйтман в Хабаровске успешно работают детский клуб "Мэйхуа", студенческий клуб "Друзья Китая", проводятся конкурсы на лучшее знание китайского языка среди школьников и студентов, а на знание русского языка — среди китайской молодежи, обучающейся в вузах Хабаровского края, проводятся обмены группами школьников, организуются совместно с китайскими партнерами выставки детских рисунков и фотографий.

При участии Общества в 2001 году был проведен велопробег "Дружба" по маршруту Харбин-Пекин, посвященный укреплению дружбы и сотрудничества между Хабаровским государственным техническим университетом и университетами КНР. В течение последних лет в летнее время в пригороде Пекина успешно работает детский лагерь "Китай-город", созданный хабаровской туристической компанией "Старый город" — коллективным членом Хабаровского отделения Общества российско-китайской дружбы. По инициативе и при поддержке Общества Хабаровский детский художественный коллектив "Радость" неоднократно выступал в Харбине, Пекине, Шанхае и других городах Китая.

Большие успехи в деятельности Хабаровского краевого отделения Общества российско-китайской дружбы неотделимы от помощи и поддержки, которую неизменно оказывает его деятельности губернатор Хабаровского края Виктор Иванович Ишаев и другие руководители края и города Хабаровска, а также от постоянных дружеских контактов с руководителями и сотрудниками Генерального консульства КНР в г.Хабаровске.

По случаю юбилея на торжественном собрании своими посланиями приветствовали общество губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев, мэр города Хабаровска А.Н.Соколов, руководители вузов и школ г.Хабаровска, руководители Амурского речного пароходства, а также ряда предприятий и фирм, выходу которых на китайский рынок способствовала деятельность Хабаровского общества дружбы.

За большой вклад в развитие и укрепление дружественных связей и сотрудничества между Россией и Китаем и в ознаменование 45-летия со дня образования Общества российско-китайской дружбы Хабаровского края Центральное правление Общества российско-китайской дружбы приняло решение наградить почетным знаком ОРКД "За заслуги в укреплении российско-китайской дружбы" председателя Хабаровского краевого отделения Общества В.В.Романова и 8 руководителей и активистов Общества. На торжественном собрании 26 сентября с.г. почетные знаки были вручены награжденным, а также было оглашено приветственное послание Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, в котором Хабаровское краевое отделение Общества российско-китайской дружбы было по праву названо правофланговым в нашем общественном движении за дружбу и сотрудничество с Китаем.

Рецензии

Кубышина Г.А. Переход к рынку (опыт России и стран Азии). М.: Наука, 2003. 202 с.

Развитие мирового сообщества в последней четверти прошлого столетия показало, что страны с плановой экономикой и административно-командными системами могут существенно отстать от стран с рыночными отношениями. Перед первыми появилась угроза не только остаться на задворках научно-технического прогресса, но и оказаться в изоляции от магистральных путей развития мировой экономики. Выход виделся в проведении рыночных реформ, которые в конечном итоге создали бы новую мотивацию труда, привели к созданию прогрессивной структуры производства, экономическому росту и повышению жизненного уровня населения. Исследование таких реформ стало одной из главных задач российской политологии. В итоге в последнее время появилось немало серьезных научных работ, посвященных рыночным преобразованиям в разных странах. В одном с ними ряду стоит и рецензируемая книга кандидата политических наук Г.А. Кубышиной.

Основное достоинство книги — наличие у автора собственной научной концепции экономической реформы в России, построенной на сравнении ее практики рыночных преобразований с опытом таких азиатских стран как Китай и Вьетнам. Суть заключается в том, что при проведении рыночных преобразований приватизация государственной собственности как метод создания новой структуры собственности, коренным образом изменяющей социальные условия производства, не должна абсолютизироваться. Преобразования должны происходить постепенно, не ухудшая положение работников производства, в противном случае цена реформ возрастает, и они теряют свою социальную ориентацию.

Автор обосновывает свою концепцию в первую очередь на российских материалах и, что особенно важно, на опыте нашего Дальнего Востока, принадлежащего к тому же региону, что и другие рассматриваемые в книге страны — региону Вос-

точной Азии.

Сравнительный анализ процесса перехода к рынку показал, что в отличие от Китая и Вьетнама, преобразование государственной собственности в РФ осуществляется в условиях переходного периода, обладающего большой спецификой, определяющей особые трудности этого процесса. Если Китай и Вьетнам проводят политические и экономические реформы в стабильной политической обстановке, и им удалось сохранить существующие социальные системы, то в России произошла крутая ломка общественного и государственного строя. После распада СССР в стране начался глубокий экономический кризис. Поэтому российские реформы должны были решать не только вопросы собственности, но и производства, которое стало стремительно падать.

Рецензируемая книга состоит из трех глав.

Первая глава "Смена политической власти в России и новая политика в отношении государственной собственности" посвящена самым острым проблемам нового российского государства, перед которым встала задача создать более эффективную структуру производства, реформируя в этих целях планово-административную экономику. Среди экономических реформ особое место занимает реформа государственного сектора. В связи с этим в работе ставится проблема бережного отношения к национальному богатству: автор пишет о недопустимости сплошной приватизации государственных предприятий, придерживаясь мнения, что России необходим компактный, но эффективный государственный сектор как определенная гарантия экономической безопасности страны.

Большой интерес представляют данные, приведенные на с. 25 данной монографии. Они показывают динамику соотношения рыночного и нерыночного секторов в промышленном производстве РФ по нескольким критериям. Так, в конце про-

шлого десятилетия на долю рыночного сектора приходилось 94,0% общей численности промышленных объектов и 96,2% по численности занятых во всей промышленности. Эти показатели с одной стороны свидетельствуют о значительных достижениях в области создания рыночной экономики, а с другой — об уходе с рынка огромного числа государственных предприятий, что не может считаться положительным явлением с точки зрения развития конкурентной среды.

Глава вторая "Государственный сектор экономики Китайской Народной Республики в период создания рыночной экономики" посвящена вопросам собственности в теории и практике социализма с китайской спецификой. Несмотря на то, что по этому вопросу на сегодняшний день имеется большая научная литература, новое обращение к этой теме показывает: изучение ее пока еще далеко от полного завершения.

Опыт реформирования госсектора в КНР свидетельствует, и это показано в книге Г.А. Кубышиной, что Китай в ходе реформы столкнулся с особо трудной проблемой. Реформировать там приходится огромный массив предприятий, резко различающихся по типу, масштабам, уровню технической оснащенности. Сложившаяся в Китае система социального обеспечения промышленных рабочих, возлагающая основные расходы в этой области на сами предприятия, в ходе преобразования последних подвергается эрозии. Отсюда — рост безработицы, опасность социальных потрясений.

Но процесс реформирования госсектора продолжается. Китайское руководство заявляет об ориентации на сохранение общественной собственности — автор здесь уместно ссылается на решения последнего XVI Всекитайского съезда компартии Китая (с. 55-56), призвавшего поощрять экономическую систему, в которой общественная собственность играет доминирующую роль.

Интересным эту главу делает также вполне обоснованное предположение о

том, что после реструктуризации госсектора Китаю, видимо, предстоит искать новые пути сбалансирования действий предприятий разных форм государственной собственности для того, чтобы "огромный имущественный массив, сосредоточенный в руках государства, действительно стал одним из стабильных источников экономического роста страны" (с. 106).

В главе третьей "Политика современного Вьетнама в отношении государственного сектора в национальной экономике" делается упор на необходимость чрезвычайно осторожного, взвешенного реформирования государственного сектора. Модернизация вьетнамского общества требует четкого выделения приоритетов реформы. В число их входит приватизация предприятий государственного сектора. Однако по сравнению с Россией и Китаем процессы приватизации и акционирования во Вьетнаме идут пока медленно. Государственные предприятия все еще имеют существенные преимущества по сравнению с предприятиями других экономических укладов. Развитие многоукладности как основной черты вьетнамской экономики во многом сдерживается противоречивым характером законодательства в этой сфере. И это замедляет процессы изменения структуры национальной экономики.

В Заключении проведена экстраполяция китайского и вьетнамского опыта на российские реалии, показана применимость его отдельных черт для практики реформы в РФ. Автор обращает внимание на то, что для России может оказаться полезным опыт взаимодействия национальных государственных и частных иностранных капиталов в двух других странах, а для Китая и Вьетнама — российский опыт реформы в отдаленных районах.

Таким образом, книга Г. А. Кубышиной — серьезный вклад в развитие сравнительных исследований, она обогащает читателей новым знанием в области политики реформ в России, Китае и Вьетнаме.

Серия литературы русских эмигрантов в Китае. В 5 томах.

Составитель и шеф-переводчик Ли Янлен.

Изд-ва Бэйфан и Хэйлунцзян цзяоюй. Харбин, 2002.

**Сирени у Сунгари. Поэзия. Перевод Ли Янлена, Улан Хана. 355 с.
Харбин — моя колыбель. Поэзия. Перевод Гу Юнпу, Ли Хая. 324 с.**

Утренняя песня Сунгари. Поэзия. Перевод Гу Юя. 398 с.

Соната над Хинганом. Повесть и рассказы. Перевод Фэнь

Юйлюя, Ши Госюня, Сун Юйхуя, Сюй Чжэнья. 563 с.

**Китай, я люблю тебя. Воспоминания. Перевод Ли Цяньвэй,
Жонь Цзе, Тань Ихонь. 366 с.**

"Серия литературы русских эмигрантов в Китае" издана двумя харбинскими издательствами, титульный лист каждого тома исполнен на двух языках, имеются оглавления на русском языке, а в трех томах поэзии есть приложения с оригинальными стихами на русском языке (соответственно 17, 15 и 14 страниц). Все тома этого роскошного издания оформлены в едином стиле, как и положено в серийных публикациях, а на титульном развороте открываются надписью на русском языке: "Данная серия издана за счет спонсоров, подарена музеям и библиотекам, ученым и студентам..." Титульный лист оригинальный у каждого тома, причем иногда русская транскрипция китайских имен и фамилий расходится с принятой у нас: это касается Ли Яньлина, Улань Ханя, Гу Юньпу, Хун Цзе, Тан Ихун.

Вдохновителем этого издания является профессор Цицикарского университета Ли Янлен (Ли Яньлин). Справедливо, что раздел иллюстраций в каждом томе открывается его краткой биографией. В 1962 году он окончил факультет русского языка Хэйлунцзянского университета в Харбине. У него много работ по русской литературе, включая и эмигрантскую, по лингвистической психологии и философии, а также стихотворений, которые китайский ученый и поэт пишет и публикует на русском языке. В биографии указаны четыре сборника его стихов: "Я люблю Россию", "Песни с берегов Амура", "От сердца к сердцу", "Избранные стихотво-

рения Ли Яньлина". Он член Союза писателей России, заместитель председателя его Амурского областного отделения, почетный профессор Воронежского строительного университета.

В каждом томе серии читатель находит фотопортреты авторов русского зарубежья: Валерия Перелешина, Николая Байкова, Лидии Хаиндровой, Арсения Несмелова, Ларисы Андерсен, Алексея Ачаира, Елены Недельской, Марии Коростовец, Елены Таскиной. Замечательна фотография заседания харбинского литературного объединения "Чураевка". Виды прежнего Харбина представлены фотографиями здания Общества беженцев из России, в котором жил поэт Арсений Несмелов, Свято-Николаевского собора, магазина Чурина. Рядом с русскими авторами помещены портреты и биографии их китайских переводчиков: Улань Ханя (известного у нас под именем Гао Ман), награжденного в 1997 году Президентом РФ орденом Дружбы; Гу Юя, профессора Нанькайского университета (г. Тяньцзинь), награжденного в 1999 году Министерством культуры РФ пушкинской медалью; профессоров Пекинского университета Гу Юньпу, награжденного в 1996 году литературной премией Лу Синя за переводы лирики Лермонтова, и Ли Хая, переведшего стихи Маяковского, Вознесенского и Гумилева.

Прозу писателей русского зарубежья переводили также лучшие силы: профессора-русисты из Шанхая Фэн Юй-

лой и Сюй Чжэнья, из Наньцзина — Ши Госюн, из Даляня — Сунь Юйхуа. Том воспоминаний переведен професором из Шэньяна Тан Ихун. Биографии и портреты переводчиков украшают издание и позволяют нам лучше узнать наших друзей.

Серия убедительно демонстрирует уважение к труду переводчиков-русистов в Китае, чему бы не грех поучиться и нашим отечественным издателям.

Каждый том начинается с публикации поздравлений общественных деятелей КНР. Председатель китайского Общества дружбы с зарубежными странами и председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу пишет: "Литература эмигрантов вообще обладает своеобразием пограничного явления в культуре, но становится открытием нового для своей материнской культуры, активно выступая каналом культурных обменов между разными культурами разных государств. Литература русской эмиграции в Китае — это пояс дружбы и сотрудничества, связывающий Китай и Россию" [4, с.1]. Не менее сердечно написано поздравление заместителя главного редактора издательства "Жэньминь вэньсюэ" Сунь Шэнью: "Нет сомнения, что литература русской эмиграции в Китае является составной частью великой русской литературы, и при том частью крайне своеобразной, заслуживающей нашего внимания. Мы должны быть благодарны этим эмигрантам, писателям и поэтам, и одновременно поблагодарить энтузиастов-собрателей этих произведений, переводчиков и издателей" [4, с. 2].

К китайским читателям издания обратился с приветствием Посол РФ в КНР И.А.Рогачев: "Эта серия, и я в этом убежден, станет могучим стимулом к взаимодействию в сфере культуры народов двух стран, России и Китая" [4, с. 4]. "Выдающейся инициативой" назвал издание серии в широко развернутом приветствии председатель Союза писателей России В.Ганичев [4, с.5]. Он подробно рассказал о творчестве Алексея Ачаира и Всеволода Иванова. Ачаир по возвращении в СССР в 1945 г. отбыл десятилетний срок заключения. В.Иванову повезло больше. Оба они стали членами Союза писателей России, А.Ачаир — в Новосибирске, В.Иванов — в

Хабаровске. В СССР он издал четыре книги, в том числе переиздал свою харбинскую работу "Огни в тумане. Думы о русском опыте" (Харбин, 1927; Москва, 1991).

Теплые слова благодарности китайским русистам, любовно собравшим и издавшим в переводе на китайский язык пятитомную серию литературы русских эмигрантов в Китае высказал в своем поздравлении председатель Амурского областного отделения Союза писателей России В.Игнатенко. Дружный коллектив, подчеркнул он, своим трудом спас от забвения достойные памяти литературные произведения и впервые представил их китайскому читателю

Украшает книги серии предисловие, написанное Е.П.Таскиной, уроженкой Харбина (род. в 1927 г.). После приезда в СССР в 1954 г. она стала автором многих работ о культурной жизни дальневосточного Русского Зарубежья, опубликованных в российской и зарубежной печати. Ею написано предисловие к литературному наследию русского Харбина в антологии "Харбин — ветка русского дерева" (Новосибирск, 1991), она выступала составителем, комментатором и автором отдельных статей в сборниках "Неизвестный Харбин" (М., 1994) и "Русский Харбин" (М., 1998). В настоящее время Е.П.Таскина живет в Москве, она любезно согласилась в письме на имя составителя серии Ли Яньлина на безгонорарную публикацию своих работ в переводе на китайский язык. Десять ее обильно документированных статей вошли в том воспоминаний "Китай, я люблю тебя".

Основу успеха серии составляют три тома поэзии, которые вместе образуют превосходную представительную антологию. Их можно сравнить только с антологией "Русская поэзия Китая" [3], которую составили американские профессора Вадим Крейд и Ольга Бакич (М., Время, 2001. 718 с.). В антологии Ли Яньлина представлено больше поэтов (61 против 56) и помещено больше стихов (свыше 650 стихотворений!). К сожалению, поскольку издание предназначено в основном для китайских читателей, в русском оригинале опубликовано только 48 стихотворений для сопоставления.

В литературном отношении стихи харбинских поэтов подкупают неподдель-

ной искренностью и поэтической свободой. В них превалируют два главных мотива: ностальгия по родине и добрый интерес ко всему китайскому. Возьмем для примера такое четверостишие:

*“Россия, Петербург. Нева.
Как ни зови их, смысл все тот же.
Душа забудет все слова.
Но этих позабыть не сможет...”*
(Сергей Сергин. *Заветные слова*).

Поэт покончил с собой в ночь на 6 декабря 1934 г. в отеле “Нанкин” в Харбине, его стихи были напечатаны в 1935 году [3, с. 694]. Или возьмем пример из стихотворения Михаила Спургота (вернулся в СССР в 1947 г., скончался в 1993 г. в г. Советске, бывшем Тильзите):

*“Сижу с китайцами в харчевнях.
Ведя бесед несложных ряд.
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!...
И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!...”* [7, с. 319].

Теперь есть надежда, что никто не упрекнет поэта русского зарубежья за слова о песнях Лао-Цзы, написанные в 30-е годы, потому что сейчас и у нас в России публикуется стихотворный перевод “Канона о Дао и Дэ” В.Перелешина. А.Е.Лукьянов пишет в своей монографии, что “при чтении текст “поет и танцует”, вторя ритму космического Дао” [1, с. 11], а В.В.Малявин утверждает, что “более двух третей книги Лао-цзы имеют форму рифмованных пассажей” [2, с. 48].

В целом отбор поэтических произведений для китайского перевода мне представляется очень удачным, а труд китайских переводчиков-поэтов получит достойное признание у китайских читателей поэтических томов серии.

Среди художественной прозы в отдельном сборнике серии достойна особого внимания повесть писателя-натуралиста Н.А.Байкова “Великий Ван” о жизни и смерти маньчжурского тигра, которая была любимым чтением для детей и юношества в 30-е годы, издавалась в Харбине на

русском языке дважды (1936 и 1938 гг.), а потом была переведена на японский, французский и английский языки, всего на шесть языков. В Японии эта повесть многократно переиздавалась, а ее автор был признан одним из лучших писателей-натуралистов. “Его можно назвать звездой мировой литературы”, — пишет китайский переводчик повести Фэн Юйлюй [5, с. 1]. Можно надеяться, что его перевод не останется в рамках нынешней серии, а найдет теперь дорогу к юному китайскому читателю. Н.А.Байков (1872-1958) скончался в Брисбене (Австралия).

Всего в сборнике прозы опубликованы произведения одиннадцати авторов, причем семеро представлены лишь одним небольшим произведением, так что проза в целом не столь разнообразна, как поэзия. Но, будем надеяться, это первый шаг к китайскому читателю. В послесловии к переводу Ши Госюн написал: “Писатели-эмигранты взволнованно показали нам, что русские в эмиграции не утратили веру в жизнь, не утратили основу человечности — стремление утверждать истину, добро и красоту и отрицать фальшь, зло и подлость. Здесь есть и любовь к природе, и доброта к животному миру, и правдоискательство, и прославление отваги и бесстрашия, и хвала твердой воле, и воспевание доброты, трудолюбия и простоты, и тяга к духовному совершенству...” [5, с. 562]

Том воспоминаний “Китай, я люблю тебя” будет иметь успех у любознательного китайского читателя подробным рассказом о духовной, культурной и научной жизни ныне ушедшего в прошлое русского города Харбина, в котором выступали замечательные артисты, жили крупные ученые-специалисты, работали художники, поэты и писатели. Современному поколению китайцев эта сторона русской жизни в Китае неизвестна, для нас же, в России, благодаря подвижническому труду Е.П.Таскиной и других авторов многое из творчества русской эмиграции в Китае стало доступным.

Общая для российских китаеведов радость по поводу издания этой серии объясняется прежде всего тем, что литературное наследие русской эмиграции в Китае наконец-то становится достоянием давшего ей приют китайского народа, к

которому русские люди всегда испытывали за это чувства благодарности и признательности. Китай ярко представлен в творчестве этих поэтов и писателей, иногда настолько ярко, что у китайских переводчиков вырываются слова восхищения. Гу Юй перевел на китайский язык прекрасное стихотворение Валерия Перелешина о городе Сянтани в провинции Хунань:

*“В Сянтаньчэн рано — на рассвете —
Отдыхать ходят облака.
В Сянтаньчэн улетает ветер,
В Сянтаньчэн тянется река...”* [3, с. 398].

И высказал пожелание, чтобы китайские поэты провинции Хунань и города Сянтани прочли это стихотворение [6, с. 381]. Действительно, разве не интересно, какой отклик будет у самих китайцев на стихи русского поэта об их родных местах?

Верится, что эта серия будет первым, а не последним шагом в ознакомлении китайских читателей с литературой русской эмиграции в Китае.

© 2003

*А. Желотовцев,
кандидат филологических наук*

1. Лукьянов А.Е. Лаоцзы и Конфуций. Философия Дао. М., 2000. С. 11.
2. Малявин В.В. Дао-Дэ цзин. М.: Астрель; АСТ, 2002. С. 18.
3. Русская поэзия Китая. М.: Время, 2001. 781 с.
4. Сирени у Сунгари. Поэзия: Бэйфан вэньи чубаньшэ, Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. Харбин, 2002. 355 с.
5. Соната над Хинганом. Повесть и рассказы: Бэйфан вэньи чубаньшэ, Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. Харбин. 563 с.
6. Утренняя песня Сунгари. Поэзия. Харбин: Бэйфан вэньи чубаньшэ, Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. 398 с.
7. Харбин — моя колыбель. Поэзия. Харбин: Бэйфан вэньи чубаньшэ, Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. 324 с.

Юбилей ученого

Басманову Михаилу Ивановичу — 85 лет

В далекой глубинке в деревне Гореве близ села Баталова Бийского округа Алтайской губернии в семье неграмотных крестьян 14 октября 1918 года родился М.И.Басманов. В 1941 году он окончил филологический факультет пединститута, а в 1942-1945 гг. был участником Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями. Во время войны начал писать стихи. 40 лет отдал дипломатической службе в МИДе, с 1966 имеет ранг посланника, с 1978 года — член союза писателей. Солдат, дипломат, поэт — он переводит стихи китайских поэтов, и древних и современных, на русский язык, и капризная поэтическая муза радуется ему и нас удачными, воистину поэтическими, переводами.

За долгие годы неустанного творческого труда у М.И.Басманова было много поэтических удач. Сборники стихов китайских поэтов, в переводах которых он участвовал, занимают несколько книжных полок. Среди них особое место принадлежит прежде всего тем книгам, которые он от начала и до конца перевел сам. С 1956 года, когда начали выходить книги с переводами с китайского М.И.Басманова, много раз менялась конъюнктура, но неизменным оставался интерес широкого читателя к работе талантливого переводчика. Спрос читательский на его работу был всегда, и заинтересованность издателей тоже была всегда. Как важно для переводчика быть не только знатоком китайского языка, но и поэтом в своем собственном творчестве!

В переводах М.И.Басманов тяготеет к лирике, она близка его поэтическому дарованию. Всеобщее признание получили его переводы китайских романсов (*цзы*) и лирики китайских поэтов с I по XX век. Он с полным правом назвал собрание своих лирических переводов "Голос яшмовой флейты слышу" (М., 1988). Поэт слышит звук древней флейты... А через шесть лет появился новый сборник "Встречи и расставания" (М., 1993). С тех пор минуло десять лет, но интерес к поэтическому слову не угасает. И вот сейчас, в 2003 году, в Санкт-Петербурге издательство "Северо-Запад пресс" выпускает роскошный том "Китайская лирика" в переводах М.И.Басманова с его предисловием. Лишь немногие поэты-переводчики удостоивались такого очевидного признания. Труды М.И.Басманова стоят теперь в одном ряду с работами А.И.Гитовича,

Л.З.Эйдлина как лучшие переводы китайской классической поэзии на русский язык.

М.И.Басманов всегда переводил поэзию современных китайских поэтов, причем с большим выбором — переводил лучшее, и в любом сборнике стихов его переводы обязательно останавливают на себе читательское внимание. Так и в собрании “Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом — для будущего” находятся переведенные М.И.Басмановым стихотворения Цю Цзинь, Мао Цзэдуна, Ай Цина, Цзан Кэцзя (М., 2002). Поэтические переводы с китайского, выполненные М.И.Басмановым, навсегда войдут в мир чтения нашей отечественной литературы. Любовь читателя поэтом завоевана, и остается порадоваться, что мастер удостоен заслуженного признания.

Поклонники творчества Михаила Ивановича Басманова, его друзья и коллеги поздравляют юбиляра и желают ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых успехов на ниве переводческого труда.

Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”

Общество российско-китайской дружбы

Льву Петровичу Делюсину — 80 лет

Один из крупнейших современных российских синологов Лев Петрович Делюсин известен отечественному и мировому научному сообществу как глубокий исследователь новейшей истории и общественно-политических процессов современного Китая и видный организатор научно-исследовательской деятельности в области китаеведения. Научная деятельность Л.П. Делюсина вносит важный вклад в историографию и теоретическое осмысление перемен, которые происходили и происходят на наших глазах в социально-политической жизни и общественной мысли Китая.

Творчеству Л.П. Делюсина присущ ряд примечательных особенностей. Одна из них состоит в том, что он анализирует события новейшей истории в неотрывной связи с культурным и цивилизационным наследием Китая. Такой подход позволяет глубже понять как закономерности внутренней динамики исторических процессов, так и специфику их внешних проявлений. Еще одна важная черта исследовательского метода, используемого Л.П. Делюсиным состоит в том, что его выводы основываются на скрупулезном изучении китайских источников. Многие из них он впервые ввел в научный оборот. Кроме того, уделяя большое внимание рассмотрению альтернативных точек зрения на исследуемый предмет, Л.П. Делюсин неизменно подвергает критике устаревшие догмы и схемы. Все это придает его работам объективность и новаторский характер.

Л.П. Делюсин развивал и оттачивал свой метод, начиная с первых шагов своей творческой биографии. Свидетельством тому может служить уже первая крупная монография ученого "Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК", опубликованная в начале 70-х годов прошлого века. Автор проделал огромную работу для того, чтобы, преодолевая весьма далекие от истины и служащие культу Мао Цзэдуна официозные трактовки, реконструировать действительную историю разработки китайскими коммунистами платформы своей партии по аграрно-крестьянскому вопросу. Л.П. Делюсину удалось проследить этот сложный путь во всей его противоречивости, во взаимосвязи с эволюцией и противостоянием взглядов на широкий комплекс проблем, связанных с характером китайской революции, с местом и ролью в ней различных классов и общественных сил, с социально-экономическим содержанием революционного процесса.

Свойством проникать в суть исторических явлений сквозь пласты неадекватных интерпретаций отличаются и работы Л.П. Делюсина, посвященные истории зарождения и развития социалистических идей в Китае ("Спор о социализме в Китае". М., 1980). Перед читателем раскрывается сложная картина переплетения и взаимовлияния различных течений социалистической мысли,

значительно более многомерная, чем она представляла в упрощенном изображении апологетов маоизма, для которых существовала только идейная "борьба двух линий": правильной, проводимой Мао Цзэдуном, и неправильной, ей противостоящей.

Одна из стержневых тем научного творчества Л.П. Делюсина — исследование различных аспектов модернизации Китая, перехода от патриархальности и феодализма к современному обществу. В этой связи большое внимание он уделяет соотношению модернизации и традиции, мирового и национального культурно-исторического наследия. Рассматривая эти проблемы, Л.П. Делюсин подчеркивает наличие в китайской традиции как исторически обусловленного консервативного начала, так и общечеловеческих ценностей. Это обстоятельство и стимулировало борьбу нескольких поколений китайских революционеров, реформаторов и просветителей за освобождение китайской культуры, самосознания китайской нации от пережитков прошлого, за духовное раскрепощение и освобождение человека.

Л.П. Делюсин анализирует духовную и политическую преемственность идей и режима Мао Цзэдуна с наиболее ретроградными, деспотическими аспектами исторического прошлого Китая, восходящими своими истоками к временам императора Цинь Шихуанди. Он последовательно раскрывает антигуманную сущность увековечения классово-борьбы и насаждения тотального единомыслия в китайском обществе. Л.П. Делюсин одним из первых в нашей стране по горячим следам исследовал тот огромный урон, который нанесла Китаю развязанная под знаменами "великой демократии" маоистская "культурная революция".

На материалах как недавнего прошлого, так и современности Л.П. Делюсин прослеживает процессы становления демократии в Китае. Он показывает сложность преодоления традиций тоталитарного строя и невозможность немедленного введения в Китае демократии по западному образцу. Вместе с тем, как подчеркивает Л.П. Делюсин, провозглашенный в Китае четверть столетия назад курс на рыночную экономику и открытость внешнему миру, на модернизацию страны не может не предполагать в конечном счете также и демократизацию политического строя. Без политической демократизации не может быть ни эффективной экономики, ни социальной стабильности.

Этот процесс неизбежно сталкивается с коренящимися в давнем и недавнем прошлом препонами. Становление политической демократии в Китае может быть основано, как подчеркивает Л.П. Делюсин, лишь на идеях правового государства, на всевластии закона, что в корне расходится с традиционным упованием политической философией Китая на моральное воспитание достойных чиновников и тем более противостоит культу верховного правителя.

Хотя по мнению Л.П. Делюсина трудно рассчитывать на скорый путь демократизации Китая, тем не менее он отмечает несомненные перемены в положении в стране этой области, в сознании китайцев, особенно молодежи, ведущие к освобождению от гипноза старых идей и приобщению к мировой цивилизации, к достижению свободы и демократии. Политическая демократизация, по Л.П. Делюсину, объективно ставится на повестку дня в связи не только с растущим углублением рыночных отношений, но и с появлением новых соци-

альных групп и страт, со своими специфическими интересами, со все большей открытостью страны внешнему миру.

За годы реформ, начиная с III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), по мнению Л.П. Делюсина, все более трансформируется представление в Китае об окружающем, в том числе, капиталистическом мире, который больше не выступает лишь как воплощение эксплуатации. В самом Китае появляется все больше капиталистических предприятий, отечественных и иностранных, широко используются капиталистические методы организации и управления производством. Все это меняет взгляды и на перспективы социализма.

Л.П. Делюсин высоко оценивает роль китайских обществоведов в разработке новых представлений о капитализме и социализме. Именно их разработки позволили постепенно уйти от планово-распределительной системы хозяйствования сталинско-маоистского образца ко все большему утверждению рыночных начал в экономике и все более настойчиво ставить вопрос о распространении реформ и на политическую сферу.

Прослеживая сложные перипетии реформ в Китае и развертывающиеся вокруг них дискуссии в стране, в правящей партии, особое внимание Л.П. Делюсин уделяет той выдающейся роли, которую сыграл в утверждении нового курса главный архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Именно ему посвящена последняя книга ученого. ("Дэн Сяопин и реформация китайского социализма". М., 2003) Дэн Сяопин характеризуется как великий реформатор не только китайского, но и общемирового масштаба, исторические заслуги которого не менее велики, чем заслуги таких величайших деятелей, как Кан Ювэй и Сунь Ятсен, а, возможно, даже превосходят их. При этом Л.П. Делюсин не проходит мимо элементов двойственности и непоследовательности в словах и делах Дэн Сяопина.

В книге отражен уникальный политический опыт Дэн Сяопина, в котором совместился опыт революционера и государственного деятеля, перемежались периоды политических взлетов и годы низвержений, годы следования курсу Мао Цзэдуна и, наконец, решительный отход от него и утверждением принципиально новых перспектив. Л.П. Делюсин убедительно доказывает, что в самом начале своего реформистского курса, отходя от сталинско-маоистской модели экономики, Дэн Сяопин еще не выработал четкого представления о том обществе, которое должно в конечном итоге сложиться. Взгляды его постепенно уточнялись в соответствии с теми социально-экономическими процессами, которые развертывались в стране, в соседних странах Восточной Азии. Новый курс определялся в ходе идейно-политической борьбы и не был лишен тактических компромиссов.

Оценивая итоги осуществленного под руководством Дэн Сяопина общественного переустройства, Л. П. Делюсин приходит к выводу, что китайский социализм обрел черты, сближающие его с современной социально ориентированной рыночной экономикой капиталистических стран. В этом смысле, полагает Л.П. Делюсин, теория Дэн Сяопина о начальном этапе строительства социализма или о социализме с китайской спецификой обретает свойства теории модернизации, теории развития, которую нельзя называть ни пролетарской, ни буржуазной. Что же касается употребляемых в Китае определений "социалистическая", "социалистический" к понятиям "модернизации", "рынок", то

это, полагает ученый, больше необходимая дань традиции и легитимизация власти компартии, чем объективное качество реальности.

Немало внимания уделяет Л.П. Делюсин отношениям между Россией и Китаем в истории и современности. Подчеркивая, что сегодня эти отношения в целом развиваются на прочной основе взаимного уважения и взаимопонимания, он вместе с тем отмечает, что стратегическому партнерству двух великих народов наносят ущерб российские национал-патриоты. Они пытаются посеять в сознании российского народа боязнь “желтой опасности” или, напротив, видя главную угрозу для России со стороны Запада, надеются парировать эту угрозу с помощью реанимации военно-политического блока с Китаем.

Вклад Л.П. Делюсина в науку не ограничивается его личным творчеством. Большое позитивное влияние на развитие исследований в нашей стране, на обогащение их теоретического и методологического оснащения, причем не только в области востоковедения и китаеведения, но и шире — в сфере гуманитарных и общественных наук — оказала его организаторская деятельность. Л.П. Делюсин на протяжении нескольких десятилетий был руководителем ряда академических научных коллективов. Под руководством Л.П. Делюсина в этих коллективах был создан и опубликован целый ряд высокопрофессиональных, ярких работ, вошедших в золотой фонд российского китаеведения. Особо нужно отметить роль Л.П. Делюсина в организации научного форума “Общество и государство в Китае”, ежегодно уже более тридцати лет собирающего китаистов из разных городов и разных исследовательских и образовательных учреждений страны. Публикации материалов этих конференций составили многотомную библиотеку, содержащую ценнейшие материалы практически по всем важнейшим проблемам истории, экономики, права, культуры, религии Китая.

Лев Петрович Делюсин и сегодня полон творческих сил и новых замыслов. Об этом убедительно свидетельствуют его последние работы. Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” сердечно поздравляют Льва Петровича Делюсина с восьмидесятилетием и желают ему здоровья и долгих лет плодотворного творческого труда на благо отечественной науки.

70-летие Алексея Николаевича Желоховцева

Алексей Николаевич Желоховцев, старший научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат филологических наук, специалист по китайской литературе, родился 29 сентября 1933 года в г.Москве.

А.Н.Желоховцев последовательно учился в Московском институте востоковедения, Московском государственном институте международных отношений, на Государственных центральных курсах заочного обучения иностранным языкам, на Высших курсах переводчиков при МГУ им. М.В.Ломоносова, стажировался в Языковом центре Наньянского университета Республики Сингапур. После учебы начал работать в системе Академии наук СССР — в Институте китаеведения, Институте народов Азии, а с 1969 года — в Институте Дальнего Востока.

В 1965 г. защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук по проблемам китайской средневековой прозы. Неоднократно выступал как официальный оппонент на защитах филологических диссертаций по классической и современной прозе, был ответственным редактором и составителем ряда работ по современному Китаю.

Опубликовал 2 монографии "Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая" (1969) и "Литературная теория и политическая борьба в КНР" (1979), а также книгу "Культурная революция" с близкого расстояния (записки очевидца)" (1973), переведенную на несколько языков, участвовал в коллективных монографиях "Судьбы культуры КНР" (1978), "Искусство стран Востока" (1986), "Лев Толстой и литературы Востока" (2000), автор нескольких параграфов в "Истории всемирной литературы", т.2 (1986). Постоянный автор издающегося в ИДВ РАН "Ежегодника по КНР", журнала "Проблемы Дальнего Востока", где выступает со статьями по современной китайской литературе, рецензиями на труды по литературе, публикуемые в Китае и России.

А.Н.Желоховцев регулярно выступает на международных и внутрироссийских научных конференциях с докладами по современной китайской литературе. В целом ряде российских изданий выступает как переводчик китайской общественно-политической, литературоведческой и художественной литературы (сб. "Китай на пути модернизации и реформ", 1999; кн. Маомао "Мой отец Дэн Сяопин", 2001; "Поэзия и проза Китая XX века", 2002).

Свой большой жизненный и профессиональный опыт А.Н.Желоховцев активно передает молодому поколению как руководитель аспирантов и преподаватель китайского языка.

Коллеги А.Н.Желоховцева поздравляют юбиляра со славным рубежом и желают ему доброго здоровья, бодрости, долгих лет жизни, активной работы на поприще китаеведения.

*Дирекция и общественные организации ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"
Общество российско-китайской дружбы*

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2003 год

ДОКУМЕНТЫ

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	№ 1
Делийская Декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия.....	№ 1
Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-японского плана действий.....	№ 2
Российско-японский план действий.....	№ 2
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	№ 4
<i>М.Титаренко.</i> Китай и глобализация. Вступительное слово при открытии XIV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".....	№ 6

ПОЛИТИКА

<i>Е.Афанасьев, К.Барский.</i> В гостеприимном Чжуннаньхае. (Размышления после визита Президента России В.В.Путина в КНР).....	№ 1
<i>Н.Анисимцев.</i> Центральный аппарат административно-государственного управления современной Японии.....	№ 5
<i>К.Асмолов.</i> Политические партии в Республике Корея.....	№ 4
<i>Я.Бергер.</i> XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая.....	№ 2
<i>Я.Бергер.</i> Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва).....	№ 3
<i>А.Болятко.</i> Обеспечение национальной безопасности Китая.....	№ 3
<i>А.Волохова.</i> Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе: оценки китайских политологов.....	№ 3
<i>С.Гончаренко.</i> Саммит АТЭС в Лос-Кабосе.....	№ 1
<i>С.Гончаров.</i> Китайцы в России — кто они?.....	№ 4

А.Жебин. Межкорейские отношения: взгляд из России.....	№ 2
Л.Забровская. Российские корейцы и их связи с родиной предков (1990-2003 гг.).....	№ 5
Г.Зиновьев. К вопросу о "консенсусе 92 г.".....	№ 3
Г.Зиновьев. Тайваньский вопрос и история формирования нормативной базы американо-китайских отношений.....	№ 5
П.Каменнов. КНР: проблемы обороны.....	№ 6
А.Лукьянов, Л.Переломов. Из истории идеологемы сяо кан.....	№ 3
М.Мещанинов. Проблемы пограничного сотрудничества между Россией и Монголией.....	№ 3
В.Михеев. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений.....	№ 6
В.Михеев. Экономика СВА: не состоявшееся (пока) единство. (Проблема стратегического видения).....	№ 2
В.Павлятенко. Лоцманская карта российско-японских отношений.....	№ 2
В.Портяков. Новый шаг на пути реформ.....	№ 6
В.Портяков. Эпидемия атипичной пневмонии в КНР.....	№ 5
Е.Сафронова. Глобализация и взгляд на нее из Китая и развивающихся стран.....	№ 6
А.Сизоненко. Консорциум научных центров АТЭС и проблемы безопасности в АТР.....	№ 2
Хон Ван Сук (РК). Поиск новых возможностей в корейско-российских взаимоотношениях в XXI веке: вызовы и шансы.....	№ 6
Чжан Байцзя (КНР). Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002 гг.).....	№ 6
А.Шлындов. Японо-американские отношения в политико-дипломатической и военно-стратегической областях.....	№ 4
Г.Яскина. Россия-Китай-Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества.....	№ 1

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

Решения XVI съезда Компартии Китая.....	№ 1

ОБЩЕСТВО

О.Почагина. Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР.....	№ 3
О.Почагина. Китайская молодежь: отношение к семье и браку.....	№ 6

ЭКОНОМИКА

А.Ананьев. Роль прямых иностранных инвестиций в экономике Китая.....	№ 5
Л.Бони. Китай принимает вызов мирового рынка.....	№ 6
О.Борох. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики.....	№ 3

<i>Л.Волкова.</i> Подряд на землю в китайской деревне: законодательные гарантии и возможности его трансформации.....	№ 3
<i>Л.Забровская.</i> Приморье в российско-северокорейских торгово-экономических связях (1990 г. — начало XXI в.).....	№ 4
<i>Е.Кранина.</i> Проблемы охраны окружающей среды и природных ресурсов КНР.....	№ 4
<i>А.Островский.</i> Сравнительный анализ экономической реформы в КНР и России.....	№ 4
<i>В.Ощепков.</i> Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай.....	№ 5
<i>Г.Пирогов.</i> Закат японского "экономического чуда".....	№ 2
<i>В.Портяков.</i> Об экономической роли государства в Китае.....	№ 4
<i>М.Потапов.</i> О теоретических аспектах современного азиатского постиндустриализма.....	№ 6
<i>И.Софьянников.</i> Реформа системы валютного регулирования в Китае.....	№ 1
<i>И.Стрелец.</i> Глобализация и новые информационные технологии в международном экономическом пространстве.....	№ 2
<i>Сюй Чжимин.</i> Перспективы добрососедских отношений между Китаем и Россией хорошие. Сфера торгово-экономического сотрудничества широкая.....	№ 3
<i>А.Тарасов.</i> Китайцы в Забайкалье.....	№ 5
<i>А.Тарасов.</i> Очерк сравнительного анализа экономического развития сопредельных территорий России и Китая (на примере Читинской области и Внутренней Монголии).....	№ 2
<i>Л.Ходов.</i> Автомобильный рынок Китая — объект интересов германских концернов.....	№ 2
<i>Ху Дэпин.</i> Размышления о теории и практике реформы в Китае.....	№ 3
<i>С.Цыплаков, Е.Попов.</i> Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы.....	№ 4
<i>Чан Минь Хоанг.</i> Преобразование государственного сектора экономики СРВ.....	№ 4
<i>И.Шевель.</i> Реформа банковской системы в Китае.....	№ 6
<i>Д.Шурхуу (МНР).</i> Глобализация и монголо-китайские торгово-экономические отношения.....	№ 6

ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Н.Боревская.</i> Частный сектор в китайской системе образования: проблемы и перспективы.....	№ 5

ИСТОРИЯ

<i>Д.Володин.</i> Роль Кореи в политике США (1945-1953 гг.).....	№ 6
<i>Е.Катасонова.</i> Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект.....	№№ 5, 6
<i>А.Коваль.</i> Воинский мемориал России в Порт-Артуре.....	№ 4

<i>Ма Луншань</i> . Дискуссия китайских ученых по вопросам о народничестве и китайской революции.....	№ 2
<i>Митя Сайе</i> . Некоторые исторические аналогии в процессе адаптации Индии и Китая к западной модели модернизации.....	№ 3
<i>А.Москалев</i> . Национализм Лян Цичао и современность.....	№ 5
<i>А.Решетов</i> . Востоковед и организатор науки П.И.Воробьев.....	№ 3
<i>Т.Симбирцева</i> . Русско-корейские "Правила для сухопутной торговли" 1888 г.: оценки южнокорейской историографии и факты.....	№ 4
<i>Син Хё Сук</i> . Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1960 гг.).....	№ 5
<i>У Вэй, Лю Сяньчжун (КНР)</i> . Китайские ученые о развале Советского Союза.....	№ 1
<i>А.Хисамутдинов</i> . Профессор юриспруденции и востоковед В.Рязановский (Из истории российской эмиграции в Китае).....	№ 2
<i>А.Хисамутдинов</i> . Русская община в Шанхае.....	№ 5

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М.Бородину. Публикация <i>К.Шевелева</i>	№ 3

ФИЛОСОФИЯ

<i>Д.Главева</i> . Принцип хонгаку — "исходной просветленности" в традиции японского буддизма.....	№ 5
<i>О.Городецкая</i> . "Лицо", "личность" и "портрет" на Западе и Востоке (соотношение понятий и явлений).....	№ 3
<i>А.Калкаева, Е.Калкаев</i> . Новация и традиция в раннеимперском конфуцианстве (на материале трактата Ян Сюна "Великое Сокровение").....	№ 1

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

<i>М.Титаренко</i> . Духовная культура Китая и симфония культур.....	№ 6

КУЛЬТУРА

<i>М.Бастид-Брюгьер (Франция)</i> . Новое открытие традиционной китайской культуры.....	№ 1
<i>В.Буров</i> . Памятные места Китая. Цюаньчжоу.....	№ 2
<i>О.Железняк</i> . Японская культура в условиях глобализации.....	№ 3
<i>Е.Завидовская</i> . Постмодернизм и современная китайская литература (Интервью китайских ученых).....	№ 2
<i>О.Пироженко</i> . Футбол и корейцы: национальные и политические аспекты восприятия в РК чемпионата мира по футболу 2002 г.....	№ 1
<i>К.Родченкова</i> . Загадочный "мир Харуки Мураками".....	№ 5
<i>Ю.Смертин</i> . Кисэн: "Цветы на обочине".....	№ 2
<i>Г.Юсупова</i> . Творческие поиски Цань Сюэ.....	№ 9

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- А. Давыдов.* К 110-летию со дня рождения Сун Цинлин..... № 3
К. Куликова. VII конференции Общества российско-китайской
дружбы..... № 3
Г. Куликова. 45-летний юбилей Общества российско-китайской
дружбы Хабаровского края..... № 6
Е. Лапшина. Празднование 45-й годовщины ОРКД..... № 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К. Асмолов.* Россия и Корея в меняющемся мировом порядке.
VII конференция российских корееведов..... № 3
М. Александра. Открытие зала российско-китайской дружбы в
Институте Дальнего Востока РАН..... № 1
Вручение диплома "Почетный доктор ИДВ РАН"
Чрезвычайному и Полномочному Послу КНР в РФ Чжан
Дэгуану..... № 4
Д. Главева. Философии Восточноазиатского региона и
современная цивилизация. IX Всероссийская научная
конференция..... № 4
Е. Лапшина. Диссертации, защищенные в ИДВ РАН в 2002 г..... № 4
Д. Смирнов. Научно-теоретическая конференция в ЦИПИК
ИДВ РАН..... № 2
А. Соловьев. Презентация русского перевода древней корейской
летописи "Самгук саги" ("Исторические записки Трех государств")..... № 2
В ученом совете ИДВ РАН..... № 5
О. Почагина. XIV Международная научная конференция "Китай,
китайская цивилизация и мир. История, современность,
перспективы"..... № 6
С. Торопцев. Литературное творчество Ван Мэна.
Международная научная конференция в Циндао..... № 6

РЕЦЕНЗИИ

- Е. Бажанов.* Яскина Г.С. Монголия и внешний мир..... № 2
В. Буров. Гордон Г. Чан. Грядущий коллапс Китая..... № 1
А. Григорьев, А. Ломанов. Титаренко М.Л. Россия: безопасность
через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор..... № 2
А. Жебин. Сборник. Корея и Россия: традиции и современность..... № 4
О. Железняк, А. Пархоменко. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы
военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.)..... № 4
А. Желозовцев. Серия литературы русских эмигрантов в Китае..... № 6
А. Кошкин. Былое и думы сибиряка (о книге Маркова А.П. "Как
это было")..... № 1
С. Лузянин. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы
международных отношений. Том 3..... № 1

С.Лузянин. История Кореи (Новое прочтение) под ред. А.В.Торкунова.....	№ 5
Т.Михайленко. Жукова И.В. Стилистика японского языка.....	№ 5
Т.Полоскова, Д.Цветков. Кубышина Г.А. Переход к рынку (опыт России и стран Азии).....	№ 6
А.Сенаторов. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг.....	№ 1
С.Тихвинский. Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай-Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия.....	№ 1
Г.Трофименко. Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир.....	№ 3
И.Усов. Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы. Материалы конференции.....	№ 4
Т.Цыдыпов. Страницы прошлого. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40-80-е гг.). Материалы серии круглых столов.....	№ 2
Чэнь Кайкэ. Цай Хуншэн. Записки о Российской духовной миссии в Пекине.....	№ 5
А.Юркевич. Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.).....	№ 2
Е.Якимова. Боровская Н.Е. Очерк истории школы педагогической мысли в Китае.....	№ 3
Г.Яскина. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы безопасности. Материалы круглого стола.....	№ 2

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Басманову Михаилу Ивановичу — 85 лет.....	№ 6
Александру Мироновичу Григорьеву 70 лет.....	№ 3
Льву Петровичу Делюсину — 80 лет.....	№ 6
70-летие Алексея Николаевича Желоховцева.....	№ 6
Борису Трофимовичу Кулику — 75 лет.....	№ 4
Юбилей потомственного китаеведа Г.А.Степановой.....	№ 4
Академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому 85 лет.....	№ 5
60-летие Виктора Николаевича Усова.....	№ 1

Александр Сергеевич Красильников (12.12.1937 — 17.9.2003)

Александр Сергеевич родился 12 декабря 1937 г. в селе Спасском Спасского района Горьковской области в семье сельской интеллигенции. Окончил мужскую среднюю школу в г. Горьком и в 1958 г. там же закончил авиационный техникум по профессии техник-строитель. С ноября 1958 по июль 1961 служил в Советской Армии. В 1961 г. поступил в МГИМО на факультет международных экономических отношений с углубленным изучением сербско-хорватского и английского языков, который закончил в 1967 г.

А.С. Красильников с марта 1967 г. начал работать в Институте Дальнего Востока АН СССР, где прошел путь от младшего научного сотрудника до старшего, успешно защитил кандидатскую диссертацию и проработал в ИДВ более 30 лет. В ноябре 2000 г. по болезни ушел на пенсию.

А.С. Красильников активно разрабатывал тему международных отношений. Им в соавторстве с М.В. Фомичевой была написана и издана в 1976 г. монография «Китай и Африка», где исследовался курс КНР в отношении стран этого континента.

Занимаясь проблемами национально-освободительных движений, он исследовал эволюцию политики КПК в отношении коммунистических, революционно-демократических, националистических партий в африканских и арабских странах в 50–80 гг. XX века.

В 1984 г. он издал монографию «КНР и национально-освободительное движение на Юге Африканского континента (1961–1983 гг.)», которая представляла комплексное исследование, обобщающее изучение внешней политики КНР в отношении национально-освободительного движения на юге Африки и в бывших португальских колониях в 50– начале 80-х годов.

Некоторые его работы переводились и издавались за рубежом: в США, странах Европы, Азии и Африки.

Много внимания Александр Сергеевич уделял изучению положения в молодежных движениях стран Азии, Африки и Латинской Америки, являясь долгие годы консультантом КМО СССР. Он изучал молодежное движение как в социалистических странах (являлся одним из основных авторов учебника 1976 г. «Молодежное движение социалистических стран»), так и в странах социалистической ориентации (издав в 1982 г. брошюру на эту тему совместно с зам. председателя КМО СССР Ю.А. Горячевым) в развивающихся странах.

А.С. Красильников уделял много внимания изучению молодежного движения в Китае и влиянию «левой» идеологии на него, написав несколько десятков статей на эту тему и выпустив совместно с В.Н. Усовым брошюру «Маоизм и молодежное движение» в 1975 г., переведенную на многие языки мира. Где бы ни трудился Александр Сергеевич, он неизменно выступал вдохновителем и генератором новых идей. Кроме книг им написано и опубликовано свыше 100 научных и научно-публицистических работ. К этому следует добавить доклады и выступления на многочисленных научных конференциях, включая международные.

В последние годы А.С. Красильников занимался вопросами укрепления доверия и разблокирования конфликтных ситуаций в АТР, изучением национальных интересов России.

Александр Сергеевич был доброжелательным и отзывчивым товарищем, всегда готовым прийти на помощь всем нуждающимся в ней, талантливым и добрым человеком, патриотом своей Родины.

Светлая память об Александре Сергеевиче Красильникове навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег.

*Дирекция и общественные организации ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Евгений Алексеевич Торчинов (22.08.1956 — 12.07.2003)

Отечественное китаеведение понесло тяжелую утрату. Скоропостижно скончался выдающийся российский религиовед и историк философии, крупнейший в нашей стране специалист по даосизму и китайскому буддизму, доктор философских наук, профессор Евгений Алексеевич Торчинов.

Е.А. Торчинов родился 22 августа 1956 г. Окончив в 1978 г. восточный факультет Ленинградского государственного университета, он до 1984 г. занимался научной работой в Государственном музее истории религии и атеизма. В 1984 г. Евгений Алексеевич стал кандидатом исторических наук, блестяще защитив диссертацию, посвященную эволюции даосизма в период Лючао (III-VI вв.). После защиты он до середины 90-х годов трудился в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) в качестве старшего научного сотрудника.

Евгений Алексеевич стал пионером изучения в России религиозно-философского учения и практики средневекового даосизма, прежде всего даосской алхимии. В его переводе впервые на русском языке вышел целый ряд классических даосских трактатов, в том числе труды самых знаменитых теоретиков алхимии Гэ Хуна и Чжан Бодуаня. Е.А. Торчинов подверг тщательному анализу специфику так называемого внутреннего ритуала в даосизме. Он показал, как символический язык «внешней», лабораторной алхимии стал средством выражения того переживания космического процесса, которое дало начало «внутренней» алхимии, мыслившейся в средневековом даосизме главным средством достижения психофизического бессмертия. В 1993 г. Евгений Алексеевич стал доктором философских наук. Текст его диссертации лег в основу известной монографии «Даосизм: опыт историко-религиоведческого описания» (СПб.: Андреев и сыновья, 1993), выдержавшей несколько переизданий. Широкой известностью у специалистов и любителей восточной культуры пользуются и другие книги Е.А. Торчинова, посвященные даосизму.

Интерес к проблемам идейного взаимодействия даосизма и буддизма естественно привел исследователя к углубленному изучению доктрин и религиозной практики китайских буддийских школ. Евгению Алексеевичу принадлежат переводы их классических текстов, опубликованные в сборниках «Религии Китая» (СПб.: Евразия, 2001), «Избранные сутры китайского буддизма» (СПб.: Наука, 1999) и других, а его лекции «Введение в буддологию» (СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000) стали одним из основных учебных пособий по курсу истории религии в российских вузах. Неоднократно переиздавался другой фундаментальный труд Е.А. Торчинова, посвященный проблемам сравнительного религиоведения: «Религии мира. Опыт запретельного: трансперсональные состояния и психотехника» (СПб.: Санкт-Петербургское востоковедение, 1997). Он был одним из основных авторов энциклопедического словаря «Китайская философия» (М.: Мысль, 1994), участвовал в подготовке энциклопедии «Духовная культура Китая», работа над которой ведется в Институте Дальнего Востока РАН.

Научные достижения Е.А. Торчинова получили безусловное признание его российских и зарубежных коллег. С середины 90-х годов он преподавал на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета, где вскоре возглавил им же созданную кафедру философии и культурологии Востока. Евгению Алексеевичу довелось читать лекции в крупнейших университетах Канады, перспективные контакты завязывались у него с французскими коллегами. Безвременная кончина превала его творческие планы.

Коллеги и друзья знали Е.А. Торчинова не только как талантливого ученого, но и как удивительно доброго, отзывчивого, бескорыстного человека. Светлую память о Евгении Александровиче навсегда сохранят те, кому выпало счастье работать и общаться с ним.

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Для печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Для интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.10.2003 г. Подписано к печати 17.11.2003 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,4 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 910 экз. Зак. 7798

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2003 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вышел в свет очередной — IV том серии сборников документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”, подготовленный учеными Института Дальнего Востока РАН, Российского государственного архива социально-политической истории и Восточноазиатского семинара Свободного университета Берлина.

Свыше 400 включенных в том в большинстве ранее не публиковавшихся архивных документов освещают китайскую политику Москвы и взаимоотношения между Коминтерном и Компартией Китая в период от захвата японской военщиной Северо-Востока Китая (сентябрь 1931 г.) до начала японо-китайской войны (июль 1937 г.), то есть на заключительном этапе советского движения в Китае и в годы перехода к политике единого национального анти-японского фронта сил КПК и Гоминьдана.

В книге впервые публикуются ранее не доступные исследователям секретные документы руководящих органов ВКП(б) и Коминтерна, Дальневосточного бюро ИККИ, работавшего нелегально в Шанхае, в том числе шифрпереписка между Коминтерном, ЦК КПК и Дальбюро ИККИ.

Книга представляет интерес для специалистов и читателей, интересующихся историей внешней политики СССР, историей “восточной” политики Коминтерна, вопросами взаимоотношений ВКП(б), Коминтерна и Компартии Китая.

**Книгу можно приобрести в книжных киосках издательства “РОССПЭН”,
находящимся по следующим адресам:**

- “Книжный киоск РОССПЭН”
в здании Института российской истории РАН,
ул. Дмитрия Ульянова, 19
(метро “Академическая”, тел. 126-94-18);
- “Книжная лавка историка”
в здании Российского государственного архива соци-
ально-политической истории, ул. Б. Дмитровка, 15
(метро “Охотный ряд”, тел. 200-50-07);
- “Книжная лавка обществоведа”
в здании Института информации по общественным
наукам РАН, Нахимовский проспект, 15/21
(метро “Профсоюзная”, тел. 332-47-25).